

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Москва 2017

Издание выходит
раз в квартал

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

И.М. Бусыгина

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертез (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

В.А. Рыжков

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь *С.А. Максимов*

Верстка *Валерия Козак*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
НО «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)»*

Содержание

№ 3–4 (73) 2017

К 25-летию Школы

Приветствия

Ханс-Герт Пёттеринг
Елена Немировская
Франк-Вальтер Штайнмайер
Рюдигер фон Фрич
Торбьёрн Ягланд
Джек Ханнинг
Катрин Лалюмьер
Альваро Хиль Роблес
Джон Ллойд
Крис Паттен
Рене Нюберг
Соня Лихт
Юрий Сенокосов

5

Семинар

Об ответственности «интеллектуала»

Анатолий Михайлов

23

Дискуссия

34

Проблема национальной идентичности и безопасность

Рина Кальюранд

40

Дискуссия

44

Тема номера

Право и три европейских кризиса: экономика, безопасность, политика

Мигель Аспитарте Санчес

53

Мигель Бельтран де Фелипе

О парадоксе нордического социального контракта

Ларс Трэгерд

65

Вызовы и угрозы

Мир в эпоху глобальности

Людгер Кюнхардт

71

Гражданское общество

Гражданское образование в контекстах мировой истории

Александр Согомонов

78

<i>Права человека и верховенство права</i>	97
<i>Вадим Клювгант</i>	
<i>Осуществление прав человека невозможно без механизма принуждения</i>	104
<i>Григорий Охотин</i>	
<i>Популизм и будущее гражданского общества</i>	111
<i>Даниэль Детлинг</i>	

Точка зрения

<i>Эра Водолея</i>	114
<i>Александр Волков</i>	
<i>Национальная и региональная идентичность Республики Польша в условиях глобализации</i>	126
<i>Сергей Большаков</i>	

Книги

<i>«В польмя»: Российская империя накануне крушения</i>	131
<i>Андрей Захаров</i>	
<i>Контрапункт</i>	134
<i>Владимир Рыжков</i>	

Nota bene

<i>Русская революция 1917 года для нашей страны и мира: взгляд сто лет спустя</i>	146
<i>Василий Жарков</i>	
<i>Андрей Захаров</i>	
<i>Андрей Рябов</i>	
<i>Марк Симон</i>	

*В оформлении этого номера журнала использованы работы авторов
из Испании, Италии, Франции, России, США.*

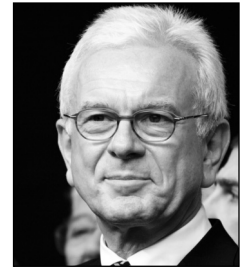
22–23 ноября 2017 г. в Берлине состоялся III международный форум «В поисках утраченного универсализма» под патронатом Совета Европы, посвященный 25-летию Московской школы гражданского просвещения. Конференц-зал Фонда Конрада Аденауэра собрал гостей из 22 государств Европы, Азии и Северной Африки.

Участников форума приветствовали президент Фонда Конрада Аденауэра **Ханс-Герт Пёттеринг**, основатель Школы гражданского просвещения **Лена Немировская**, генеральный секретарь Совета Европы **Торбьёрн Ягланд**, федеральный президент Германии **Франк-Вальтер Штайнмайер**. Зачитавший послание последнего чрезвычайный и полномочный посол Германии в России **Рюдигер фон Фрич** подчеркнул от себя: «Убеждения — это не то, что дает вам гарантии победы».

Рефреном приветствий, докладов и дискуссии форума стало акцентирование личной позиции человека, понимания ценностей, на которых создавался Евросоюз, — индивидуальных и гражданских прав и свобод — в ситуации роста популистских и авторитарных тенденций в мире. Соучредитель Московской школы гражданского просвещения **Лена Немировская** подчеркнула: «У каждого из нас столько свободы, сколько каждый из нас может заплатить за нее лично, не перекадывая на другого».

25 лет Школе

Ханс-Герт Пёттеринг,
президент Фонда имени Конрада Аденауэра

Дамы и господа, Конрад Аденауэр сказал: «Демократия — это больше, чем парламентская форма правления, это мировоззрение, это взгляд на мир, это право на достоинство и неотчуждаемые права во всех сферах жизни».

Мы понимаем, что ценности нуждаются в защите. Демократия требует постоянного внимания. Наша приверженность принципам и нашим ценностям объединяет Фонд Аденауэра с вами, нашими партнерами и друзьями, которых я имею честь сегодня приветствовать здесь, в Берлине.

Позвольте также поздравить Московскую школу, дорогая Лена, по случаю 25-й годовщины ее основания. Ваша замечательная Школа в этом году отмечает этот юный и одновременно значимый юбилей.

Московская школа наряду с Фондом и со всеми организациями, представленными здесь, ценит вклад молодых людей в развитие своих обществ и активную позицию в демократическом созидании. Мы, немцы, как и многие народы, вновь и вновь убеждаемся в необходимости этой работы. Мы знаем об угрозах для Германии, в частности, такой организации, как «Альтернатива для Германии», — крайне правой партии, которая посредством популизма и демагогии получила представительство в бундестаге и использует в своих целях средства и инструменты, включая ложную информацию. Мы знаем, что для защиты и отстаивания принципов демократии мы обязаны стоять на страже наших ценностей.

Подобные проблемы, к сожалению, есть не только в Германии. Мы видим, как в разных странах мира поднимают головы крайне правые и даже фашиствующие партии. Мы видим это в некоторых государствах — членах Совета Европы. И это, безусловно, должно повышать уровень нашей информированности и бдительности. Мы понимаем, что люди, считающие себя европейцами, должны в первую очередь исходить из неприятия изоляционизма, превосходства одного народа или культуры над другими. Этому учит история. К счастью, после двух мировых войн в Европе были и есть люди, обладавшие прогрессивным мышлением и стоящие сегодня на защите этих ценностей. Однако мы видим также, что наши ценности все чаще оспариваются, предпринимаются попытки их нивелировать.

Московская школа — это, безусловно, великолепный партнер, институт, который в сложнейших условиях в своей стране и в мире продолжает нести эти ценности гордо и стойко.

Дорогая Лена, мы знаем, с какими проблемами и трудностями вам приходится встречаться. Мы тем более счастливы приветствовать вас здесь, в Фонде Аденауэра. Позвольте тепло приветствовать вас в нашей Академии. Так же как я приветствую здесь Норвежский институт международных исследований, представителей Фонда имени Роберта Боша, представителей Финляндии и Королевства Нидерландов в Совете Европы. Благодарю вас за вклад в сотрудничество с Россией.

Мы, европейцы, безусловно, разделяем общие ценности. В этой связи позвольте сказать, что в бытность председателем Европейского парламента в 2007 году мне вместе с председателем Европейской комиссии

господином Жозе Мануэлем Баррозу довелось подписать Хартию об основных правах и свободах ЕС. В Хартии мы с великим тщанием, как нам кажется, сформулировали права, которые должны быть неотчуждаемы и применимы ко всем людям, живущим не только в Евросоюзе, но и на всей планете.

Добро пожаловать!

Елена Немировская,

основатель Московской школы гражданского просвещения

Спасибо вам, всем собравшимся здесь, в зале Фонда Конрада Аденауэра в Берлине.

Спасибо всем фондам и организациям, которые сделали эту встречу возможной.

Мне традиционно хотелось бы в самом начале нашей встречи ответить на вопрос, почему мы здесь.

Потому что мы те, кто превыше всего ценит и ценит свободу. Свободы у каждого из нас столько, насколько каждый лично способен быть ответственным за эту свободу.

Мы те, кто предпочитает демократию вместо гнетущей тяжести номенклатурно-бюрократической власти. Мы верим, что только свобода позволяет осуществлять перемены и реформы, не прибегая к насилию и тотальному контролю над жизнью человека.

Мы здесь еще и потому, что в этом году нам исполнилось 25 лет.

Создавая Школу 25 лет назад, мы переживали время свободного парения и еще не знали, что, познав свободу, невозможно с ней расстаться. Но уже тогда стало понятно, что свобода требует от нас цивилизованной грамотности, то есть понимания, что такое гражданственность. Поэтому наш девиз: «Мы разные, но все мы — граждане!»

Банально, но идеи демократии представляются более желанными, когда за них приходится бороться, чем когда они становятся нормой жизни. Вчерашние защитники демократии часто не знают, куда идти дальше, а большинство людей обнаружило, что в жизни произошло мало перемен к лучшему.

Эти связанные с демократией проблемы характерны не только для посткоммунистических стран.

Интерес к демократии ослабевает. И мы здесь потому, что понимаем: деполитизация демократических обществ и пропагандистская политизация в авторитарных режимах достигли опасной черты. Однако я убеждена: именно поэтому так важно сегодня активизировать гражданское гуманитарное пространство.

Мы здесь потому, что понимаем: сегодняшний кризис носит глобальный характер. Это политический и экономический кризис, кризис форм и институтов принятия решений, кризис доверия, кризис демократии.

Однако это не значит, что кризису нельзя противостоять, занимая гражданскую нравственную позицию, которая выражается в чувстве ответственности и долга гражданина перед обществом.

Мы воспитывались на положительных образах героев советской литературы, а жили во времени «затянувшегося одичания» и поэтому оказались инфантильными. Гражданская ответственность позволяет преодолевать состояние инфантильности, поощряемой государством. Именно благодаря гражданственности, то есть осознанию своих прав и обязанностей, к нам возвращаются результаты нашей деятельности, потому что мы действуем в публичном пространстве и перестаем быть подданными.

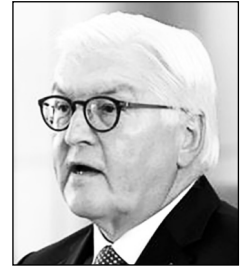
Именно гражданственность помогает нам понять, что свобода неразрывно связана с личной ответственностью, критическим мышлением, стремлением к справедливости и здравому смыслу. Гражданственность — это создание такого мира, который создается каждым из нас. И мы постоянно воссоздаем этот мир и себя в своем жизненном пространстве через нашу активность и участие.

Задача Школы гражданского просвещения — помогать нашим согражданам выйти из состояния фрустрации; распознавать новые запросы и искать пути их разрешения.

Мы здесь, в центре Европы, потому что верим: активная гражданская жизнь — это способ бытия, открывающий человеку возможность его личной реализации в чем-то не менее важном, чем профессия. А именно позволяющая практиковать сложность современной жизни в условиях демократии.

Именно в этом я вижу смысл и призвание наших школ — в просвещении, гражданском образовании и воспитании гражданина — свободной и ответственной личности.

**Приветственное слово
президента ФРГ Франк-Вальтера Штайнмайера**

С большим удовольствием и радостью я снова приветствую в Берлине Елену Немировскую и Школу гражданского просвещения и поздравляю с 25-летием Школы. Тот утраченный универсализм, который вы продолжаете искать на ваших конференциях в Школе, оказался непростым и, конечно, сталкивается с препятствиями. Сблaзн отстраниться от международных дел и вступить в конфронтацию, отгородиться от мира и погрузиться в частные интересы возрос с того момента, когда я встречал вас в Берлине два года назад. Многие из вас живут и работают в условиях, которые становятся все более и более сложными. Однако универсализм остается важной целью и руководящим принципом нашего мышления и нашей практической работы. Чрезвычайно необходим свежий взгляд на ситуацию в наших странах и на общие тенденции в эпоху глобальных перемен.

Некоторые наши предположения о процессах трансформации и о неизбежности сближения после падения железного занавеса оказались слишком оптимистичными. Исключительно важно, чтобы мы сохраняли способность критически переосмысливать свои предположения, приспосабливаться к новым условиям и лучше понимать современные события. Вопросы и критика, конечно, важны, однако нельзя позволить, чтобы сомнения взяли верх. Нам необходимо учитывать реальный характер человеческой природы, когда мы размышляем о политическом будущем нашей планеты, о чаяниях и опасениях людей.

Но нет оснований поддаваться отчаянию. Будущее менее определено, чем, возможно, многие из нас полагали два десятилетия назад. Но я глубоко убежден, что наше будущее не предопределено окончательно и в наших силах сделать его лучше.

Такие встречи, как ваша, дают возможность задуматься о настоящем вместе с лучшими умами и опытом из первых рук, для того чтобы лучше понимать происходящее. Такие мероприятия дают возможность укрепить нашу уверенность в том, что никто из нас не одинок в нашем стремлении дать всему лучшему, что есть в человеке, возможность внести свой вклад в создание более мирного и более гуманного мира.

Как всегда, желаю вам здоровой порции оптимизма и стойкости!

**Рюдигер фон Фрич,
посол Германии в России**

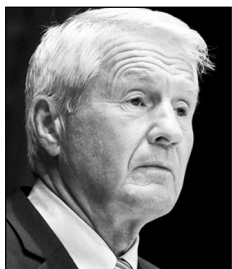
Позвольте мне лично добавить. Я работал на государственной дипломатической службе более 30 лет, начиная с социалистической Польши 70-х. И должен сказать, последние месяцы чем-то напоминают мне ситуацию, которую я тогда наблюдал. Я вовсе не хочу указать на какую-то отдельную страну, во

многим это касается и моей страны тоже. И не хотел бы проводить какие-либо параллели, но думаю, есть обстоятельства, подрывающие способность должным образом анализировать наше нынешнее положение. То, чему мы действительно являемся свидетелями, это предпочтение конфронтации сотрудничеству, национализму — примирению. Мы наблюдаем, как многие подлинные ценности подвергаются ревизии, а те, кто пытается выстоять, высмеиваются, или жизнь их становится очень сложной.

И кто нас вдохновляет? Те советские люди, которые выстаивали, не имея никакой надежды, зная, что убеждения не дают гарантии на успех. В конце концов таких стало много и они победили. И это дает нам сегодня, когда мы видим таких людей, надежду.

Спасибо, Лена и Юрий, за все, что вы делаете и что вы делали. И я желаю вам всего наилучшего!

*Генеральный секретарь Совета Европы
Торбьёрн Ягланд*

Дорогие друзья, я очень сожалею, что не могу лично присутствовать на форуме, хотя вопросы, которые вы обсуждаете, очень важны. Сегодняшняя европейская демократическая модель испытывает все большее напряжение. Те сложности, с которыми она сталкивается, — это политический экстремизм, популизм, основанный на ненависти дискурс и деградация демократических институтов. Мы должны выстоять перед этими вызовами и обсуждать, как мы будем им противостоять. Именно поэтому мероприятия, подобные вашим, столь важны.

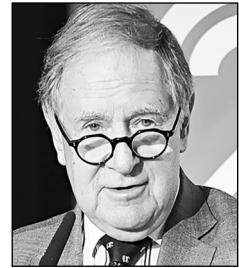
Школа гражданского просвещения с самого начала была очень инициативна в продвижении демократических ценностей. Она способствовала созданию российского государства на основе гражданского участия и верховенства права. Эти темы сегодня так же актуальны, как в 1992 году. Гражданское просвещение остается ключом для продвижения этих целей. Я хотел бы выразить свое восхищение Леной Немировской, ее командой и всем, чего они вместе добились за эти годы.

Московская школа стала первым в своей стране сообществом подобного рода. Ее успех заразителен, она вдохновила целую сеть таких сообществ, которые возникли как в бывшем Советском Союзе, так и в странах Восточной и Центральной Европы, Южного Кавказа, и дальше — за пределами Европы, на южном побережье Средиземного моря.

Тревожно, что сегодня Московская школа работает в очень сложной ситуации: на ее работу серьезное влияние оказал закон об иностранных агентах. Уверяю вас в моей постоянной поддержке. Точно так же, как моя предшественница, госпожа Лалюмьер, помогала продвигать этот институт, мы продолжаем стоять плечо к плечу с вами. Совет Европы сделает все, чтобы воссоздать условия, в которых Школа сможет нормально работать, и не допустить таких угроз в других странах.

Европе необходима более крепкая демократия и более здоровая политическая культура. Это предполагает более совершенные политические институты, появление ответственных лидеров, подотчетных гражданам. Культура гражданского просвещения создает условия для этого. И я знаю, что Московская школа останется очень важным партнером Совета Европы. Желаю вам успеха!

*Джек Ханнинг,
генеральный секретарь Ассоциации школ
политических исследований Совета Европы*

Доброе утро всем присутствующим! Начну с поздравления всех с Днем благодарения. Американцы празднуют этот день начиная с 1621 года — как день сбора первого урожая. Основали эту традицию в Америке первые переселенцы, которых потом стали называть «отцы-пилигримы», подвергавшиеся религиозным гонениям в Англии.

Мы же празднуем сегодня 25-ю годовщину основания Московской школы. Ее основатели Лена и Юра также столкнулись с преследованиями. Они теперь тоже пилигримы или, правильнее сказать, кочевники, потому что вынуждены перемещаться из одного места в другое, делая ту работу, которую при нормальных обстоятельствах они должны были бы делать в России.

И хотел бы, поскольку сегодня, как я сказал, праздник Дня благодарения, попросить вас вспомнить директора Азербайджанской школы Ильгара Мамедова, который был приговорен к семи годам тюремного заключения вопреки решению Европейского суда, постановившего в мае 2014 года, что власти в Азербайджане нарушили ряд основных положений в области прав человека при аресте и вынесении приговора Мамедову.

Но не будем сегодня о грустном, я присоединяю свой голос к другим, которые вчера отдавали должное Лене и Юре и их замечательной команде, с кем еще пять лет назад мы могли праздновать 20-летие Школы в Голицыно.

Меня поражает, насколько все это похоже на семью и насколько это было прекрасно. Люди приезжают в Школу с разным опытом, различными мнениями и могут выражать их в спокойной, располагающей к общению обстановке. Лучше сказать — демократически могут выражать свое мнение, и в этом состоит дух Школы, который пестуют Лена и Юрий. Происходит это благодаря им и всем, кто много лет делился своим опытом и знаниями с поколениями выпускников Школы. Хочу также поблагодарить многих спонсоров, которые поддерживали и поддерживают Московскую школу.

Мы в Ассоциации школ Совета Европы, который я здесь сегодня представляю, делаем все, что можем, чтобы помочь Московской школе, которая была первой, учрежденной при покровительстве Совета Европы. И мы проторили дорогу для всех, кто пошел по этому пути в Европе и за ее пределами.

Учреждение Московской школы в 1992 году было результатом понимания и дружбы между двумя несколько легкомысленными дамами — Леной Немировской и тогдашним секретарем Совета Европы Катрин

Лалюмьер. Катрин остается президентом нашей ассоциации и связана со Школой. Она продолжает этот проект и считает его близким своему сердцу. К сожалению, она не смогла приехать к нам из-за совершенно непредвиденных обстоятельств. Поэтому она просила зачитать свое послание форуму. С вашего разрешения я сейчас это сделаю.

«Дорогая Лена, дорогой Юрий, дорогие друзья! В этом году вы встречаетесь снова в Берлине благодаря щедрости Фонда Аденауэра, Фонда Боша, Норвежского института международных исследований, правительств Финляндии и Нидерландов. Хотела бы я быть с вами в этот момент, но, к сожалению, принятые в последний момент обязательства заставили меня остаться в Париже. Я очень сожалею об этом, потому что больше чем когда-либо хотела бы услышать о политической ситуации в вашей стране и поговорить о том, что происходит в моей стране. Франция в настоящий момент переживает изменения, которые могут быть и важными, и плодотворными, если не столкнутся с большим сопротивлением.

Сегодня, когда я смотрю на многих представителей стран Совета Европы, включая те страны, которые являются самой основой, сердцевинной Евросоюза, я чувствую беспокойство. Те ценности, которые лежат в основе европейского проекта и которые были приняты 28 членами ЕС, когда они вступали в организацию, все больше и больше ставятся под сомнение лидерами, которые имеют очень странное представление о правах человека и верховенстве права. Я осознаю, какой путь мы проделали не только в Восточной, но и в Западной Европе с момента падения Берлинской стены. Однако теперь, вопреки всем нашим надеждам, движение повернуло вспять.

Наши школы сегодня более чем когда-либо отвечают подлинным потребностям прогресса. Несмотря на скудость ресурсов, которые выделяются на деятельность этих школ, они пытаются справиться с трудностями. 25 лет назад Лене пришла в голову замечательная идея. И я очень счастлива, что Совет Европы тогда поддержал и продолжает поддерживать эту инициативу для того, чтобы противостоять популизму, авторитаризму, ксенофобии, расизму и другим явлениям. Лучшая защита от регресса — просвещение. Да здравствует Школа, да здравствуют все центры силы и знания!

Катрин Лалюмьер
Париж, 17 ноября 2017 г.»

Продолжение выступления Дэсека Ханнинга

Простите, пожалуйста, вам придется потерпеть меня еще немного, потому что я хотел бы добавить одно-два замечания. Мне очень повезло, я работал с Катрин Лалюмьер в ту пору, когда она была генеральным секретарем Совета Европы. И так вышло, что 9 ноября 1989 года я был с ней в Осло, когда мир узнал о падении Берлинской стены. Г-жа Лалюмьер немедленно

выпустила заявление, в котором приветствовала это событие. Но также она подчеркнула, что следующий этап распада тоталитарной системы непременно предполагает изменение образа мысли и системы ценностей, ментальности и склада ума.

Я также был с Катрин в Москве (Лена упомянула об этом), когда с помощью двух друзей Школы мы отправились на ужин домой к Лене и Юре. Именно в тот вечер на знаменитой кухне Лены возникла идея Московской школы политических исследований. Тогда еще трудно было понять, как она может выглядеть, но обсуждался вариант помощи Совета Европы.

Я хочу поблагодарить Ханса Фуррера, который и продвигал этот проект с большим энтузиазмом, выступая в должности директора политического департамента Совета Европы. Я часто вижу с ним, и он все время спрашивает, как у вас дела, и постоянно шлет вам приветы и добрые пожелания.

Я не стану вам рассказывать историю Московской школы или тех школ, которые родились потом. Но интересно отметить, что Московская школа послужила катализатором для создания других школ не только потому, что она стала примером и моделью, как мы уже говорили, но также потому, что у нее всегда была традиция принимать выпускников не только из России, но также из соседних государств, которые в свое время входили в состав Советского Союза. Поэтому вряд ли вы удивитесь, что второй Школой политических исследований стала грузинская школа, которая была создана в Тбилиси выпускником Московской школы Армазом Ахвледиани, который присутствует в этом зале сегодня. Создание второй школы спустя семь или восемь лет после Московской было очень важным, поскольку закрепило опыт московской модели и позволило другим школам следовать этому примеру.

Основатель болгарской школы, покойный Дими Паница, сам приехал посмотреть, каким образом работает Московская школа. Не могу не упомянуть и сербскую Школу, но здесь присутствует Соня Лихт, она более компетентна.

Я хотел бы на минуту сосредоточить внимание на 10-й годовщине Московской школы. Зачитаю цитату из одного поздравительного письма: «Все, кто участвовал в программах Школы, приобретают не только знания, но и новых и надежных друзей. Школа сегодня — это просветительский объединяющий центр, где отстаиваются ценности демократии и общественного служения, воспитывается уважение к закону». Знаете, кто подписал письмо? Владимир Путин. Я цитирую его письмо, потому что оно иллюстрирует как раз то, о чем говорит Катрин в своем послании: происходит движение вспять, а не вперед — к прогрессу.

Если ситуацию рассматривать в контексте отношений Совета Европы с такими странами, как Россия, Турция и Азербайджан, или в контексте Евросоюза с такими странами, как Венгрия, у нас есть основания опасаться за ценности, которые лежат в основании этих органов.

Не стану развивать тему отказа России и Турции от части платежей в Совет Европы. Не буду рассказывать и о том, как работала азербайджанская машина отмывания денег в попытках улучшить свой имидж. Все это было опубликовано несколько недель назад.

В заключение я хотел бы привлечь ваше внимание к беспокоящим событиям не только в этих странах, но также и в устоявшихся, как мы считаем, демократиях, включая мою собственную страну — Великобританию. Наше правительство все чаще обращается к Европейскому суду, который истолковывает соответствующие принципы Европейской конвенции, вписывая их в контекст времени. Например, если бы мы следовали естественному ходу времени, то смертная казнь не была бы, вероятно, отменена до сих пор. Еще в 1950 году она была разрешена, но двумя протоколами Европейской конвенции была отменена. В России, как известно, постановления Европейского суда иногда отменяются Конституционным судом РФ, который с 2015 года стал основываться на верховенстве Конституции РФ над международным правом и решениями ЕСПЧ в нарушение Европейской конвенции. После завершения процедуры брекзита в британском парламенте, полагаю, верховенство ЕСПЧ будет вновь внесено в повестку дня. Следует также напомнить о Швейцарии, где также встает вопрос о примате Европейского суда. Наконец, Дания — страна, ратифицировавшая Европейскую конвенцию, считает своим приоритетом реформирование системы европейского правосудия, что воспринимается по меньшей мере как ревизия конвенции. На мой взгляд, это явно противоречит датскому духу терпимости и гармонии с европейским законодательством о правах человека.

В связи с Европейской конвенцией стоит напомнить о событиях в Европе в 30-е годы XX века, которые явственно демонстрируют, что национальные системы не в состоянии справляться с проблемами, встающими перед национальными государствами. Очевидно, что именно авторитарные националистические популистские правительства в гораздо большей степени заинтересованы в подавлении оппозиции и инакомыслящих, нежели в защите прав человека.

Когда вчера я слушал обсуждения в этом зале, я думал одновременно о плохих и благотворных явлениях, которые происходят. И вспомнил сочинение Чарльза Диккенса о временах революционной Франции. В известном смысле его повесть вполне описывает дух Европы: «Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время — век мудрости, век безумия, дни веры, дни безверия, пора света, пора тьмы, весна надежды, стужа отчаяния... («Повесть о двух городах». — *Прим. ред.*)».

Наше время света, наше время надежды вернется благодаря свету разума. Эта небольшая цитата из Диккенса, на мой взгляд, наводит мостик к тому, что делает Московская школа. Спасибо.

Альваро Хиль-Роблес,

комиссар по правам человека Совета Европы (1999–2006)

Уважаемые друзья, дорогая Лена! 25 лет назад началась история Школы. Для многих из нас это был уникальный опыт. Мне выпала честь участвовать в семинарах Школы практически с самого ее рождения. Это были непростые времена. Потому что те проблемы, которые Россия унаследовала от своего прошлого,

были гигантскими. Усилия, которые надо было приложить, чтобы общество из сообщества подданных стало гражданским, казались тщетными. Но Школа начала работать последовательно и неутомимо. Так появились первые выпускники, ответственные граждане, которые, вернувшись домой, продолжали продвигать ценности демократии, верховенства права, уважения человека и ценность главного блага — свободы.

Школа позвала в Россию интеллектуалов, ученых и политиков со всего мира. Мы помним Голицыно, где порой чуть не умирали от жары в огромном остекленном зале. Школа с самого рождения была и продолжает оставаться пространством свободы, отстаивания своих идей, веры в благотворность демократических процессов. Нет лучшего способа постараться снять пелену с глаз тех, кто прожил столько лет под гнетом единственно разрешенной правды.

Но Школа не ограничивалась только тем, чтобы нести гражданскую грамотность внутри самой России. Работа Школы шла много шире во всех новых государствах, бывших союзных республиках, которые создавали у себя школы, подобные той, чей юбилей мы сегодня празднуем. Невероятные усилия Лены и Юры при поддержке Совета Европы сделали возможным построить целую сеть школ в разных странах.

Но, как мы говорим в Испании, сапожник всегда без сапог. Иначе нельзя объяснить тот факт, что в стране, где родилась Школа, ей присвоили оскорбляющее ее достоинство определение иностранного агента именно за научение демократии, верховенству права и ценностям, под которыми они сами же и подписывались. Очень грустно признавать, что после стольких лет свободы не все люди до сих пор способны уважать и исповедовать ценности свободы, демократии, уважения мнения другого и свободы мысли. Авторитаризм, нетерпимость, национализм — ипостаси зла, с которыми демократия сталкивается во всем мире в наши не самые простые времена, которые становятся еще труднее в условиях роста национализма и власти тех, кто между добром и злом выбирают второе.

Но, несмотря на сложные времена, Школа и ценности, которые она отстаивает, пример, который она подает, невозможно уничтожить. Семена брошены в землю, и они взойдут, дайте срок. Труд и усилия не пропадут даром. И я верю, что этот день наступит. Я всегда говорю Лене и Юре и всем друзьям в Школе, что их работа не пройдет даром. И я еще раз благодарю за все, что они сделали.

*Джон Ллойд,
редактор The Financial Times*

Прежде чем сказать несколько слов о Школе, позвольте мне зачитать приветственное слово господина Кристофера Паттена, почетного председателя и президента Оксфордского университета, давнего друга и сторонника Школы. **Крис Паттен** благодарит за возможность обратиться с приветственным словом к Московской школе и выражает сожаление, что не может быть с нами сегодня здесь.

«Позвольте выразить слова душевного восхищения Московской школой за вклад в развитие демократии. При этом демократия и гражданственность не ограничиваются процедурами. Это, безусловно, деятельность в области социальной солидарности и сплоченности, а также в известном смысле щедрость духа. Деятельность Школы на протяжении прошедших 25 лет не утратила актуальности. Я полагаю, что стойкость, мужество и приверженность этим принципам сохранятся еще на долгие годы, на следующие 25 лет существования вашей ассоциации».

Уже 25 лет я дружу и восхищаюсь Школой. Еще дольше я дружу с Леной и восхищаюсь ею. Как уже говорила Лена и многие другие, либеральный демократический мир сегодня находится в опасности. Угрозы, которые направлены против него, в разных странах зачастую имеют схожую природу. Многие в этом зале и лица, не присутствующие здесь, стали частью Школы во многом благодаря магнетизму личностей Юры и Лены. Однако помимо личного фактора нас объединяет приверженность ценностям, которые Школа бережет и распространяет уже на протяжении четверти века. Я говорю о свободе слова, совести, собраний и, конечно, о верховенстве права. Московская школа посредством семинаров, конференций, издаваемых ею книг на протяжении этих 25 лет в рамках сотрудничества с десятками организаций в Европе, в Северной Америке и иных частях света говорила и продолжает говорить об актуальности этих ценностей, проявляя в то же время озабоченность в связи с их очевидной ревизией и искажениями. Мы собрались здесь по праздничному поводу, чтобы сказать о замечательном успехе вашей институции. Каждый из нас должен возвращать в себе и отстаивать веру в свободу. Благодарю вас.

Рене Нюберг,
*чрезвычайный и полномочный посол Финляндии в России
(2000–2004)*

Уважаемые дамы и господа, друзья Школы! Совершенно символично, что 25-летие Школы мы отмечаем в Фонде Аденауэра. В Германии были различные политические партии — от самого левого до самого правого спектра. Поэтому не случайно в самом начале существования федеральной республики были созданы финансируемые парламентом фонды, что позволяло уравновешивать политическую структуру общества. Это то, что мы уважаем и что приветствуем в современной Германии. Кстати, обратите внимание, на противоположной стороне улицы, где мы сейчас находимся, архитектурный ансамбль посольств пяти скандинавских стран, которые приняли историческое решение, что больше нигде они так не будут соседствовать на общем участке. Я прослужил пять лет в Берлине и очень рад, что вернулся сюда.

Господин Ханнинг, вечером в Копенгагене я выступлю с посланием на сессии датского парламента, где будет отмечаться 100-летие независимости Финляндии. И обязательно скажу о поражении на муниципальных выборах в Финляндии правых партий — это к тому, что опасения деструктивного влияния правых в Европе оправданны, но не фатальны.

Я знаю Лену и Юру 20 лет. Я стал послом в Москве в конце 2000 года. Но я бывал и в Грозном в 1995 году в качестве посла ЕС, когда российская армия все еще обстреливала город. Два года я был одним из посредников в карабахском конфликте. Поэтому я наблюдал Кавказ. И это дало мне возможность посмотреть на Россию с юга. И, поверьте, Россия оттуда выглядит совсем по-иному. Точно так же по-другому Россия выглядит, если вы посмотрите на нее с востока.

Мне очень повезло, что я смог жить в России и застать те годы, когда у нас были свободные СМИ. Никогда не забуду телешоу «Куклы» с сатирическими копиями политиков. Мы, кстати, транслировали их с субтитрами на финском языке. Но также я видел самое начало удушения этих средств массовой информации, а сейчас этот процесс в полном разгаре. Закончился один период, приходит авторитарная система.

Есть нечто очень важное в работе школ, подобных Московской. К слову говоря, нынешнее название, которое было буквально навязано по причине, в которой я сейчас не буду разбираться, лучше прежнего. Школа гражданского просвещения — это лучшее название. Все дело в слове «просвещение». На меня всегда производило огромное впечатление, что это не просто московская какая-то затея: участники школьных сессий не только из Москвы, а со всей России. Я ездил по России. В советские времена, по сути, не было такого места, где бы я ни побывал, будучи молодым дипломатом, хотя далеко не везде можно было свободно путешествовать. А ведь посол не должен только сидеть в кабинете.

Московская школа действительно является учреждением, где происходит гражданское просвещение. Мы очень признательны Совету Европы, без его содействия Школа не имела бы такого якоря. Есть скромная поддержка со стороны моей страны, Швеции, довольно ощутимая поддержка Норвегии.

Мне очень приятно поздравить Школу и школы и особо поблагодарить Лену и Юру за их подвижничество.

Большое спасибо!

Соня Лихт,

президент Белградского фонда политической культуры

Доброе утро! Позвольте сразу выразить радость от того, что я здесь, с вами в этом зале праздную 25-летие Московской школы гражданского просвещения. А также поблагодарить Лену и Юру, исходя из личных чувств благодарности за то, как они изменили мою жизнь, за то, что в преддверии нового тысячелетия моя жизнь приняла новый оборот. Я всю сознательную жизнь участвовала в деятельности гражданских организаций, но именно после первых посещений семинаров в Голицыно, после опыта общения со Школой

и понимания того, как она существует и работает, именно это привело меня к мысли о том, чем мне заниматься в оставшиеся годы, будучи близкой Школе и следуя личному примеру Елены Немировской.

Эта страница в моей биографии привела к созданию в 2003 году Сербской школы. В следующем году мы будем праздновать наше 15-летие.

Тот образец, который мы всегда видели и видим в Московской школе, позволил нам по-новому взглянуть на саму концепцию образования в сфере гражданственности. Пришло понимание, что гражданское образование должно быть гораздо более широким. Если мы действительно хотим видеть в обществе разных людей, ответственных за принятие решений, если стремимся к многообразию, к развитию и эволюции институтов, значит, мы на правильном пути, следуя концепции гражданского образования и просвещения для тех, кто готов учиться и делиться полученным опытом.

Скептицизм был, и его немало остается, многие не верили, что мы сумеем усадить политиков за стол переговоров на Балканах, не верили, что сможем способствовать диалогу в духе сотрудничества.

Хорошая новость состоит в том, что скептики оказались не правы. По сути, мы сами были удивлены тому, что многие лица, занимавшие достаточно высокое положение в балканском обществе, включая парламенты и различные правительственные ведомства и партии, сели за один стол. Я полагаю, что эта готовность к диалогу происходила и из любознательности, так как люди не знали, чего им ожидать, когда они садились за один стол, вместо того чтобы враждовать. Нам это удалось.

Я не хочу сказать, что мы повлияли на ход истории или изменили саму ткань нашего общества, это было бы слишком самонадеянно. Однако определенный вклад в его развитие, на мой взгляд, мы внесли. И на примере нашей Школы, учитывая приближающуюся 15-ю годовщину ее существования, мы решили, что в новом году на ее семинарах будут участвовать прежде всего выпускники. Мы хотим понять, как воспринимаются и преломляются события в жизни наших коллег, наших выпускников. Первые дни нашего праздничного семинара будут посвящены культуре памяти в нашем европейском регионе. Мы будем говорить о прошлом, об уроках, извлеченных из истории XX века.

Ратко Младич вчера был приговорен к пожизненному сроку, что, естественно, вызвало самые разные реакции*. В Сербии были даже демонстрации в поддержку генерала. У нас, к сожалению, в регионе есть и сегодня группы, которые отождествляют себя с военными преступниками, что лишь подчеркивает необходимость и важность гражданского образования и таких организаций, как наша.

Завершая свое выступление, я не могу не назвать еще одно имя, которое не столь известно, как имя уже упоминавшегося Ильгара Мамедова из

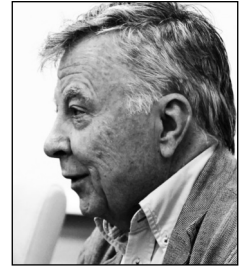
* Бывший командующий армией боснийских сербов 22 ноября 2017 г. был приговорен Международным трибуналом по бывшей Югославии к пожизненному заключению за геноцид, преступления против человечности и нарушение законов и обычаев войны. В феврале 2018 г. защита Ратко Младича обратилась в Международный остаточный механизм для уголовных трибуналов (МОМУТ) с требованием отменить вынесенный в ноябре 2017 года генералу обвинительный приговор. — Прим. ред.

Азербайджана, но со схожей судьбой. Я имею в виду Османа Кавала, основателя турецкой Школы, который не так давно вступил в нашу сеть. Он также находится в тюрьме*. Это один из интеллектуалов, людей, которые несут свет культуры в турецкое общество. Человек, с которым я познакомилась в начале 90-х, когда речь шла о создании Гражданской ассамблеи в Хельсинки. Осман Кавала всегда был твердым человеком в своих убеждениях и в своей готовности строить демократию в Турции. В настоящее время он ждет суда. И мы должны говорить о нем и пытаться что-то сделать для него.

Как гражданский активист уже в течение полувека, я пришла к выводу, что образование в сфере гражданственности обладает ключевым значением для развития демократического общества. Но этого недостаточно. Мы должны вести дискуссии и действовать. Союзничество и коалиции также существенны. Без коалиций, следующих путем гражданского участия, без понимания того, что мир вокруг больше неких узких интересов, без этого европейский проект будет в опасности.

Юрий Сенокосов,

*главный редактор журнала «Общая тетрадь»
(Вестник Школы гражданского просвещения)*

Дорогие друзья, я не поэт, но сегодня нельзя без поэзии...

Пролетело лето. Проползла и осень.
Бабочкой снежинкой кружится зима.
Ну а мне сегодня захотелось очень,
Чтоб была на свете ты совсем одна.
Знаю, это глупо. Знаю — неразумно.
И вообще дичайший эгоизм.
Только Ленка, милая, разве можно жить, не чувствуя,
Что такое жизнь...

Я думаю, вы догадались, кому посвящены и к кому обращены эти мои поэтические фразы?..

А теперь вопрос: с чего начинается и благодаря чему существует наша Школа?

Конечно, благодаря встречам и общению, так как встречи и общение и есть жизнь. И сущность человека, а точнее человеческое в человеке, проявляется именно в общении, которое по определению не может быть принудительным. Так ведь?..

Потому что общение предполагает свободу. А иначе не было бы дружбы, доверия, любви — этих уникальных ценностей в нашей жизни. Запретить их невозможно, как и свободу. Они есть и будут, потому что сущность человека, повторю еще раз, в общении, которое начинается — и я думаю, вы с этим согласитесь, — с поиска слова для передачи искреннего чувства.

* 24 апреля 2016 г. Осман Кавала посетил мемориальный комплекс «Цицернакаберд» в Ереване, а 19 октября 2017 г. в международном аэропорту им. Атаюрка в Стамбуле он был задержан и арестован. — Прим. ред.

То есть любой даже неосознанный поиск нужного слова уже можно рассматривать как своего рода приглашение к общению с Другим. Тем более сегодня, в эпоху глобального кризиса, когда существует явный запрос на доверие и истину, которая, по выражению философа и одного из идейных основателей Школы Мераба Мамардашвили, ни на чем не держится, но зато держит все остальное.

И в этой же связи напомним еще об одном понятии немецкого философа Карла Ясперса — «осевое время». А именно о появлении между VIII и II веками до н. э. греческих философов, индивидуально и личностно датируемых мировых религий в Индии и на Ближнем Востоке и моральных учений в Китае. Этот период Ясперс назвал *Axenzzeit*, подразумевая, что отсюда берет начало общая история человечества.

Почему я об этом напоминаю? Потому что существует так называемый феномен конгениальности, на который и указывает понятие осевого времени. Конгениальный — значит, сходный по духу, образу мыслей. Это было время глубокой и напряженной рефлексии, осмысления и выбора пути, когда на смену мифологическому мировоззрению пришло рациональное философское мировоззрение. И сейчас мы переживаем, несомненно, нечто похожее, когда восстанавливается, подобно прорастающему зерну, преемственность с такими историческими вехами *Axenzzeit*, как Возрождение, Реформация, барокко, Просвещение.

Чтобы не быть голословным, сошлюсь на представленный в конце 2017 года доклад Римского клуба. Он называется *Come on!* («Давай же!») С подзаголовком «Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты». Его главные авторы Эрнст фон Вайцзеккер (Германия) и Андерс Вийкман (Швеция).

В аннотации к докладу, посвященному 50-летию Римского клуба, в частности, говорится, что современные тенденции развития мира неудовлетворительны. Предостережения *Римского клуба*, изложенные в свое время в книге «Пределы роста», по-прежнему актуальны. Похоже, мы находимся в философском кризисе. Папа Франциск выразил эту мысль со всей определенностью: наш общий дом — в смертельной опасности. Посредством анализа этого философского кризиса в книге сделан вывод о необходимости «нового просвещения»... И дальше.

Для достижения поставленной цели следует преодолеть разобщенность, отказаться от изоляционистской модели в пользу более систематического подхода, который потребует в том числе и переосмысления принципов организации науки и образования. Однако действовать нужно уже теперь, чтобы вернуться на путь устойчивого развития.

Разумеется, мы (то есть Школа) не договаривались с Римским клубом о программе нашего форума «От веры в спасение к доверию», конгениального, на мой взгляд, названному докладу. Отличие между клубом и форумом я вижу лишь в том, что в докладе говорится о «новом просвещении», а мы продолжаем заниматься гражданским просвещением.

Поэтому постараюсь дальше ответить на вопрос: почему так важно в условиях глобального кризиса именно гражданское просвещение и что такое гражданин.

По словам Папы Франциска, «наш общий дом» (а в нем живет сегодня более 7,5 млрд человек) «в смертельной опасности».

Вопрос: насколько готовы и готовы ли вообще живущие в этом доме, включая и нас, спасти его? О создании какой инфраструктуры в этом случае может идти речь? Что важнее в таком необычном общем доме — фундамент, стены, крыша?..

В СССР за несколько десятилетий до того, как он распался, я хорошо помню, появились две метафоры, которыми описывалась похожая ситуация. После прихода к власти Брежнева было сказано: все мы в одной лодке и, чтобы она плыла, не надо ее раскачивать. И советские люди, как известно, не раскачивали.

А вторая метафора такая. Научно-технический прогресс сравнивали с велосипедом. И призывали, не переставая, крутить педали, чтобы не свалиться. Однако, увы, ничто не спасло страну развитого социализма от распада.

А такой дом, как планета Земля, в котором в 1900 году было 1,6 млрд жителей, а сегодня уже более 7 млрд? Когда вместе с ростом населения растет и воздействие человека на природную среду и людей друг на друга.

Сложность и глубина проблем, вызванных глобализацией, столь же очевидны, как и то, что для их решения требуется сотрудничество государств на международном уровне. И, безусловно, нужна вера в принципы верховенства права, демократического управления, открытого рынка. Об этих принципах, считаем мы в Школе, не стоит забывать хотя бы потому, что их родина — Европа, которая и наша общая родина, где были сформулированы в XVIII веке идеи, положившие начало современному процессу глобализации. Я имею в виду Адама Смита и его знаменитую фразу из «Богатства народов» о «невидимой руке рынка», теорию разделения властей Джона Локка и Шарля Луи Монтескье, а также Иммануила Канта, заявившего в своем трактате «Что такое просвещение?»: «публика сама себя просветит, если только предоставит ей свободу».

Сегодня можно уверенно сказать, что эти идеи подобно маяку освещали путь экономического, политического и гражданского развития европейского общества, преодолевавшего свое духовное несовершеннолетие, причиной которого, по словам Канта, был не недостаток ума, а недостаток решимости и мужества самостоятельно пользоваться им. Чтобы понять не то, что делает из человека природа, а как человек делает себя сам.

Таким образом, целью просвещения является не столько распространение знания, сколько развитие человеческого разума.

Вопрос: почему же тогда этот просвещенный разум оказался столь недальновидным, и современный мир превратился в заложника угрожающих глобальных проблем?

Потому что девиз Просвещения *Sapere aude!* — имей мужество пользоваться собственным умом — явно заключает в себе парадокс, о котором стоит задуматься. И если задуматься, то окажется, что когда мы думаем, мы думаем не собственным умом, ибо это некая невидимая собственность, которой мы обладаем. И значит, эта «собственность» (то есть ум) дана нам, как выражался Мераб Мамардашвили, в дар, и он есть у всех. Но не все это понимают, «зарывая талант в землю». А если человек не зарывает, о нем

можно сказать, что он обладает безусловным талантом личности, которая, собственно, поэтому и выделяется в качестве особого феномена в этике и культуре, поскольку человек ищет некую ценность за пределами очевидного. Справедливость, истину, честь, благо, свободу, которые не передаются непосредственно от одного человека к другому, а требуют понимания — личного сознательного усилия и мужества пользоваться собственным умом.

То есть учиться жить в глобальном мире — или, как сказала Лена, практиковать сложность современной жизни в условиях демократии — не просто. Для этого тоже нужна некая инфраструктура. Назову ее условно **инфраструктурой идеального**, так как создается она только с помощью ума, без технологий.

Вспомним о душе и теле, тайне их соединения, которое существует в каждом из нас и проявляется де-факто, а объяснить этот особый факт невозможно. Невозможно воссоздать технологически рациональную модель этого соединения, хотя оно и есть своеобразный образец рациональности, содержащий в себе причину самого себя. И проявляется это, повторяю, в каждом человеке, в каждом из нас на уровне здравого смысла. А если этот здравый смысл начинает вытесняться цинизмом или нигилизмом?

Философы по этому поводу говорят, что природа мысли не является проблемой позитивной науки, которая всегда стремится к достижению конкретных результатов. И подчеркивают: реализация мысли и ее функционирование связаны с концентрацией особого интеллектуального усилия, уходящего в глубины и тайну человеческого Я.

И таких тайн для понимания, а не для решения много. Но все они так или иначе сходятся в соединении души и тела. И поскольку их много, появились разные философии: философия математики, философия жизни, философия свободы, философия истории, философия политики и т.д. Хотя на самом деле философия одна — любовь к мудрости. А самыми известными ее творцами были Платон, Декарт, Кант. А если ближе к нашему времени, в XX веке, — в том числе и Мераб Мамардашвили, которого я упоминал.

Для Мамардашвили философия была способом приобщения к вечному настоящему, которое он определял как место, где мы **современны** со всеми людьми. То есть первый философский шаг, с которого он начинал, — полное доверие к жизни. И при этом часто повторял, что сделать его невероятно трудно, противопоставляя себя миру, предъявляя ему претензии. Однако если найдена точка опоры, которая всегда связана с мудростью (со знанием незнаемого), то все встает на свое место. Человек обретает свободу. И более того, именно в этой ситуации у него появляется шанс встретить Другого.

Таким образом, можно учиться и стать историками философии, учителями, политиками, даже поэтами. Но нельзя научить человека быть философом, поэтом, политиком, учителем.

В этом я вижу смысл существования нашей Школы гражданского просвещения — рождении понимающих, а не слепо следующих за лидером-вождем. Возвращение к здравому смыслу невозможно без философии.

Об ответственности «интеллектуала»*

*Анатолий Михайлов,
президент Европейского
гуманитарного
университета,
доктор философских наук*

Представление меня в качестве «профессора» и «академика» философии побуждают напомнить о том, что в то время, в которое мы живем, такие титулы девальвируются и утрачивают свой смысл. Очень часто за ними ничего не стоит, и они являются фиктивными. Что же касается философии, то да, я начинал с этой дисциплины. И по-прежнему, по-видимому, в ней присутствую в какой-то мере. Но мне кажется, что и философия, и многие другие дисциплины гуманитарного профиля нуждаются в серьезном обновлении. К сожалению, большинству из нас присущ определенный догматизм мышления: мы полагаем, что уже обладаем тем необходимым знанием, которым нужно всего лишь делиться с окружающими. Зачастую эта уверенность подкрепляется наличием титулов. Увы, это совсем не так.

Я с удовольствием вспоминаю то время, когда мы встречались раньше. Я имею в виду другую реальность, реальность бывшего Советского Союза. В те годы наше взаимодействие было условием нашего профессионального выживания и нашего существования. Я полагаю, что сейчас, 25 лет спустя, мы приближаемся к этапу, когда такое взаимодействие вновь становится актуальным. Я вижу, что сегодня здесь встречаются представители многих регионов России и постсоветского пространства. Это великое дело! Нельзя развивать культуру и образование, будучи замкнутыми в своих национальных границах. Эту замкнутость необходимо преодолевать, несмотря на возможную болезненность такого рода процессов. Полагаю, что то, в чем я сегодня впервые участвую, и делаю это с удовольствием, может послужить столь необходимым для

* Выступление на семинаре Школы в Варшаве 25 сентября 2017 г.

всех нас процессом практического характера, когда мы не будем в очередной раз довольствоваться просто проведением еще одного семинара или дискуссии.

Я хотел бы обратить внимание на тему моего доклада. По причине моего неведения (я впервые участвую в вашем семинаре) я готовил свое выступление по-английски, и тема его была сформулирована соответствующим образом: *On the Responsibility of the Intellectual*. Однако потом решил, что было бы неразумно выступать перед русскоязычной аудиторией на иностранном языке. Но в процессе перевода содержания моего выступления на русский язык, как часто это бывает, я столкнулся с тем, что между русским «интеллигент» и используемым в западной традиции «интеллектуал» существуют достаточно серьезные смысловые расхождения. В дальнейшем я попытаюсь пояснить, о чем идет речь.

Тема доклада была навеяна мне размышлениями выдающегося испанского мыслителя Х. Ортеги-и-Гассета, который в 1942 году, в разгар Второй мировой войны, писал: «Целая книга может быть написана на тему «Об ответственности и безответственности философии». И далее он продолжает: «Однако эта тема является частью другой, более обширной — «Размышления об интеллектуальной ответственности» (*Discourse on the Intellectual Responsibility*).

Возникает вопрос: почему Ортега вдруг решил заговорить о философии, когда, казалось бы, внимание должно быть приковано к совсем другим проблемам, в разгар столь разрушительной для европейского континента Второй мировой войны? По-видимому, испанский мыслитель отдавал себе отчет о смысле столь странной на первый взгляд формулировки. Мы хорошо знаем, что его никак

нельзя отнести к числу кабинетных мыслителей, которые способны обратить свое внимание на периферийные сюжеты. Его известная работа «Восстание масс», опубликованная в 1930 году, к сожалению, так и не стала тем насущным пророчеством для европейского человечества, которое было услышано. Боюсь, что должные выводы из всего того, что было обозначено в этой книге, мы все еще не сделали.

Как мне кажется, испанский мыслитель попытался привлечь внимание к состоянию мышления своего времени и показать, что само это мышление переживает глубокий кризис. В этой ситуации возникает вопрос об ответственности тех, кто является его носителем. На протяжении всей европейской интеллектуальной традиции, начиная с Платона, такая роль отводилась обычно философии. Однако, как полагает Ортега, философия, как и любое мышление, может существовать в аутентичной и неаутентичной форме. Так, например, «профессор философии может вообще не быть философом; он преподает философию, чтобы заработать себе на жизнь или поддержать свой социальный статус. Студент изучает философию потому, что ему приходится это делать». В конечном счете этот вид деятельности утрачивает свою подлинность. Как отмечалось задолго до Ортеги, мы имеем здесь дело с «профессорской философией профессоров философии». (Шопенгауэр) Следовательно, мы должны осознавать кризисное состояние нашего мышления в целом, а не только в сфере философии.

Разумеется, не следует излишне драматизировать само понятие «кризис» применительно к мышлению. По-видимому, кризис — это нечто естественное, даже необходимое для развития индивида, нации или культуры. Кризисные ситуа-

ции помогают нам преодолеть пребывание в рутине и машинальности нашего существования, слепое следование тем данностям, которые мы воспринимаем в качестве чего-то само собой разумеющегося.

Однако бывает кризис и «кризис». XX век был отмечен предельно драматическим по своим формам осознанием такого разительного несоответствия состояния мышления реальности, которое европейское сознание не переживало на протяжении многих веков.

Так, например, основоположник феноменологического движения Эдмунд Гуссерль уже в начале XX века провозгласил принцип мышления, в основу которого должен быть положен девиз *Zu den Sachen selbst* («К самим вещам!» или «Назад, к вещам!»). К сожалению, как часто это бывает при переводе, ни русский, ни английский языки оказываются не в состоянии в точности воспроизвести смысл немецкого понятия *Sache, Sachen* в этом лозунге. Но сейчас не об этом идет речь. Обозначенный Гуссерлем девиз мышления призывает к необходимости преодоления «теоретизма» нашего отношения к реальности, которое возвышает теорию до единственно возможного инструмента нашего взаимодействия с реальностью, при котором реальность должна неизбежно подчиняться теории. Максима Гуссерля означает, что нам нужно иметь мужество, решимость противостоять воздействию на нас теории, которая слишком часто навязывает себя нам и не позволяет нам самим увидеть и назвать «вещи» своим именем, подобно тому как это сделал не скованный условностями мальчик в известной сказке Андерсена, который прокричал: «А король-то голый!» Именно такого рода видение, описание реальности в ее конкретном и фактическом состоянии, по-

пытка найти язык для того, чтобы реальность предстала пред нами в том виде, в котором она нами «проживается» и «переживается», а не в соответствии с тем, что нам навязывается извне, — все это было обозначено далеко не только Гуссерлем.

Для пояснения того, о чем идет речь, приведу еще один пример.

В начале XX века другой немецкий мыслитель, В. Виндельбанд, обращаясь к творчеству Фридриха Гёльдерлина, утверждал на первый взгляд, казалось бы, довольно странные вещи. Он предупреждал немецкую нацию о том, что ее ожидает тревожное будущее, если она предаст забвению наследие этого гениального поэта. Возникает вопрос: причем здесь Гёльдерлин? Какая может быть связь между предвосхищением возможных катастрофических событий на европейском континенте и творчеством поэта?

Мы имеем дело с крайне болезненными процессами попыток переосмысления того, что еще не так давно казалось надежным и устойчивым, но в какой-то момент стало обнаруживать свою неэффективность и безжизненность. При этом речь идет не просто о смене одной теории другой, но о принципах и природе самого теоретического мышления, которое слишком долгое время игнорировало то, что с существенно большей чуткостью улавливалось сознанием художника. Примеров такого рода прозрений, выраженных в нетеоретических формах, приводить можно много. Это Р. Музиль с его выдающимся произведением «Человек без свойств», П. Валери, Ф. Кафка, Р.М. Рильке, М. Пруст, Е. Замятин и многие другие. Оказывается, что художественное произведение, ранее не воспринимаемое в качестве обладающего познавательным потенциалом, может порой

превосходить те формы и виды познавательного опыта, на которые мы привыкли традиционно опираться.

Подлинную суть и реальный масштаб этих процессов нам все еще предстоит осмыслить, поскольку истоки стереотипов мышления, подлежащих трансформации, восходят своими корнями к эпохе Античности. Это привело в конечном счете к тому, что те, кого называют *the intellectuals*, выступают в качестве наделенных особыми «теоретическими» полномочиями по отношению к реальности. Они превращаются в особую касту «знающих» и уверенных в своих рекомендациях в отношении способов и характера воздействия на действительность. И если что-то в этой действительности не происходит в соответствии с теорией, то ответственность за это «интеллектуал» взять на себя не готов. Повинны в этом всегда другие. При этом часто используемое выражение «критическое мышление» (*critical thinking*) никак не применяется к самим себе.

Для осознания самого факта драматического состояния мышления потребовались, к сожалению, трагические социальные потрясения XX века.

Выдающийся немецкий мыслитель Х. Арндт, анализируя истоки феномена тоталитаризма, подходит к этому анализу не просто как предмету академических исследований. Для нее, человека, который был вынужден эмигрировать из собственной страны, личной трагедией являлся вопрос о том, каким образом немецкая нация, отнюдь не самая безграмотная, нация с богатой культурой и традицией образования, могла пасть так низко? И когда мы называем зверством то, что немцы совершали в своей собственной стране и за ее пределами, мы по существу оскорбляем зверей, которые на такое не способны! Арндт говорит в

связи с этим о «банальности зла». Она обращает внимание на то, что тонкая пленка того, что мы называем знанием и культурой является весьма хрупкой. Эта пленка никак не удерживает человека и человечество от того падения, в которое они то и дело ввергают себя. Возникает вопрос: в чем корни таких процессов? В какой мере мы по-прежнему можем верить в неизбежность прогрессивного развития общества? Или на нас всех лежит ответственность за все происходящее вокруг нас и нам необходимо радикальным образом пересмотреть принципы нашего мышления.

В известном сборнике статей Х. Арндт «Между прошлым и будущим» мое внимание в связи с этим привлекли две статьи: «Кризис культуры» и «Кризис образования». Любопытно, что Арндт, одинаково хорошо ощущая себя как в немецком, так и в английском языках, в авторизованном переводе статьи на немецкий использует для английского слова *education* понятие «воспитание» (*Erziehung*), вместо напрашивающегося *Bildung* — термина, тоже существенно отличающегося по смыслу от содержания английского *education*.

Конечно, мы все помним о том, что традиционное содержание понятия «воспитание» оказалось во многих случаях слишком дискредитированным. Но означает ли это, что нам следует отказаться от усилий по культивированию в человеке того, что в нем присутствует лишь потенциально? Как мы знаем, человек является существом, которое не обеспечено генетически всем необходимым для своего существования среди себе подобных. А. Кестлер когда-то писал вообще о том, что человек является ошибкой цивилизации. Грустное признание! Но в нем глубокое понимание того, что необходимы большие усилия для того, чтобы «воспитать в

человеке человека». Даже по отношению к самым примитивным живым существам такие усилия не нужны: они генетически, от рождения, обеспечены всем необходимым для своего существования. Такая генетическая программа является предельно жесткой. Она предопределяет, например, то, что птицы летают, а пресмыкающиеся ползают. Это не является их предпочтением или свободным выбором. У человека такой программы нет. Она формируется с первых мгновений жизни и может выступать в самих различных формах. В таком случае возникает во-

прос: есть ли мышление нечто неизбежно присутствующее в каждом из нас, присущее нам имманентно, говоря философским языком, или же оно лишь подлечит формированию? И вообще, что такое мышление?

Не случайно в своей последней работе *The Life of the Mind* (на русский язык не совсем удачно переводится как «Жизнь ума») Арендт предпосылает этой работе цитату из труда Хайдеггера: «Мышление не приносит знания, как это делают науки. Мышление не решает загадок Вселенной. Мышление не наделяет нас непосредственной силой действия».

Такого рода проблематизация смысла привычного понятия заставляет нас подумать о том, что же такое мышление, а не просто исходить из того, что мы имеем дело с чем-то самим собой разумеющимся. Возникает вопрос: как в человеке способствовать его формированию?

Нам приходится возвращаться к этому вопросу вновь, поскольку трагедии прошлого XX века оказались заслоненными событиями его последних десятилетий,

которые были ознаменованы окончанием противостояния двух социальных систем, прекращением холодной войны, распадом Советского Союза. И многие из нас помнят, что не так давно мы с оптимизмом встречали XXI столетие, на этот раз совпавшее с наступлением III тысяче-

...вропейское мышление сталкивается с традициями и культурами, которые являются существенно иными по своей природе и, в частности, не прошли через такой этап развития, который в Европе называется Просвещением

летия. Такого рода даты неизбежно оказывали на нас своего рода магическое воздействие, и нам так хотелось верить в то, что наконец-то трагическая история XX века осталась позади!

И что же? В 2001 году в США произошло событие, которое традиционно обозначается как 9/11. Потом пришлось столкнуться с не совсем ожидаемыми результатами содействия трансформационным процессам на Ближнем Востоке. В 2008 году мир поразил финансовый кризис, последствия которого не преодолены до сих пор. Стоит ли лишний раз вспоминать о том, что на повестке дня сегодня — терроризм, миграционные процессы, усугубляющееся экономическое неравенство, рост настроений популизма и радикализма... А самые последние события: Трамп, брекзит, референдум в Каталонии, Северная Корея...

Примечательно то, что всякий раз мы сталкиваемся со всем этим как с чем-то совершенно неожиданным. Вот и вчера, например, произошли парламентские выборы в Германии. Впервые достаточно внушительная фракция в бундестаге

Лучо Фонтана. Пространственная фантазия. Ок.1965–1966

формируется приверженцами консервативной, евроскептической партии «Альтернатива для Германии». Как известно, наибольшей поддержкой эта партия пользуется в восточных землях, по отношению к которым были предприняты огромные усилия по их интеграции на протяжении более чем 25 лет. По самым скромным подсчетам на эти программы было потрачено около 2 триллионов евро! При этом речь идет об одной нации, одной и той же культуре, общем историческом прошлом, одном языке.

О чем в таком случае можно говорить, когда европейское мышление сталкивается с традициями и культурами, которые являются существенно иными по своей природе и, в частности, не прошли через такой этап развития, который в Европе называется Просвещением?

В античную эпоху человек органично существовал в своем мире. Для него мир выступал в качестве космоса, правила и ограничения которого воспринимались человеком как неизбежная данность. Если античный герой отваживался нарушить законы этого установленного порядка, то он всегда терпел поражение. В христианскую эпоху человек должен был осознавать свою греховную природу и несовершенство.

Но эпоха Просвещения обозначила совершенно новую парадигму человеческого существования. При этом речь идет не только о просвещении как образовании человека, но и в целом о новом видении перспектив развития общества.

В наши дни мы находимся на таком этапе, когда нам нужно наконец-то осознать, что наше мышление должно стать *экзистенциальным* по своей природе. Это означает, что в нас самих, а не в нашей вере во всемогущество усвоенной нами извне теории, должны возникнуть ответы на

насуточные проблемы нашего бытия. Речь, разумеется, не идет о самомнении уверенного в своей правоте автономного сознания. Наше собственное мышление может существовать только в процессе нашего переосмысления предшествующей традиции. Может быть, вы помните, что в одном из диалогов Платона речь идет о легенде, согласно которой простая девушка иронизирует над греческим мыслителем Фалесом — человеком, который изучал небесные тела и шел себе, глядя ввысь, и по неосторожности упал в колодезь. Практичная девушка смеется: «Ты изучаешь, что творится в небесах, а не видишь то, что у тебя под ногами».

Конечно, формирование образа мышления *bios theoretikos* (созерцание истины), является необходимым этапом отношения человека к природе, вынужденного выживать перед лицом сил природы. Но, к сожалению, такого рода модель познавательной деятельности, которая привела к впечатляющему развитию естественных наук и покорению природы, как мы убеждаемся сейчас, привела к непредсказуемым последствиям и оплачивается непомерно дорогой ценой. Таким образом, крайне опасными являются попытки применения идеалов и норм естествознания к осмыслению специфики человеческой реальности. В этом случае мы рискуем упустить самое существенное — конкретную человеческую жизнь в том виде, в котором она существует, не подчиняясь никаким внешним схемам знания. Пытаться подчинить эту специфическую реальность внешним абстрактным принципам, будучи заведомо уверенными в их непререкаемой правоте, приводит лишь к тому, что по отношению к ним неизбежным образом возникает энергия отторжения. Как часто нам приходится сталкиваться с предельно радикальными формами противодействия!

За примерами не следует далеко ходить. Вот, например, представление западного сообщества о том, каким образом должно происходить переустройство социальной реальности в Афганистане, Ливии или Сирии, наталкивается на устойчивое непонимание тех, к кому обращены эти усилия. Похоже, мы просто говорим с этим состоянием культуры и сознания на чуждом для них языке. Речь идет о коммуникации в двух параллельных непересекающихся мирах. И мы можем сколь угодно долго пребывать в состоянии убежденности в нашей правоте. Если же речь идет об универсальных человеческих ценностях, то необходим язык для «перевода» этих ценностей в язык, соответствующий специфике сознания, к которому мы обращаемся. В противном случае мы пытаемся обращаться к этому сознанию на совершенно непонятном для него языке.

Проблема языка вообще является ключевой в этом контексте. Я хотел бы привести любопытные высказывания, которые, к сожалению, оказались преданными забвению. Одно из них изложил Лейбниц в произведении «Новые опыты о человеческом разумении» в главе «О злоупотреблении словами». Вот что он пишет: «Люди берут слова, которые они встречаются в употреблении у своих соседей, чтобы не казаться незнакомыми с тем, что эти слова обозначают, и доверчиво пользуются ими, не придавая им никакого определенного смысла; и если они редко бывают правы в таких рассуждениях, то столь же редко удается их убедить в их неправоте, и желать вывести их из заблуждения — это все равно, что отнимать жилище у бродяги».

С. Булгаков в своей книге «Философия имени» обращает внимание на опасность деградации языка задолго до того, как об этом заговорили в эпоху

Интернета: «Опасность пустословия и легкословия существует для нас в познании, в высказывании; опасность заблуждения — в соединении слов и мыслей. И та и другая опасность, точнее болезнь речи и мысли, в данном состоянии человека совершенно неизлечимая, должна быть понята в онтологических своих условиях». И далее он продолжает: «Слово заволокли облака суесловия, и теперь для нас обычен и понятен только тот вид речи, который есть суесловие, пустословие: слова, слова, слова».

Выдающийся датский мыслитель Серен Кьеркегор, пытаясь осмыслить то, о чем мы сейчас говорим почти 200 лет спустя, сумел продемонстрировать своим примером, что многое можно обнаружить не *post factum*, подобно тому как врач начинает понимать, что нечто неладно с состоянием пациента только тогда, когда у него уже пошли метастазы по всему телу, но при проявлении первых тревожных симптомов того, что может оказаться опасным в будущем. Передо мной небольшая работа Кьеркегора под названием *The Present Age* (Наш век). По сравнению с его другими, более известными произведениями — «Или-или», «Страх и Трепет», она воспринимается в качестве менее значимой. Но Кьеркегор уже в 1846 году попытался осмыслить возникновение нового феномена в европейской культуре. Этот феномен был им обозначен как формирование и институционализация нового публичного пространства, в котором начало происходить нечто такое, чего раньше не было. Если, например, платоновская Академия или средневековые университеты являлись институциями, в которых обеспечивалось качество происходящего в них творчества за счет тщательного отбора участвующих, то природа пространства, обозначаемого как «публичное», стано-

вится все более открытой, размытой и неопределенной, доступ к которой не ограничен. В этом пространстве доминирует анонимная «публичность», господство абстрактного мнения, не соотносимого с чувством ответственности за его практические последствия.

Кьеркегор усматривает в появляющейся в то время журналистике фактор, существенно усугубляющий характер этой публичной сферы. Можем ли мы представить себе сегодня, какой являлась журналистика в середине XIX века? По мнению датского

мыслителя, опасность заключается в том, что языком этого анонимного публичного пространства является «болтовня» (talkativeness), или, как это позднее назовет Хайдеггер, *gerede* (треп). По мнению Кьеркегора, возникает опасность того, что говорением, многословием пытаются заслонить неспособность к поступку и действию.

Иными словами, формирующаяся неаутентичность пространства мышления создает видимость знания, которое, становясь все более отчужденным от реальности и тем самым поверхностным, претендует на непререкаемый авторитет. Возникает иллюзия, что посредством такого «мышления» мы можем обращаться к осмыслению реальности нашего существования, «бытия», которое *всегда* представляет собой вызов: каким образом оно может быть выражено посредством языка? Помните у Баратынского: «Есть бытие, но именем каким его назвать?»

Онтология нашего существования — это не просто абстрактная категория, это *наша* жизнь, *наше* существование. И всегда мы сталкиваемся с проблемой того, что эта жизнь не исчерпывается никаки-

ми теориями, тем более в ее неаутентичных формах, посредством языка общих формулировок и болтовни. Такого рода «знание» существенно искажает реальность.

Я хотел бы в этой связи обратить внимание на слова Канта: «В природе человека

В соответствии с одним из исследований, в настоящее время ежегодно по социальным и гуманитарным дисциплинам публикуется около 1,5 миллиона статей. Около 80% из них никто не читает!

есть некоторая порочность». Именно поэтому он возлагал надежду на образование и в целом на Просвещение как на социальный проект. В конечном счете он высказывал экзистенциальную по своей природе надежду на то, что на человека следует воздействовать должным образом и пытаться его исправить.

Кант отдает себе отчет в сложности того содержания, посредством которого в человеке стимулируются вопросы, которые он сам слишком часто избегает ставить. Вот что он пишет в «Критике чистого разума»: «На долю человеческого разума в одном из видов его познания выпала странная судьба: его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой; но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят возможности человеческого разума».

Эти вопросы мы часто называем конечными, проклятыми вопросами потому, что они не имеют своего решения. Но они неизбежным образом вкрадываются в наше сознание, возникают порой в самый неожиданный момент: «Для чего

мы пришли в мир? В чем смысл нашего существования?» И когда мы пытаемся отвечать на них, наш разум, по мнению Канта, «погружается во мрак и впадает в противоречия».

Попытка игнорировать эти проблемы, коль скоро они не являются решаемыми, ускользнуть от них, отсутствие мужества взять на себя бремя ответственности по поиску собственных ответов, столь характерное для всех нас, должно быть компенсировано образованием. Но когда мы говорим о Канте, мы забываем, что и он в своем развитии проделал путь, который для него самого оказался неожиданным.

Х. Арндт, которая сама начинала с философии, впоследствии стала относиться к ней весьма критически, утверждая, что большинство философских школ ее времени являются эпигонскими по своему характеру. В последние годы она предпочитала относить себя к сфере политической теории. В этом контексте достаточно неожиданным является ее утверждение о том, что последняя «Критика» Канта — «Критика способности суждения» представляет собой зародыш весьма перспективной политической теории.

На первый взгляд такое утверждение звучит по меньшей мере несколько странно. Традиционно последняя «Критика» воспринимается нами как продолжение того, что Кант предпринял в первой «Критике», анализируя проблему познавательной деятельности человека, а затем, во второй, попытался распространить на сферу человеческого поведения и свободы. В последней «Критике» он обращается к другой сфере — искусству. И оказывается, что в этой сфере те принципы, которые были положены в основу первой и второй «Критик», не работают! Почему? Дело в том, что Кант сталкивается с тем, что в сфере искусства общую

норму, знание, общую теорию нельзя применить к конкретному случаю. Ибо когда мы сталкиваемся с тем, что вызывает у нас эмоции, последние не подвластны теории или логическим аргументам. Мы все знакомы, например, с русской пословицей «Любовь зла...». Нам нравится нечто не потому, что мы убеждаем себя в том, что оно должно нравиться. Иными словами, конкретное, фактическое не подвластно общему. Общая теория утрачивает в этом случае свою силу. И, видимо, поэтому Арндт говорит, что теория должна трансформировать себя с тем, чтобы не навязывать себя реальности, но быть способной выводить себя из нее.

Я являюсь гражданином Беларуси — страны, которая в последние годы стала особенно известной благодаря имени ее президента Лукашенко. Долгое время Запад недоумевал по поводу того, что в ней происходит, обнаружив, что попытки способствовать трансформационным процессам в этой стране оказались не очень успешными. В результате еще недавно о Беларуси говорили как о последней диктатуре Европы. Мы уже практически забыли о том, что в начале 90-х годов прошлого века Беларусь представляла собой страну достаточно уникальную на постсоветском пространстве. Здесь лидером вполне демократическим путем был избран человек, который никакого прежде отношения к номенклатуре не имел. В его распоряжении не существовало никакой готовой для использования инфраструктуры власти. Когда его избрали, Запад иронизировал по поводу того, что этот, в общем-то, не очень интеллектуальный человек, бывший председатель совхоза, сможет справиться с непростыми проблемами государственного управления. Еще до его избрания в страну приезжал с визитом

президент США Б. Клинтон. Если мы сравним ожидания тех времен и увидим, в каком состоянии Беларусь находится сегодня, то окажется, что контраст разительный. По поводу Беларуси проводилось столько конференций и семинаров в Варшаве, Берлине, Брюсселе и других городах, что можно было бы издать целую книгу, состоящую только из названий этих форумов. Что же, мы по-прежнему будем верить в силу абстрактных пожеланий и заклинаний, которые не сопровождаются должной ответственностью по поводу практических результатов? Возникает вопрос: если применительно к данному, относительно простому, по сравнению с другими, случаю результат столь неутешителен, что можно ожидать в более сложных ситуациях?

Мы возвращаемся опять к положению дел в сфере образования и необходимости способствовать трансформации стереотипов нашего мышления. У меня в руках недавно изданная книга W. Deresiewicz. *The Excellent Sheep*, имеющая подзаголовок *The Miseducation of the American Elite and the Way to a Meaningful Life*. В английском слове *excellent* автор зачеркнул *ex*, изменив тем самым смысл, соотнося его с понятием *cell*, что можно перевести как «камера», «клетка», «загон». Таким образом, столь известное своим престижем американское образование с большим сарказмом оценивается как формирование сознания, подобного состоянию овцы или барана (*sheep*) в клетке или загоне. Разумеется, речь идет не об образовании в области медицины или информационных технологий. Наибольшие упреки адресованы нам, гуманитариям. И постепенно становится все более очевидным, что профессии исследователей или преподавателей являются

все более рискованными, они теряют свой былой престиж. В соответствии с одним из исследований, проведенным около трех лет назад, в настоящее время ежегодно по социальным и гуманитарным дисциплинам публикуется около 1,5 миллиона статей. Около 80% из них никто не читает! Если и впредь засорение интеллектуального пространства будет происходить такими же темпами, то ориентироваться в нем будет практически невозможно.

В свое время еще Аристотель отмечал в VI книге «Никомаховой этики», что могло бы быть определенной парадигмой нашего понимания того, о чем идет речь. Он использует при этом понятие «фронезис» — определенный тип знания, который неразрывно связан с поведением. Фронезис — это *практическая* способность нашего поведения и поступков, не выводимая из теории. Так, например, можно досконально изучить теорию плавания или верховой езды, и даже преподавать ее, но не уметь этого делать на практике. У того же Аристотеля в «Политике» говорится, что для того, чтобы учить другого что-либо делать, нужно самому уметь это делать.

Я говорю об этом, имея в виду вполне реальные вещи. И Школа гражданского просвещения, и Европейский гуманитарный университет, который я представляю, были созданы в один и тот же год. Это и были конкретные практические инициативы, которые, разумеется, могут быть более совершенными по своему качеству. Но в конечном счете практическое воплощение идеи никогда не свободно от недостатков. Важно только не устать делать то, без чего наша жизнь сама по себе не может стать иной без нашего практического участия.

Дискуссия

Светлана Шмелева, Москва:

— Прежде всего хотела бы поблагодарить организаторов семинара за такую прекрасную встречу.

Я хочу откликнуться на то, что вы сказали о мышлении. Мне кажется, трудность осознания того, что является мышлением, состоит в том, что для того, чтобы это понять, нам нужно отстраниться от него, оказаться в некотором немыслимом пространстве — вне мышления. Это невозможно, и в этом смысле я не думаю, что мы когда-то сможем понять до конца, что это такое.

Хотелось бы обратиться к философии Ханны Арендт, которая, в частности, рассуждала о том, что случилось с ее добропорядочным обществом. Самыми ненадежными стали те, кто разделял какую-то идеологию, не проверяя собственные взгляды. А те, кто был вне идеологии, как правило, оказывались людьми, которые не участвовали в том, что происходило. Естественно, возникает вопрос: а как человек понимает, что он проверил? что он не воспроизводит какой-то штамп? что он не находится в колее? Как человек может понять, что он подумал по-настоящему?

Анатолий Михайлов:

— Спасибо за ваш вопрос. Мы сталкиваемся с крайне серьезной проблемой: каким образом нам вернуться к фундаментальным данностям человеческой жизни, нашего существования, которые не заслонены теоретическими схемами и конструкциями? Я не смогу сейчас по памяти воспроизвести то, что говорил А. Камю, когда отмечал, что он очень неуютно себя чувствует среди интеллектуалов, по-видимому, имея в виду Сартра и не только его. А ведь существуют, писал Камю, очень простые слова, которые возвращают нас к изначальным данностям бытия: «Море, дождь, нужда, желание, борьба со смертью — вот что всех нас объединяет». Увы, это оказывается все более заслоненным надуманными и абстрактными теоретическими конструкциями.

Я, кстати, не упомянул ключевое понятие, которое обозначило название последней «Критики» Канта — *Urteilkraft*. Перевод этого понятия с немецкого на русский язык — «способность суждения» — опять-таки не вполне выражает смысл термина. Речь, кстати, идет о том, чему, по мнению Канта, научить невозможно. В каждом отдельном случае мы сталкиваемся с необходимостью того, что должны найти язык выражения себя по отношению к конкретной ситуации, не поддаваясь соблазну использования

готовых схем мышления. К сожалению, Кант в полной мере осознал глубину этой проблемы лишь на позднем этапе своего творчества, когда попытался осмыслить природу искусства как специфического способа выражения человеком своего опыта. Он обнаружил, что эстетический опыт не поддается выражению посредством понятий. Понятия обедняют, искажают этот опыт. Музыка, живопись, поэзия существуют потому, что другим языком это не выражается. И, если попытаться выразить этот опыт другим языком, получается нечто абсурдное. Необходимо язык нашего общения, язык диалога между культурами, язык взаимодействия между людьми наделить большей энергией.

Мы находимся в настоящее время в ситуации, когда, по словам немецкого философа Х.-Г. Гадамера, утратили способность к разговору. Когда мы говорим о диалоге, то чаще всего имеем дело с фактом коммуникации между состоянием сознания, пребывающего в монологической замкнутости. В этом случае встреча не происходит вообще. В современном глобальном мире, в котором все пришло в движение, это очень опасно и чревато конфликтами. До сих пор в традиционном мире существовали замкнутые миры культурных, религиозных, национальных традиций, не вступающих в интенсивное взаимодействие. Сейчас все пришло в движение. Как при помощи языка выразить реальности нашей жизни?

Я могу лишь привести известные строки Н. Гумилева из стихотворения «Слово» по поводу отношения к языку:

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это — Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Мария Сакаева, Республика Коми:

— Спасибо, огромное удовольствие это слушать. Я запомню этот день. Вопросов очень много. Каждые пять минут вы взрываете мышление. У многих присутствующих такая же реакция, как у меня.

Поскольку я социолог, у меня вопрос про понятия. Приведу цитату, но не из философа. В одном из интервью театральный режиссер Константин Богомолов в ответ на вопрос о том, что такое интеллигенция, сказал, что это люди, которые не охраняют и не сохраняют ценности, не смотрят в прошлое, а те, кто взрывает ценности, в результате чего производятся новые. И вопрос: как вам кажется, кто такой интеллеktуал?

Анатолий Михайлов:

— Мы опять-таки наталкиваемся на определенные недоразумения, которые проистекают из того, что мы пытаемся в стихии одного языка выра-

зять то, что сказано на другом. Слово «интеллигенция» имеет типично русские коннотации. В западной традиции такого слова нет, но есть слово «интеллектуал». Так, например, на русский язык переведена книга Раймона Арона «Опиум для интеллигенции». Но это неточный перевод, в ней речь идет об интеллектуалах.

Существует большая проблема у тех, кто вообразил, что он наделен определенными полномочиями или качествами, которые позволяют ему занимать особое, привилегированное место, давая на этом основании рекомендации другим, полагая, что положение наделяет его определенным сакральным знанием. Такое поведение весьма опасно.

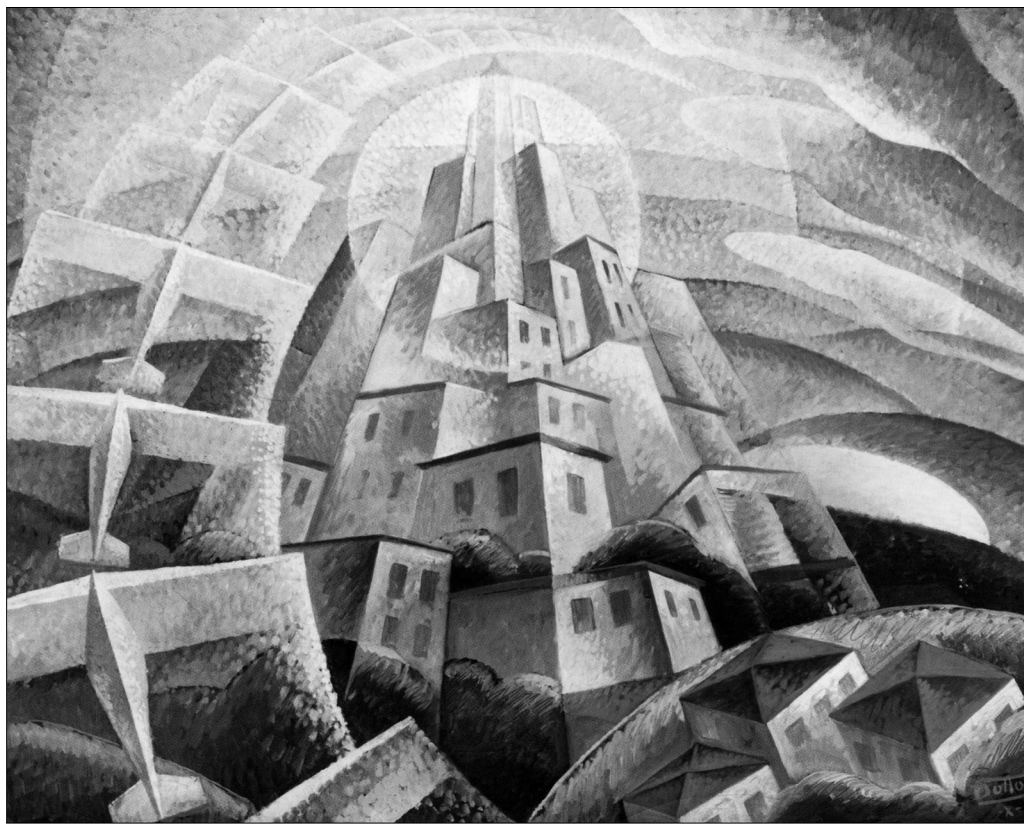
Мир является вызовом для каждого из нас. Быть может, это звучит несколько экстравагантно, но тот же Ортега-и-Гассет говорит, что жизнь — это всегда кораблекрушение. Нам не стоит предаваться иллюзиям в отношении возможностей нашего мышления. Человек в конечном счете слабое, ограниченное существо, которое не должно переоценивать свои силы. Нам следует быть более смиренными и критичными по отношению к себе. Позиция интеллектуала слишком самонадеянна, к тому же это часто позиция отстаивания своих интересов.

Выдающийся немецкий физик, публицист Лихтенберг писал когда-то: «Я хорошо знаю людей, о которых вы думаете, что они дух и теория и не могут даже пришить себе пуговицы». Это означает, что отсутствие практических способностей интеллектуалы пытаются компенсировать радикализмом своих рекомендаций и советов другим.

Особую опасность представляют интеллектуалы, пытающиеся мобилизовать других для поддержки своих взглядов. В эпоху анонимизации и стандартизации сознания, о которой писал Р. Музиль в своем романе «Человек без свойств», сознание становится легко манипулируемым. Мы знаем, каким образом популисты умеют найти нужные слова, чтобы возбудить эмоции других простым решением в то время, когда мир сталкивается с новыми и крайне серьезными вызовами, по отношению к которым не существует простых рецептов.

Василий Кустов, Республика Татарстан:

— Я очень внимательно слушал вашу лекцию. И когда вы рассказывали о критическом мышлении и об ответственности интеллектуалов, мне вспомнился вопрос Альбера Камю, главный вопрос, на который, как он считал, должен ответить каждый человек: стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить? Он писал, в частности, о Галилео Галилее, который стоял перед выбором: умереть за идею либо отречься от нее и жить. Он выбрал второе. Затем я бы хотел еще обратить внимание на книгу Карла Поппера «Открытое общество и его враги», где он критиковал Маркса, Гегеля, Платона. Он назвал их предвестниками тоталитаризма по той причине, что они придерживались стоицизма в истории, считали, что у истории есть цель, есть конец истории. И говорил о том, что либеральная демократия — это единственная политическая система, в которой возможны трансформации и реформы без насилия и жестокости. Выходит, что интеллектуал может активно проявлять свои способности только в том

Джерардо Доттори. Воздушный город. 1932

случае, если нет речи о выборе между убеждениями и жизнью. Получается, что сейчас в мире не во всех странах есть условия, чтобы интеллектуалы могли действовать.

Самый яркий пример из истории, который мне пришел на ум, — это Бертран Рассел, критиковавший войну во Вьетнаме, занимавшийся миротворческой деятельностью. Но он жил в демократической Европе, поэтому его критика не могла повлиять на его жизнь. И другой вариант, скажем, это ваша ситуация в Белоруссии. Вам пришлось перенести ваш вуз в другую страну. Мне хотелось бы узнать вашу точку зрения по этому поводу. И по поводу условий, позволяющих интеллектуалу проявлять свои способности.

Анатолий Михайлов:

— Мне кажется, Камю не случайно назвал одну из своих книг «Миф о Сизифе». Символика внешне бессмысленной работы подъема камня с пониманием того, что он неизбежно скатится вниз, ставит под вопрос смысл такого рода существования. Но мы приходим в этот мир не по своей воле и оказываемся в плену того, что уже существует в готовом виде и детерминирует характер нашего пребывания в нем. Это символическое вкатывание камня может на самом деле быть бессмысленным. Человек

пытается найти этот смысл, и слишком часто ему приходится сталкиваться с тем, что то, что он придумал, на деле является фикцией. В конечном счете абсолютных ценностей не существует с тех пор, как мы, как отмечал Ницше, убили Бога. Мы попытались обусловить его существование зависимостью от нашей способности доказать это существование. Иными словами, по отношению к рациональным аргументам, логике все остальное является второстепенным.

Потому Камю и говорит, что есть лишь одна серьезная проблема. Эта проблема не нова, она была обозначена еще в античности — стоит или не стоит жить в этом мире. И ради чего? Здесь нет заведомых рецептов. Было бы предосудительно предполагать, что существует некая теория и те, кто ею владеет, кто обладает такого рода знанием. Невозможно жить по указке, жизнь — это всегда риск, непредсказуемость. И может быть, именно это и делает нашу жизнь увлекательной. Каждый делает свой выбор в этой жизни по-своему и несет за это ответственность.

По поводу взглядов Поппера. Я знаю одного человека, и вы тоже его знаете, который воодушевлялся идеями Поппера. Его зовут Д. Сорос. В одной из последних бесед со мной он сказал: «А разве то, что происходит в Америке, это демократия?» Это было еще до появления Трампа на горизонте.

Я хотел бы вернуться к тому, что, говоря о мышлении, мы не должны предполагать, что его корни проистекают из фрагментарного понимания природы человеческого существования. Завершая введение к «Критике чистого разума», Кант говорит, что человеческий опыт имеет «два ствола» — чувственность и рассудок: чувственность дает нам впечатления, а при помощи рассудка мы систематизируем их, сообразно определенным принципам. Он отмечает также, что эти оба ствола проистекают из общего, но неизвестного нам корня. Этот единый корень суть наше существование, бытие, то есть то, что предшествует этому разделению.

Один из близких друзей Канта Иоганн Георг Гаман, имя которого оказалось незаслуженно забытым, гениальный мыслитель, повлиявший на Кьеркегора, Ницше, Хайдеггера и многих других, пишет Канту: «Как ты мог разделить и отделить друг от друга то, что органично существует в единстве?» Это означает, что лежащее в основе этого разделения *бытие* нашей жизни должно быть выражено не только в понятиях, но и в языке в широком смысле этого слова — в музыке, живописи, скульптуре, поэзии, в крике, мольбе...

Вот и я, выступая перед вами, жестикулирую, наивно веря, что мои жесты помогут выразить мысль, восполнить возможную неубедительность своих слов. Тот же Гаман говорил, что всякая речь есть перевод. Это означает, что я пытаюсь выразить своими словами то, что всегда может быть выражено лучше. Когда мы говорим, что «владеем» языком, это ошибочно не только в отношении к другому языку (английскому или немецкому), но и к своему родному. Возникает вопрос: в каком отношении я нахожусь к стихии родного языка? Или, быть может, я всегда вынужден находиться в состоянии неадекватности по отношению и к своему родному языку?

При этом мы имеем дело с весьма практической проблемой способа выражения себя таким образом, чтобы «достучаться» до Другого, обнаружить слова, способствующие взаимопониманию.

Идрис Юсупов, г. Махачкала:

— Первый вопрос у меня возник после ваших слов, когда вы сказали, что было бы хорошо, если бы наша встреча превратилась в какие-то практические действия. Хотелось бы узнать, что вы имеете в виду? С вашим участием или с участием молодых, которые здесь присутствуют?

И в продолжение еще вопрос по теме лекции. Как вы относитесь к ответственности интеллектуала в том смысле, что настоящая идея, настоящая философия должны проходить проверку жизнью? И задача интеллектуала и философа не просто в том, чтобы формулировать идеи, но и отстаивать их, в том числе личным примером, иногда поступая как герои, иногда как воины, иногда как защитники своих идей.

Анатолий Михайлов:

— Я хотел бы уточнить характер моего разговора с вами. Это не лекция, а скорее приглашение к размышлению. Я не делюсь своим «знанием» и не пытаюсь на чем-либо настаивать. Такого энтузиазма у меня и раньше не было, а с годами становишься более сдержанным, убеждая других посредством собственных взглядов или заимствованных идей. Отдаю себе отчет в том, что это противоречит смыслу педагогического процесса. Что же касается практического воплощения, то это очень легко сказать, но очень трудно осуществить. Ибо практика, практическое действие побуждают к расставанию с более или менее уютным миром кабинетной тиши мышления. Более того, сам факт мышления и процесс мышления означает прерывание моего практического присутствия в жизни. Мышление есть абстрагирование от практического участия, ибо далеко не всегда мы обладаем мужеством действовать. Намного легче советовать, как поступать другим. Именно это делает уязвимой позицию интеллектуала, который всегда способен найти обоснование и оправдание своему бездействию, предпочитая пребывать в сфере уютной теории.

Боюсь, что настает время определенной усталости Запада по отношению к его собственным, не совсем удачным попыткам воздействия на постсоветскую реальность. И речь идет не только о Беларуси. Очень много происходит в режиме общих пожеланий и рекомендаций, того, что американцы называют «бла-бла-бла». Мы говорим в данном случае о достаточно легковесном отношении к тем серьезным вызовам, с которыми сталкивается современный мир в целом. И дело не только в том, каким образом содействовать реформированию постсоветского пространства. Прежде всего это наша собственная ответственность. В результате не совсем эффективного взаимодействия с современным глобальным миром западное сообщество сталкивается с серьезными вызовами в своих собственных странах. Нынешний мир пришел в движение, и по отношению к его вызовам необходимы крайне нестандартные практические действия, а не абстрактные рекомендации «интеллектуалов».

*Рина Кальюранд,
директор Lennart Meri
ConfERENCE (Эстония)*

Проблема национальной идентичности и безопасность*

Прибалтийские страны очень часто позиционируются как успешные образцы для подражания в области реформирования. Хотя известно, что в жизни есть и обратная сторона медали, которая не всегда видна. Но это то, с чем мы обязательно должны справиться, чтобы обеспечить нашим детям будущее.

Я буду говорить о национальной идентичности, так как уверена, что если спрошу у вас, знаете ли вы что-то об Эстонии, то услышу самые разные ответы. Некоторые скажут, что это прибалтийская страна. Другие — что это история успеха на постсоветском пространстве. А кто-то — что это страна, которая известна только русофобией. А кто-то, что это вообще не страна. А кто-то, возможно, возразит: это наиболее современная, прошедшая путь цифровизации страна в Европе. Я думаю, все это в известной степени так и есть.

У всех нас есть представление о том, что мы видим или хотим видеть. Сами эстонцы обычно говорят о себе, что мы небольшой финно-угорский народ, который живет на берегах Балтийского моря. Живет здесь давно, принадлежит к западному культурному пространству и так далее и тому подобное. И чтобы поддержать именно эту точку зрения, расскажу о том, что представляет из себя современная Эстония.

Остановлюсь на двух характеристиках, имеющих отношение к проблеме национальной идентичности. Первая касается нашего языкового и культурного отличия, непохожести. Вторая — идентификации в связи с потребностью в безопасности.

Эстония получила независимость в 1992 году и почти сразу стала формировать свою идентичность. Вернее, две идентичности — национальную и европейскую, опираясь на предыдущий опыт и не исчезающую

** Выступление на семинаре Школы в Варшаве 26 сентября 2017 г.*

мотивацию, которая помогала нам осознавать свою эстонскость.

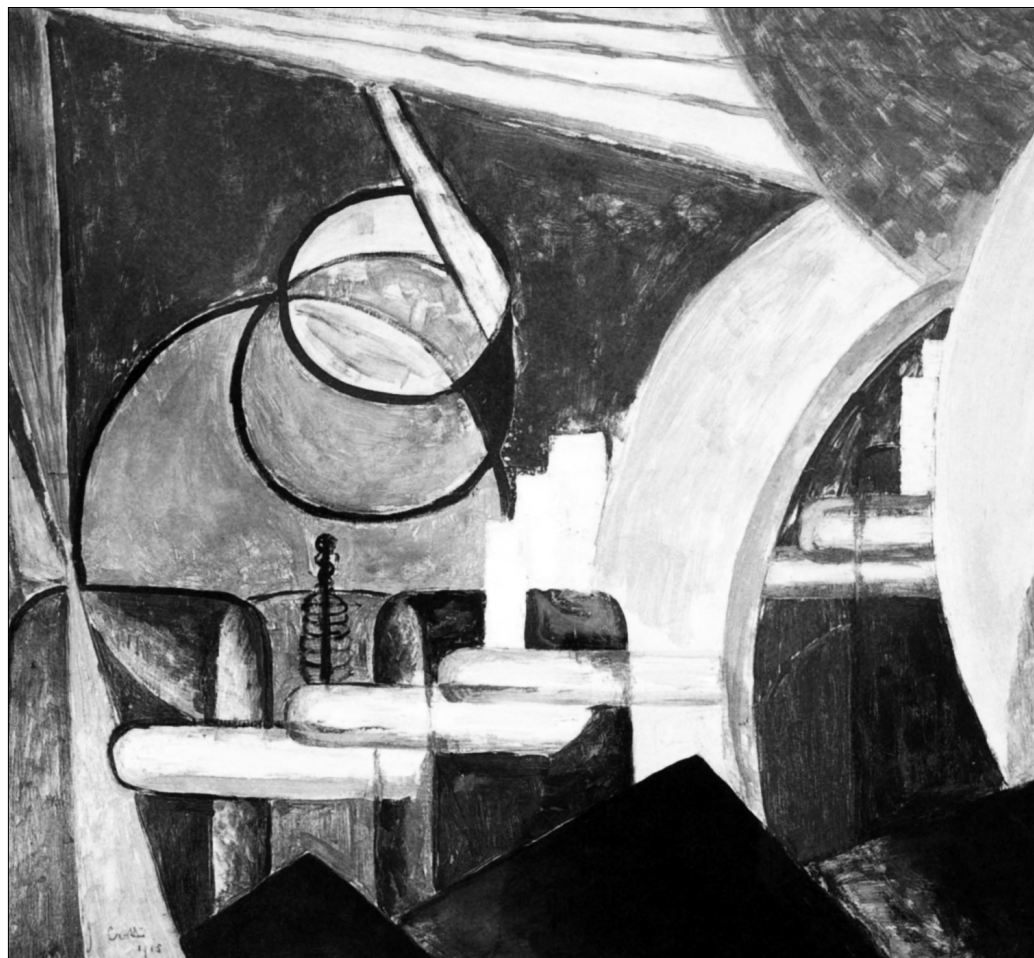
История Эстонии короткая. В следующем году мы будем праздновать столетие нашей государственности де-юре, де-факто Эстония существует только 46 лет. А до этого страна была под иностранным правлением. По большей части немецким. И так было почти 700 лет. Но нами правили и шведы, и датчане, и поляки, и царская Россия, и советская империя. Действительно, загадка, как население страны, которое сейчас составляет 1 миллион 200 тысяч человек, выжило после этого и сохранило свою культуру. У нас есть и своя литература, и своя история. Поэтому я думаю, прежде всего язык и протестантская этика сформировали нашу национальную идентичность.

Второй фактор, который помогал нам на пути становления государственности — опыт независимости. К слову говоря, самые бурные события начала XX века, а именно Первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция, которую мы называем Русской революцией, привели к созданию государства Эстония, которое существовало 22 года — до пакта Молотова — Риббентропа. И произошло это благодаря эстонскому национальному движению за самоопределение. В это непростое время у Эстонии не было опыта самоуправления и финансовых ресурсов. Но мы сумели самоорганизоваться, и Эстония стала демократической страной. Наша экономика была одной из лучших в регионе. Мы экспортировали мясо-молочные продукты в Великобританию, в Швецию, в Финляндию. Наша литература просто расцвела. Именно этот опыт — память о независимости — был важен для эстонцев в последующие годы — годы советской оккупации, поддерживая дух свободы и стремление к независимости.

Антисоветские настроения и диссидентство были укоренены в культуре и литературе, способствуя одновременно выживанию политической оппозиции. Не говоря уже об эстонской диаспоре, тем беженцам, которые оказались в США, Канаде, Великобритании, Швеции. Собственно, благодаря им республика продолжала оставаться живой, так как, по сути, они представляли страну в государствах, не признававших аннексию Эстонии.

Эстонская республика выжила, и все названное в совокупности подготовило нас к тому, что мы воспользовались открывшейся возможностью, во многом, конечно же, и благодаря Горбачеву, который вовсе этого не намеревался делать, но тем не менее в 1991 году Эстония объявила о своей независимости. И, конечно, после этого ключевым моментом для нас стала безопасность. Я не буду в этой связи говорить о России, поскольку Россия как таковая не воспринимает прибалтийские страны как участников мирового процесса. Думаю, игра идет «поверх голов», и ее целью является новый мировой порядок, а мы просто, что называется, разменная монета. Поэтому буду говорить об Эстонии.

Первый президент независимой Эстонии Леннарт Мери как-то сказал, что безопасность — это как девичество, вы либо сохраняете девственность, либо ее теряете. Во многом наша политика в 90-е годы выстраивалась по такому принципу. После распада СССР страна имела возможность следовать по одному из трех путей. Первый — нейтралитет в финском духе. Второй путь, который перед нами открывался, — тесное сотрудничество со странами СНГ, и прежде всего с Россией. А третий предполагал интеграцию в западноевропейские институты, включая институты безопасности. И фактически сразу стало понятно, что, не имея ресурсов, единственно возможный для нас

Жан Кротти. Механические силы любви в движении. 1916

вариант и гарантия — это европейская интеграция. Вступление в ЕС и в НАТО, так как было необходимо обеспечить одновременно безопасность, стабильность и проведение политических реформ. То есть встал вопрос: как убедить Запад, что мы достойные кандидаты и партнеры, которые могут сидеть с ними за одним столом?

Назову два фактора, обеспечивших достаточно бесконфликтное и быстрое проведение реформ и строительство собственных институтов. Первый — правильно выстроенная риторика политического истеблишмента и президента

Леннарта Мери. Представители политической элиты и президент сразу в своих публичных выступлениях ясно заявили, что мы являемся частью Европы, разделяем ее ценности и возвращаемся в родное пространство. И второй фактор, способствовавший успеху, бюрократическая реформа. Вся советская номенклатура была уволена, и на ее место пришла молодежь. Например, мне было 18 лет, когда я начала работать в министерстве иностранных дел, и 19, когда меня направили работать в Норвегию, а потом в Стокгольм. Первый посол, с которым я работала, сказал: «Теперь вы представ-

ляете Республику Эстония. Ваша страна не лучше и не хуже, чем вы сами. Потому что вы и есть Эстония». Именно тогда я поняла, что в Эстонии действительно произошло что-то важное, и я должна быть уверена в том, что делаю. Поэтому у нас была слепая надежда и много работы.

Сегодня, спустя 26 лет, Эстония представляет собой государство, которое является членом ООН, Евросоюза, Шенгенской зоны, НАТО, региональных организаций и подписантом всех наиболее важных международных хартий и страной наиболее продвинувшейся в мире по пути цифровизации. У нас есть даже электронное правительство, что инновационно и ново для большинства развитых стран.

Можем ли мы утверждать, что достигли безопасности? Думаю, да. Эстония одна из наиболее интегрированных стран Евросоюза. Но, к сожалению, безопасность не перестает быть проблемой не только из-за России. Проблема международной безопасности настолько сложна и запутанна, что те вызовы, которые стоят перед нами, стоят не только перед Эстонией, но и перед теми организациями, которые мы воспринимаем в качестве гарантов нашей безопасности. Наша стабильность зависит от равных обязательств всех союзников. Их национальные оговорки уже сами по себе приводят к неуверенности. Сегодня и НАТО, и ЕС стоят перед вызовом отсутствия солидарности внутри самих организаций в отношении финансового кризиса, войны в Сирии, непредсказуемости Северной Кореи, брекзита, непредсказуемости президента Трампа. И все это в сочетании с такими явлениями, как информационные войны и кибератаки.

Что меня беспокоит сегодня больше всего? Я сказала в самом начале, что в жизни всегда есть оборотная сторона

медали, имея в виду, что в последнее время мы слишком много говорим о безопасности и стали рассматривать все через призму безопасности. Это относится и к Эстонии. Мы перестали говорить о ценностях, которые являются основой нашей безопасности. Похоже, что принципы европейской идентичности все больше зависят от внешних угроз, а не от таких ценностей, как солидарность. Вопросы безопасности порождают страх, и популисты легко на этом спекулируют. Так что проблема не только за пределами границ, но и внутри наших границ.

В том числе и в этом проявляется международный кризис, который разыгрывается в Эстонии несколько иначе, чем в других странах. Когда Россия вторглась в Крым и поддержала сепаратизм на востоке Украины, в Эстонии возникло опасение, что в основном русскоязычной Нарве грозит та же участь. Что «наши русские» постараются использовать такой же сценарий для вторжения в Эстонию или в Латвию. И только тогда мы начали серьезно задумываться о русскоязычном населении, на которое приходится 25–26% от всего населения в стране. То есть 300 тысяч человек. Стоит признать, что мы не занимались их интеграцией. Поэтому говорить о сплоченности нашего общества спустя 20 лет не приходится.

Когда массмедиа в Эстонии освещали этот кризис, вместо того чтобы попытаться успокоить общественность, они фактически провели разделительную линию. Почти в каждой статье говорилось, что русскоязычное население представляет риск для Эстонии с точки зрения безопасности. Конечно, это не очень мудро, если вы хотите его интегрировать. По сути, это был провал эстонского государства, мы не смогли создать атмосферу доверия. Однако я надеюсь, со временем нам это удастся.

Дискуссия

Илья Сураев, Красноярский край:

— Спасибо за выступление. Я имею небольшое отношение к маркетингу и могу сказать, что в Эстонии была не только проделана работа по поиску своей идентичности, но и проведена хорошая маркетинговая кампания в других странах. Я помню эти замечательные ролики и макеты, благодаря которым был сформирован бренд вашей страны. Это довольно редкий опыт. Расскажите, как строился этот процесс презентации.

Рина Кальюранд:

— Я не специалист по связям с общественностью, мне сложно сказать, как происходит брендинг. Я не стала бы говорить о позиционировании страны в контексте маркетинговых изысканий или, если угодно, создания бренда. Скорее сказала бы о постоянных попытках лоббирования наших интересов, будь то в Брюсселе или в Вашингтоне. Пожалуй, наш президент Тоомас Хендрик Ильвес был одним из наиболее активных поборников интересов страны и не упускал возможности говорить о технологической и инновационной составляющей эстонской экономики с точки зрения цифрового пространства, развития здравоохранения. То есть, если угодно, именно он сыграл немалую роль в создании такого бренда.

Людмила Руткевич, Киев:

— Вы с такой любовью относитесь к своей стране, что вполне естествен мой вопрос. У вас большой опыт, и мне интересно, если вы стали бы президентом Эстонии, какое будущее вы видели бы для своей страны в мире, а также какие инструменты использовали бы для достижения этого будущего?

Рина Кальюранд:

— Интересный вопрос. В Эстонии не так давно был избран новый президент — молодая женщина, кстати. И, безусловно, будь я избрана, я следовала бы тем же курсом, который в настоящее время выбран для страны. А именно чтобы мы гордились не только своими достижениями на мировой арене, но и внутренней политикой. Мне представляется, будь то Эстония или любая другая страна, самое важное — это вера в себя. Идет ли речь об экономике или об участии в международных организациях — ЕС или НАТО, — вера народа в себя. Если этой веры нет, значит, что-то не так. Как поверят в вас другие, если вы сами не верите в себя?

Маленькая страна, что она могла бы сделать в рамках Евросоюза? Эстония, Литва и Латвия помнят и думают о ценностях, может быть, даже больше, чем старые государства — члены Европейского союза. Нередко странам Балтии приходится напоминать им о том, почему вообще создавался Европейский союз. Великобритания вышла из Евросоюза, а Эстония по определению не может себе это позволить. Это экзистенциальный вопрос для нас.

Роман Ларионов, Москва:

— Вы сказали, что на заре независимости Эстония выбрала путь избавления от старой советской бюрократии и о полной фактически ее замене на представителей молодого поколения. В России сегодня, когда говорят о реформировании страны, этот путь тоже обсуждается. Но здесь есть и определенный риск, связанный с тем, что молодежь не имеет опыта, необходимых компетенций. Сталкивалась ли Эстония с таким риском? И насколько может быть успешным этот путь в современной России?

Рина Кальюранд:

— В начале 90-х у нас не было выбора. В Эстонии создавались новые государственные институты и не было кадров. Поэтому вовлечение молодых людей и соответствующее их образование и обучение представлялись единственно возможным путем. Я лично не ощущала, что существовало тогда недоверие к молодым людям. И сегодня, когда Эстония стала институционально развитой страной, мы продолжаем привлекать людей к работе в министерствах и ведомствах на основе их компетентности и образования. А что касается России и других постсоветских стран, которые не отказались от своей номенклатуры, то, я думаю, они потеряли примерно два поколения или 20 лет ценнейшего времени для реформ. Эти страны были настолько заняты вопросом собственной стабильности, что это лишило мотивации многих молодых представителей гражданского сектора и государственного администрирования. Мне кажется, что систему, особенно в такой стране, как Россия, быстро не изменить. Очевидно, инициатива должна исходить от гражданского общества.

Михаил Хомин, Санкт-Петербург:

— Известно, что три прибалтийских государства получили независимость одновременно. Но Эстония, на мой взгляд, является лидирующим государством на пути реформ и демократизации. Как специалист, в чем вы видите преимущества, почему двум другим прибалтийским странам не удастся более эффективно следовать по пути приближения к европейским стандартам?

Рина Кальюранд:

— У нас несколько разные истории и разная политическая культура. В Эстонии элита была достаточно однородной. И решения, принимаемые на политическом уровне, не расходились и не противоречили заданному проевропейскому интеграционному курсу.

В Латвии деньги и политика были всегда гораздо более тесно переплетены. Латыши сами говорят, что их политическая культура в большей степени похожа на российскую. Вопрос сделок и принцип субсидирования политических партий... Не буду говорить, хорошо это или плохо. Но в Латвии большинство политических партий финансируются олигархами. И их деньги нередко имеют сомнительную природу. В результате мы видим в Латвии гораздо более сложные пути нахождения политического консенсуса, эти пути более запутанны и извилисты. Например, 5–6 лет назад в Эстонии Европейский союз поддерживало около 80% населения, тогда как в Латвии — 50–60%.

В Литве опять же отдельная история. Литва не воспринимает себя как малая страна. В известной степени литовцы скорее соотносят себя с Польско-Литовским царством. И в культуре это не может не отражаться, как с точки зрения самовосприятия, так и с точки зрения поиска политических решений и консенсуса.

Ну и, кроме того, эстонцы не слишком склонны к разговорам, мы больше склонны к действиям.

Мужской голос (не представился):

— Пожалуй, важное различие между Эстонией, Литвой и Латвией в характере процесса приватизации. В Эстонии приватизация была прозрачной, по немецкому образцу. Вся советская или «ничья» собственность была передана в фонд, который управлялся прозрачным образом. После приватизации фонд был ликвидирован. То есть фактически путь создателей (капиталистов) фонда прослеживается с первого дня, в отличие от Литвы и Латвии. И еще. Эстония с точки зрения идентичности воспринималась и воспринимается как нордическая или североевропейская страна, учитывая ее финно-угорскую культуру. Готовы ли вы согласиться с этим положением — о нордических корнях Эстонии — и можно ли этим объяснить успехи страны?

Рина Кальюранд:

— Нордическая страна или североевропейская страна... В свое время у нас велись дискуссии о том, следует ли Эстонию считать таковой. В зале среди нас сидят шведские и финские коллеги. И, мне кажется, они не думают, что подобная идентификация имеет смысл или что она нужна. Мы находимся на другом берегу Балтийского моря, и у нас другая история даже при некоей общности культур. С точки зрения ведения бизнеса нам, конечно, проще, я должна это признать, иметь дело с Финляндией, чем, например, с Латвией. Но при этом я не стала бы (это мое личное мнение) требовать изменений в идентичности, наделяя Эстонию исключительным статусом среди балтийских государств. Это вопрос исторического опыта, так что не стоит подобные изменения кодифицировать. После этого мы вряд ли будем лучше понимать друг друга. У нас по сравнению с Финляндией совершенно разные подходы к взаимоотношениям с Россией. Но мы это понимаем и принимаем.

Евгения Литвинова, г. Санкт-Петербург:

— Мои коллеги из «Открытой России» были на семинарах в Эстонии, где познакомились с работой государственных институтов, и убедились, насколько это прозрачно работающий механизм. Вопрос у меня такой. Мне как журналисту интересно, как вы выстраиваете работу с русскоязычным населением в информационном плане? Как работают и должны работать СМИ? Есть ли такое понятие, как позитивная пропаганда? Какую информационную линию вы выстраиваете против российской пропаганды?

И реплика иного содержания. Не так давно умерший Даниил Дондурей, главный редактор журнала «Искусство кино», споря с интеллектуалами 90-х, говорил, что России нужна пропаганда. Ему возражали, что мы не можем повторять опыт Советского Союза. Но в результате те, кто оказался сильнее, переиграли.

Рина Кальюранд:

— Мы решили не заниматься контрпропагандой. Ресурсы, которые вкладывает Россия в пропагандистские инструменты, всегда будут превышать те, что готова инвестировать Европа. А то, что было сделано, в частности, в Эстонии, было сделано поздно и, может быть, неверно. Я имею в виду существующий телевизионный канал на русском языке. Идея этого канала — трансляция местных новостей для русского населения в Нарве и Таллинне.

В Литве и Латвии был другой подход. Там не было вначале даже попытки создания русскоязычного канала, поскольку считалось, что если русские хотят узнавать новости, то пусть смотрят их по-латышски или по-литовски.

Мне кажется, эстонский подход более выверен и сбалансирован, потому что люди старше 50–60 лет уже не выучат эстонский язык, и то небольшое, что мы могли для них сделать, — это создать на телевидении специальную программу на русском языке.

Некоторое время назад мы провели исследование о воздействии русскоязычного канала на русское население Эстонии и о том, в какой мере этот канал влияет на отношение русских к правительству. В этом проекте участвовал также один из ведущих журналистов CNN. Мы были в Нарве и в небольших поселениях на границе с Латвией, где тоже есть русскоязычная община, и пришли к выводу, что русские люди живут в совершенно другом информационном пространстве. Они смотрят в основном российское телевидение, но развлекательные программы, а не политические дискуссии. После работы приходят домой, включают телевизор и смотрят сериал или развлекательную передачу. Однако при этом, конечно же, российская пропагандистская машина достаточно изобретательна и нередко, например, между сериалами запускается новостной блок о событиях на Украине или где-либо еще. Но в основном люди, которые смотрят эстонские или российские каналы, никому не верят. У них нет доверия ни к эстонской контрпропаганде, даже в усеченном варианте, в котором она может существовать, ни к российской пропаганде. Поэтому цель вряд ли может быть

достигнута, так как люди попросту блокируют свое восприятие, не желая воспринимать информацию. А молодые люди и вовсе не смотрят телевизор, не читают газет, предпочитая социальные сети. Единственный источник информации для них — социальные сети. Так что смысла в пропаганде, как и в контрпропаганде, я не вижу.

Идрис Юсупов, г. Махачкала:

— Большое спасибо за лекцию, потому что мы мало знаем о прибалтийских странах.

В продолжение предыдущей темы. Расскажите, пожалуйста, о том, как русскоязычное население чувствует себя в прибалтийских странах. Чувствует ли оно себя людьми второго сорта? По-моему, для них есть какой-то отдельный статус неграждан. Ущемлены ли они в каких-то правах? Или сейчас у них есть все права, включая право на получение гражданства? Как вам кажется, к чему эти 25 или 26% русских на самом деле испытывают большую лояльность? К тем ценностям, о которых говорят в Эстонии, или все-таки они больше лояльны к российской ситуации? Можно ли говорить о какой-то интеграции этих людей в эстонское общество? разделяют ли они признанные ценности или остаются диаспорой и пропагандируют другие ценности, хотят другого развития Эстонии? видят ли они себя частью будущей Эстонии?

Рина Кальюранд:

— Очень хороший вопрос. Я думаю, что сегодня ситуация совершенно не такая, какой она была 25 лет назад. Но проблема остается. Я не могу утверждать, что все русские чувствуют себя эстонцами так, как мы хотели бы, чтобы они себя чувствовали. Причины этого — преимущественно социально-экономические, а не политические. Все социологические опросы показывают, что русскоязычные в Эстонии не отождествляют себя с Россией. Они скорее чувствуют себя политически ассоциированными с Европой. И это скорее вопрос культурно-семейных связей, которые у них сохранились с Россией. Проблема в том, что эстонская политическая риторика весьма враждебна к России, что, по сути, ставит русскоязычное население в очень сложное положение. Мы лишили их источника гордости и достоинства, которые крайне важны для нации. Им нечем гордиться, кроме как собственными достижениями. Я думаю, что именно это часто гиперполитизирует отношения между эстонцами и русскими. Если вы не говорите на эстонском языке, тогда пожилые эстонцы скорее всего заговорят с вами по-русски. А вот молодежь русского не знает. Есть несколько вопросов, на которые невозможно найти простых ответов.

Но тенденция развивается в направлении улучшения положения. Эстонское правительство сейчас больше усилий предпринимает, например, для интеграции молодежи. Облегчена процедура получения гражданства. Если говорить о положении неграждан, то для них сегодня есть так называемый серый паспорт. С таким паспортом негражданина можно без визы путешествовать в Россию. А если есть постоянный вид на жительство, то можно путешествовать по Европе. Только для поездки в США

люди с паспортом негражданина должны получать визу. Но при этом на них распространяются все гарантии безопасности. Молодые люди с паспортом негражданина не должны служить ни в русской армии, ни в эстонской. Чего еще желать?

Я помню одно интервью с молодым бизнесменом в Нарве, у которого был серый паспорт. Он много путешествовал, ездил в Петербург, где у него был бизнес, потом поехал в Испанию. И у него украли бумажник вместе с паспортом. И он рассказывал, что на него произвело большое впечатление, насколько быстро эстонское посольство помогло ему получить новый документ, благодаря которому он вернулся в Эстонию. И получил там всю необходимую поддержку, которую Эстония может предложить — соцпакет, безопасность, идентичность. После этого он подал заявление на получение эстонского гражданства.

Единственное, чего нельзя делать, имея серый паспорт, — это голосовать во время парламентских выборов. Но опять же, я жила в Швеции 13 лет. И первое, что сделала, когда приехала туда, — выучила язык. Понимаете, это ведь улица не с односторонним, а с двусторонним движением. Та молодежь, которая учит эстонский язык, а потом поступает в эстонский университет, легко интегрируется в общество. Ведь университеты — это сети, которые дают информацию, работу. Так что это вопрос выбора: хотите получить привилегии гражданства, должны взять на себя соответствующие обязательства. Если государство предлагает вам возможности, вы должны ими пользоваться. Да, кто-то вернулся в Россию, некоторые уехали в Великобританию. Как вы знаете, ситуация с миграцией в Европе

напряженная. Молодым людям становится все сложнее найти работу в Финляндии, Эстонии, Великобритании. А те, кто остается в Эстонии и кто интегрировался, как правило, не жалеют об этом.

Айну́р Гу́лиева, г. Баку:

— На территории Азербайджана проживают люди около 80 национальностей. И если обратиться к истории, можно увидеть, что все они так или иначе внесли свой вклад в развитие страны. Есть те, кто интегрировался, и есть, например, русские, которые до сих пор не говорят на азербайджанском языке. Мы видим в этом и нашу вину, потому что в свое время, если к нам обращались по-русски, отвечали тоже по-русски. Мы к этому относимся спокойно. И очень ценим, что внесли в нашу культуру национальные меньшинства, включая русских, украинцев, аваров, лезгинов и т.д. Вы сказали, что в Эстонии примерно 26% русского населения. Есть ли какие-то исследования о том, какой вклад оно внесло в развитие страны? Мы говорим об интеграции и о том, что некоторые не хотят интегрироваться. Получается, что каждый четвертый эстонец русскоязычен, и мне интересен их вклад в развитие страны.

Рина Кальюранд:

— Конечно же, они внесли свой вклад в нашу экономику и в политику. На самом деле из этих 26% русскоязычных только 24% собственно этнические русские, остальные это украинцы, белорусы и другие. Когда вы сопоставляете, например, русскоязычных в Латвии и Эстонии, вы видите, что за ними разная история. В Латвию в 1990-е годы приехало много русской интеллигенции и бизнесменов. Их называют русскими белыми воротничками. В то время как в Эстонии состав русскоязычных совершенно другой. В основном это рабочие промышленных предприятий и служащие, оставшиеся без работы в результате проводившихся реформ, которым взамен ничего не было предложено. Эти люди часто говорят, что они столько лет платили налоги, почему им не дают гражданство. В известной мере это не их вина. И, я думаю, что наше правительство это понимает. В частности, эта проблема решается на муниципальном уровне. Например, были созданы условия, чтобы люди из Нарвы приезжали на юг страны, где есть работа на заводах. Там им предлагают жилье в общежитиях, а на выходные они могут возвращаться домой, где живут их семьи. Или могут переехать в другой район Эстонии на постоянное местожительство, это тоже будет способствовать их интеграции. Я думаю, людям часто просто не хватает предпринимательской жилки. Да, они потеряли работу, у них нет желания куда-то переезжать. Но сейчас очень сложно по ряду причин перенести крупные промышленные предприятия или государственные учреждения в другую часть Эстонии, хотя, я знаю, обсуждается и эта проблема.

Игорь Берестаев, Варшава:

— В продолжение этой темы у меня более конкретный вопрос о русскоговорящих и политике Эстонии. Вы сравниваете три прибалтийские страны, но в Литве, например, есть типичные этнические партии — польские.

У них даже польские названия. А в Латвии ни одна партия не называется русской партией. Хотя есть партия Нила Ушакова, который сейчас является мэром Риги. Эта та партия, члены которой и избиратели по преимуществу русскоговорящие. А в Эстонии другая ситуация. Есть эстоноцентричная партия, Eesti Keskerakond (Центристская партия Эстонии. — *Прим. ред.*), если я правильно произношу. Это не совсем типичная этническая партия, так как за нее голосуют русскоязычные избиратели. Согласны ли вы (это мой первый вопрос) с тем, что это не этническая партия? И второе, почему у вас есть партия для этих «особых» избирателей?

Рина Кальюранд:

— Прежде всего потому, что партия центра в Эстонии занимается социальными вопросами, в том числе и русскоязычного населения. За прошедшие 20 лет она стала платформой, объединяющей русскоязычное население в стране, поскольку ни одна из этнических русских партий не достигла в этом успеха по разным причинам. В Эстонии нет одного лидера, способного мобилизовать всех русскоязычных. Единственный человек, который смог это сделать — Эдгар Сависаар. Он был основателем нашего национального движения, когда Эстония получила независимость. Но теперь его риторика изменилась. В 2015 году на него было заведено уголовное дело, он подозревается в коррупции, и партия центра развалилась. Все политические партии в Эстонии сегодня пытаются обратиться к социально-экономическим проблемам и проблемам образования русскоязычного населения. Зачем нам этническая русская партия, если мы говорим о том, что хотим интегрировать русскоязычных в эстонское общество? Мы должны думать о благосостоянии всех людей Эстонии, ведь не только русское население сталкивается с социальными проблемами, эстонцы тоже. Все, кто живут на периферии, сталкиваются с проблемами. Поэтому порой мне кажется, что мы проводим слишком жесткие разделительные линии. Политика, которую проводит эстонское правительство, касается всех. Важно то, как мы справляемся с проблемами своего общества. Это зависит в том числе и от нашей способности к адаптации, к интеграции, к тому, чтобы научиться новому ремеслу, выучить язык. Я не думаю, что есть какая-то потребность, чтобы была именно этническая партия, которая занималась бы этими вопросами.

Инна Березкина, г. Москва:

— Мой вопрос про безопасность. Однажды я слышала выступление далай-ламы в Лондоне. У него спросили, что можно сделать, чтобы как-то остановить нарастающую враждебность и не допустить противостояния Запада и России? И он ответил: «Перенесите штаб-квартиру НАТО в Москву». Что вы думаете по этому поводу?

Рина Кальюранд:

— Я слушала прямую трансляцию, когда далай-лама сказал именно это. К слову говоря, в середине 90-х годов вариант такого переноса обсуждался вполне серьезно. Но сегодня, я думаю, даже если Запад пошел бы на этот

шаг, Россия отказалась бы. Стратегия России, насколько я понимаю, состоит в том, чтобы выстроить новый мировой порядок с учетом ее интересов. Она едва ли позволит, чтобы какой-либо институт, включая НАТО, что-то диктовал ей.

Проблема Запада в том, что он не может предложить мудрую политику в отношениях с Россией.

Светлана Занко, г. Киров:

— Я обратила внимание на два аспекта интеграции русскоязычного населения. Первый — приятно было слышать, что молодые люди, изучающие эстонский язык, не ограничены в своих правах и могут поступать в любые учебные заведения страны. И второй аспект, который тоже не может не понравиться, — информационная политика, трансляция программ на русском языке, а значит, и возможность русскоязычным людям выражать свои мысли таким образом.

Меня интересует сфера дошкольного и среднего образования. Это, конечно же, очень важно, как родители мы это понимаем. Есть ли возможность отдавать детей в билингвальные школы, например, или детские садики?

Рина Кальюранд:

— Эстония в настоящий момент проводит реформу образования. И скорее всего, больше не будет русскоязычных школ. У нас уже есть переходные школы, где 60% предметов преподается на эстонском и 40% на русском для тех, кто начинает учить русский язык. Это для них сложно, и вначале было много протестов против этой системы: не хватало учителей. Не говоря уже о дополнительной нагрузке на учащихся, потому что они должны изучать и язык, и предмет на этом языке и еще надеяться, что они будут настолько успешны, чтобы поступить в университет. Теперь мы видим, что эти дети очень хорошо адаптировались. У них замечательные результаты. И, честно говоря, когда они заканчивают среднюю школу или университет, имеют преимущество по сравнению с эстонцами с точки зрения рынка труда. В банковском секторе, например, предпочитают нанимать трехязычных людей — тех, кто бегло говорит по-русски, по-эстонски и по-английски. Эстонские молодые люди, как правило, по-русски не говорят и в силу этого теряют преимущество. Поэтому в этом смысле система уже хорошо работает.

Сейчас ведутся обсуждения в отношении дошкольного образования. По-прежнему у нас отдельные детские сады для русскоязычных детей и детей, говорящих по-эстонски. Идея состоит в том, чтобы интеграция прошла еще глаже, с тем чтобы помочь, скажем так, отдельным группам молодых людей, которые имеют сложности с адаптацией. Поэтому сейчас думают о том, чтобы изменить и все садики, чтобы там только по-эстонски говорили. Конечно, есть частные детские сады, в которых говорят по-русски. Но в муниципальных детских садах, которые финансируются из бюджета, будут говорить только по-эстонски. Вот это будет самый легкий способ для того, чтобы русские дети могли вписаться в общество еще раньше и не чувствовать, что они как-то исключены еще до начала школы.

Право и три европейских кризиса: экономика, безопасность, политика*

Мигель Аспитарте Санчес
(Университет Гранады,
Испания)

1. Введение

В основу данной статьи лег хорошо изученный сюжет — кризис в Европе, а конкретнее, три его сферы: экономика, политика и безопасность. Будучи учеными-правоведами, мы пытаемся определить, какую роль в зарождении, развитии и возможном разрешении этих кризисных ситуаций сыграло (или должно было сыграть) право. В литературе не раз описывались и анализировались также и другие кризисы, затронувшие нынешнюю Европу: конституционный кризис 2005 года, спровоцированный отрицательным результатом во Франции и Нидерландах референдума по принятию общеевропейской конституции; демографический кризис, обусловленный старением европейского общества и сокращением числа людей, которые могут поддерживать благосостояние пенсионеров; так называемый ценностный или моральный кризис; недавний кризис, вызванный неконтролируемым притоком беженцев, и другие. Между некоторыми из перечисленных кризисов существует взаимосвязь, но мы займемся выявлением характерных особенностей только тех из них, которые упомянуты в заголовке. Как указано в вводной

Мигель Бельтран де Фелипе
(Университет Кастилия-Ла
Манча, Испания)

* Этому тексту предшествовала статья профессора Мигеля Аспитарте, опубликованная в бразильском издании. См.: *Azpitararte M. Peter Häberle en el siglo XXI // Revista Estudos Institucionais. 2016. Vol. 2. № 1. P. 57–90. Ее основные идеи были доработаны и затем озвучены профессором Мигелем Бельтраном 27 сентября 2017 года в ходе его выступления на семинаре «Sapere Aude: свобода и верховенство права», организованном Ассоциацией школ политических исследований Совета Европы в Варшаве. Окончательная версия текста, подготовленная в соавторстве, появилась в результате объединения текста публикации профессора Аспитарте с текстом выступления профессора Бельтрана. Профессор Бельтран выражает благодарность Лене Немировской, кавалеру Ордена Британской империи, и Юре Сенюковскому, основателю Московской школы гражданского просвещения, за приглашение принять участие в семинаре, координатору семинаров Школы Инне Березкиной за включение этого выступления в программу, а также слушателям семинара за их вопросы и комментарии.*

сноске, в основу нашего текста легла статья, опубликованная в бразильском журнале и позже дополненная материалами выступления на семинаре в Варшаве. По этой причине в тексте отсутствует привычный для научных работ библиографический аппарат (с ним можно ознакомиться, обратившись к «бразильской версии» 2016 года). Возможно, в силу обстоятельств, в которых создавался наш текст, кому-то может показаться, что мы делаем слишком широкие обобщения или упрощаем сложнейшие проблемы; за это нам хотелось бы извиниться заранее.

2. Экономический кризис

2.1 Частный долг, публичный долг, финансовая помощь и антикризисные меры

Экономический кризис 2007–2008 годов положил конец растянувшемуся почти на десятилетие периоду «великой умеренности», характеризовавшемуся устойчивым ростом экономики при низких показателях инфляции и безработицы (по крайней мере в основных европейских государствах). В годы, предшествовавшие кризису, банки всеми силами стремились наращивать объемы кредитов. Именно это и привело к сбою в работе системы, поскольку со временем банкиры утратили возможность адекватно оценивать имущественные активы — в частности, недвижимость, под залог которой предоставлялись кредиты. Крах системы высокорискованных ипотечных кредитов и займов, а также рынка вторичных ценных бумаг начался в США; затем в соответствии с эффектом домино на него отреагировала вся международная финансовая система, в результате чего многие европейские банки оказались в крайне тяжелом положении.

Возникла необходимость экстренно поддержать работоспособность банковского и финансового сектора, что было сделано посредством оперативного и масштабного вливания государственных средств — как в государствах, которые позже вынуждены были искать финансовую помощь вовне (Греция, Португалия), так и в США и многих государствах Европы (Великобритания, Германия, Нидерланды). В кратчайшие сроки природа кризиса изменилась, поскольку частный долг вдруг стал государственным; соответственно необходимость снизить производственные издержки потребовала значительного сокращения государственных расходов и снижения заработной платы. Неизбежность наступления налогового-бюджетного кризиса в европейских «государствах всеобщего благосостояния» стала очевидной уже в 1980-х годах, когда в Великобритании у власти было правительство Маргарет Тэтчер, а в США президентствовал Рональд Рейган. Но в 2008 году долговой кризис в частном секторе совпал с долговым кризисом публичного сектора, и мировая экономика оказалась в ситуации «идеального шторма», последствия которого для Европейского союза (ЕС) и особенно зоны евро были очень тяжелыми. Для множества молодых людей и части среднего класса «благосостояние», «работа» и «богатство» остались в прошлом. Коллапс банковской и финансовой систем перерос в глубокий полномасштабный экономический кризис, а попытки найти выход из него спровоцировали политический кризис. Впрочем, до настоящего момента, то есть к ноябрю 2017 года, Европа избежала широкого социального возмущения с характерными для него масштабными выступлениями и уличными беспорядками, организуемыми пострадавшими от кризиса или антикризисных мер людьми.

2.2. «Конкурентное государство»

В совокупности эти обстоятельства привели к формированию нового конституционного и экономического ландшафта. Его очертания определялись насущной потребностью государства в денежных средствах на кредитных рынках. Некоторые политологи заговорили о появлении так называемого конкурентного государства, пришедшего на смену доминировавшему прежде «государству всеобщего благосостояния» и государству регулятивного характера, сущность которых выражалась в определенной модели отношений между публичной властью и рынком. Легитимность «государства всеобщего благосостояния» основывалась на его способности предоставлять населению общественные услуги и перераспределять богатство через систему налогообложения. В такой модели рынок играет подчиненную роль по отношению к государству, поскольку государство определяет область рынка, открытую для проявления частной инициативы, и устанавливает правила, регулирующие капиталистические институты (конкуренцию, монополии, собственность, фондовый рынок). На сегодняшний день государство продолжает оставаться поставщиком публичных услуг и благ, но едва ли этот процесс легитимизирует сам факт его существования. Скорее наоборот, общей тенденцией последних лет стало сокращение государственного участия в экономике, о чем говорит все большее число экономистов и политологов, указывая на эффективность «урезанного» государства как на основной источник его состоятельности.

Очертания так называемого регулятивного государства сложились в 1990-е годы. Оно во многом воспроизводило «государство всеобщего благосостояния», но его легитимность основывалась на воз-

можности создавать правовой контекст, в котором свобода рыночных сил и сокращение государственного регулирования способствуют повышению качества государственных услуг при удешевлении их стоимости. При этом граждане, потребляющие общественные и частные блага, массово обращались к кредитованию, чтобы обеспечить себе доступ к таким благам, как жилище, образование, здравоохранение. Кредит дал им возможность организовать свою жизнь в соответствии с ожидаемым в будущем уровнем дохода. Прямое или косвенное управление сферой производства и предоставления государственных услуг осуществлялось посредством установления государством норм, создание правовой основы, которая позволяла бы частным компаниям становиться поставщиками основных общественных услуг — в сфере энергетики, транспорта, телекоммуникаций, уборки мусора, заботы об окружающей среде и так далее. Следуя этой логике, был взят курс на поддержку частного пенсионного обеспечения. Таким образом, состоялась «приватизация» экономики, в результате чего государство перестало нести ответственность за предоставление услуг, но оставило за собой обязанность обеспечивать нормативную базу, позволяющую частным компаниям принять эту миссию на себя. Разумеется, компании получали от этого определенный доход. Регулируемый рынок показал себя более эффективной и дешевой моделью в сравнении с «государством всеобщего благосостояния»: государственные структуры все реже занимались предоставлением услуг, открыв эту сферу для тщательно регулируемой конкуренции. В отдельных случаях регулятор вводил конструкцию так называемой универсальной услуги, спецификой которой является обязанность предоставляющей ее стороны сделать ее доступной для потребителя даже в тех случаях, когда рыночных условий нет или

Луччо Фонтана. Пространственный объект. 1957

оказывать услугу вообще невыгодно (см., например, Директиву 2002/22/ЕС от 7 марта 2002 года об универсальных услугах и правах пользователей в отношении сетей электронных коммуникаций и услуг).

Сегодня некоторые экономисты и политологи говорят, что мы вступили в эпоху «конкурентного государства». Основные институты «государства всеобщего благосостояния» и «регулятивного государства» продолжают функционировать,

но их назначение изменилось: они делают граждан, общество, публичные администрации всех уровней, от местных до региональных, более приспособленными к конкурентной среде. «Государство всеобщего благосостояния» пыталось защитить национальные сообщества от неконтролируемой конкуренции, гарантируя социальные права и социальную защиту, перераспределяя доходы через налоговую систему, национализируя отрасли, в которых оказы-

ваются ключевые социальные услуги. В экономике «конкурентного государства» укрепляются рыночные начала. Оно либерализует операции с капиталом на внутреннем и международном рынках, старается более гибко регулировать рынок труда и, конечно же, переводит все больше социальных услуг из публичного сектора в частный.

Если «государство всеобщего благосостояния» было попыткой обуздать капиталистическую стихию, то нынешнее «конкурентное государство» вновь подстегивает потенциал предприимчивости капитала. В этой среде государственные органы теряют свое значение; государство больше не определяет пространство частной инициативы и границы рынков. Наоборот, рынки, особенно финансовый рынок, санкционируют предоставление государственных услуг и определяют объемы ликвидности (и платежеспособности) государственных бюджетов. Говоря практически, рынки определяют количество и качество государственных услуг, а также цели и средства государственной политики. Чтобы привлечь инвестиции или иметь доступ к финансовым рынкам, государства должны добиваться доверия со стороны кредиторов; поэтому ядром успешной государственной политики становится демонстрация способности действовать в установленных правовых рамках и своевременно выплачивать долги, даже если это требует жертв со стороны граждан.

Важно добавить, что государства ЕС, перешедшие на евро, не могут в ходе конкуренции на финансовых рынках обращаться к девальвации своей валюты или прибегать к инструментам монетарной политики — например, манипуляциям с учетной ставкой. Из-за этого возможность кредитования на внешних рынках превратилась для них в вопрос чрезвычайной важности. Иначе говоря, государствам зоны евро сейчас очень сложно

соперничать за получение денег. Впрочем, какие-то рычаги у них все же остались; обратимся к одному из них.

2.3. Деконструкция рабочей силы

Роль «государства всеобщего благосостояния» не ограничивается предоставлением услуг. Один из основных аспектов его деятельности — смягчение или сглаживание диалектического противоречия между капиталом и трудом либо между социальными классами. Этот конфликт и способы его преодоления стали доминирующей проблемой для конституционалистов межвоенного периода. Найденное ими решение хорошо известно: современные европейские конституции создали основу для широкого общественного консенсуса, что исключило вопрос о противостоянии между трудом и капиталом из политической повестки дня. Они пытались снизить напряженность социальных конфликтов в рамках конструкции «государства всеобщего благосостояния», ограничивающего конфронтацию труда и капитала переговорным процессом между заинтересованными сторонами, результатом которого должны становиться обязывающие соглашения между ними. В контексте социальной защиты и ощутимого вмешательства государства в экономическую деятельность коллективные переговоры и иные коллективные действия, в частности забастовки, получили ранг фундаментальных прав. Правовой статус профсоюзов был признан и защищен. В некоторых странах — в Испании, Франции, Италии — установилась прочная связь между левыми силами и профсоюзным движением с присущим ей так называемым «двойным членством», которое связывает социалистические и коммунистические партии с социалистическими и коммунистическими профсоюзами. Про-

чные узы между Лейбористской партией и ключевыми профсоюзами сохранились в Великобритании. «Государство всеобщего благосостояния» породило многочисленный средний класс, которому чужда идея конфликта. Социальная сплоченность была достигнута быстро: хотя забастовки по-прежнему оставались частым явлением, они хорошо вписывались в систему — в отличие от былых революционных стачек, нацеленных на ее слом. Начиная с 1950-х годов, «государство всеобщего благосостояния», оформившееся в западных демократиях, успешно справлялось с социальными конфликтами.

Но в последние годы попытки найти выход из кризиса привели к принятию государствами — членами ЕС двух серьезных макроэкономических мер: во-первых, они начали ограничивать свои расходы, а во-вторых, стали сокращать заработную плату (так называемая внутренняя девальвация, по Милтону—Фридману). Согласно официальной статистике, с 2008 по 2015 год в Испании заработная плата, с учетом инфляции, снизилась на 7,6%. Эти макроэкономические меры вызвали явное обнищание европейских обществ в целом, и прежде всего их работающих граждан. По нашему мнению, с точки зрения конституционного права данное явление стало самым важным свидетельством кризиса. Впервые за многие годы государства целенаправленно разрабатывали и внедряли политику снижения покупательной способности своих граждан, либо напрямую сокращая зарплату госслужащих, либо реформируя трудовое законодательство и сокращая стоимость найма и увольнения работников. Снижение стоимости затрат на единицу рабочей силы стало едва ли не единственным инструментом властей, позволяющим поддерживать конкурентоспособность государства. Это всеобщее проявление соци-

ального демпинга получило название «гонка по нисходящей». Здесь не место вдаваться в детали, но следует иметь в виду, что подобная гонка может обернуться экономическим провалом, поскольку сама идея соревнования стран ЕС в этом отношении с Китаем, Индией или другими странами, где стоимость рабочей силы несравненно ниже, явно абсурдна. Кроме того, снижение доходов и сбережений европейских рабочих и среднего класса способно спровоцировать общий крах системы спроса и предложения.

Государство перестает быть гарантом баланса сил в производственном процессе. На деле, разумеется, оно никогда и не было беспристрастным сторонним наблюдателем: с 1950-х годов до середины 1980-х нормы трудового права (по крайней мере в континентальной Европе) явно благоприятствовали рабочим и их объединениям, поскольку они считались менее защищенной стороной. Профсоюзы финансировались властями, трудовое законодательство в основном поощряло права трудящихся, а в 1970-е годы в таких странах, как Италия или Испания, зарплаты автоматически корректировались с учетом стоимости жизни. (Это, кстати, подстегивало инфляцию: в Италии в 1974–1980 годах она колебалась в диапазоне 20–25% в год, а в Испании в 1973–1983 годах ее показатели не опускались ниже 12%.)

Вследствие нынешнего экономического кризиса государство стало непосредственным участником перестройки производственных процессов. Это означает, что политические решения, которые ранее были второстепенными по отношению к правилам, установленным профсоюзами и работодателями в ходе коллективных переговоров, теперь стали более значимыми. В определенном смысле государственные органы перестали быть нейтральными: теперь они

зримо поддерживают капитал. Ведя борьбу с профсоюзами в политическом и правовом поле и демонтируя некоторые структуры трудовых отношений, они применяют трудовое право для «внутренней девальвации». В качестве примера можно сослаться на новый испанский закон о труде, принятый в 2012 году правой Народной партией в русле так называемых структурных реформ, предложенных ЕС, и оспоренный в Конституционном суде страны. Несмотря на расхождение судей во мнениях, решения 119/2014 и 8/2015 оставили закон в силе. Основной вопрос заключался в том, закреплена ли в Конституции 1978 года конкретная модель трудовых отношений, а именно та, которая присуща «государству всеобщего благосостояния». Если на этот вопрос дается утвердительный ответ, то тогда проведенная правыми в 2012 году реформа трудовых отношений оказывается антиконституционной, поскольку в предложенной парламентом модели трудовых отношений господствует индивидуализм, а сокращение стоимости рабочей силы объявлено макроэкономической целью. Между тем своим решением суд постановил, что законодательный орган имеет право менять существующую модель трудовых отношений и это не будет нарушением конституции, поскольку Основной закон Испании не закрепляет незыблемость «государства всеобщего благосостояния».

2.4. Последствия для государств — членов Европейского союза

Помимо макроэкономических решений (жесткой экономии и сокращения затрат на рабочую силу), европейский ответ на кризис ликвидности и платежеспособности предполагал массивную и обставленную рядом условий передачу

финансовых ресурсов нуждающимся государствам. Разумеется, ЕС изначально проводил политику, направленную на сокращение разрыва в доходах и благосостоянии между государствами-членами. Европейские структурные и инвестиционные фонды (ЕСИФ) непосредственно занимаются оказанием поддержки наиболее бедным государствам-членам, направляя средства на развитие их инфраструктуры, здравоохранения, преодоление безработицы и почти ничего не требуя взамен. В настоящее время в состав этих фондов входят Европейский фонд регионального развития, Европейский социальный фонд, Фонд сплочения ЕС, Европейский сельскохозяйственный фонд и Европейский морской и рыбный фонд. Их средства преимущественно направляются в страны, где валовой национальный доход на одного жителя составляет менее определенного процента (этот показатель варьирует между 70 и 80%) от среднего по ЕС. Иначе говоря, реципиентами выступают Болгария, Хорватия, Кипр, Чехия, Эстония, Греция, Венгрия, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Португалия, Румыния, Словакия и Словения. Некоторый объем средств поступает в регионы в границах других, более богатых государств-членов, где также обнаруживается разрыв в доходах, например на юг Испании или на юг Италии.

Но в данном случае мы имеем в виду не просто передачу денег, осуществляемую в рамках территориальной солидарности; мы говорим о мерах финансовой помощи или спасении экономики, предпринятых во время финансового кризиса. Три государства, включая Грецию, Португалию и Ирландию, получили такую помощь в 2011 году, а затем в этот список попал и Кипр. Еще одно государство, Испания, не став объектом оказания подобной помощи напрямую, получило миллиарды евро на спасение своей банковской системы.

Во всех упомянутых случаях деньги поступали не от ЕС, а из бюджетов отдельных государств — членов ЕС, входящих в зону евро: прежде всего от таких богатых стран, как Германия, Нидерланды, Австрия, Франция, Бельгия, Финляндия. Этот кризис и финансовые меры по его преодолению привели к возникновению первого за всю историю европейской интеграции серьезного конфликта, для разрешения которого, по-видимому, не существует ни адекватного механизма, ни правовой основы. Это обстоятельство следует иметь в виду.

Государства-члены получили финансовую помощь, недоступную для них на открытых финансовых рынках, при условии ограничения их свободы определять собственную экономическую политику. Таково было требование «жесткой экономии», к которому мы еще вернемся ниже. Техническим инструментом проведения политики «жесткой экономии» стал Меморандум о взаимопонимании, фактически навязанный спасенным странам так называемой тройкой в составе Европейской комиссии, Европейского центрального банка и МВФ. Подобные меморандумы обычно предусматривают сокращение государственных расходов (в основном социальных) в обмен на финансовую помощь, предоставляемую спасаемым странам. В странах, ставших объектами помощи, растет недовольство политикой «жесткой экономии» и внешним давлением в целом, влекущими за собой падение уровня жизни. Кроме того, в них, как ни парадоксально, наблюдается все более негативное отношение к Германии, которую считают «экономическим полицейским» Европы — и это вопреки тому, что немцы оплачивают значительную часть повседневных расходов государств, страдающих от кризиса. Впрочем, как бы то ни было, большинство все же соглашается с тем, что любое другое решение проблемы было бы,

вероятно, еще хуже. В частности, тонущие страны можно было бы предоставить самим себе, оставив их без европейской помощи; но это обернулось бы их отказом от евро, дефолтом и в конце концов банкротством. Нечто подобное произошло в Аргентине в 2001 году и в Исландии после краха ее банковской системы в 2008–2011 годах.

В государствах, оказывающих помощь, также растет недовольство. Многие опасаются, что политическая стабильность рухнет под гнетом принятых обязательств. Есть также тревога по поводу того, что ЕС перестанет быть международной организацией, где каждое государство проводит самостоятельную бюджетную политику, и превратится в федерацию, в которой доходы и расходы государств-членов станут общими. Ведь если рассуждать просто, то, оказывая помощь, немецкие, голландские, французские налогоплательщики восполняют дефицит бюджетов и социальных программ в Греции, Португалии, Ирландии и на Кипре, а также поддерживают банковскую систему в Испании. Рассматривая эту проблему сугубо юридически, некоторые эксперты вообще считают, что Конституция ФРГ не допускает такого положения вещей: подробнее об этом будет сказано ниже. Здесь есть и другой парадокс: главными держателями греческих облигаций выступают немецкие и французские банки, а это означает, что, не спаси ЕС Грецию, их финансовые потери были бы велики. Таким образом, страны-доноры, подобные Германии, тоже выигрывают, хотя и косвенно, благодаря деньгам, которые идут на спасение других стран и банков.

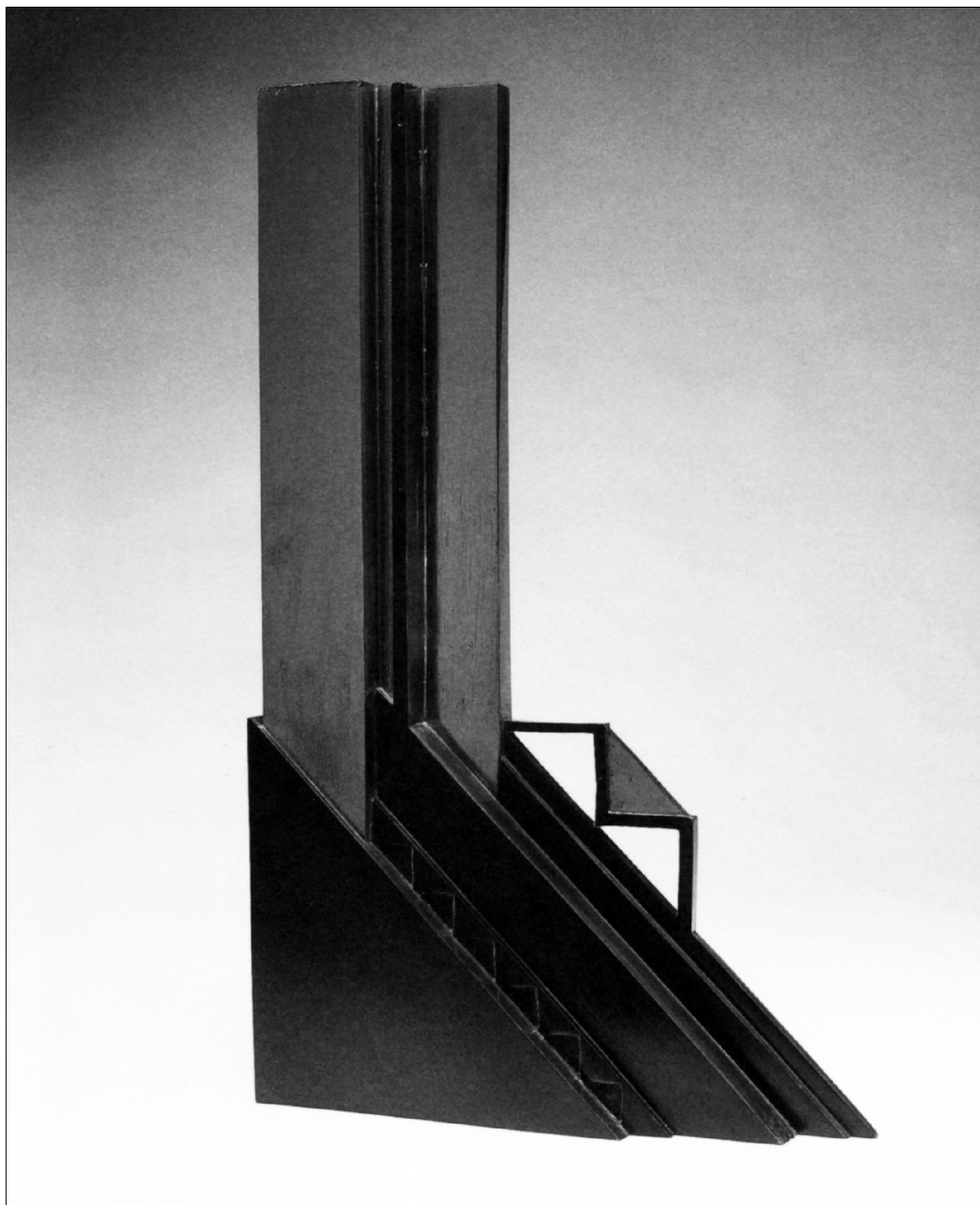
Завершая этот анализ, следует высказать две идеи. Во-первых, нынешний кризис отличается от циклических экономических кризисов, которые всегда сопутствовали развитию капитализма и о которых сто лет назад писали Кондратьев или

Шумпетер. По-видимому, в настоящее время противостоянию конкурирующих экономических теорий и политик приходит конец, а на смену ему идет новое, единое понимание (*pensée unique*) сущности экономики, власти, общества. Для кейнсианства в современной Европе, похоже, не осталось места.

Во-вторых, в нынешней парадигме евро кризис не имеет очевидного исхода. Евро был беспрецедентным экспериментом, имевшим целый ряд положительных последствий. Видные экономисты, лауреаты Нобелевской премии (Кругман, Стиглиц, Тобин) считают, что евро был хорош в теории как символическое выражение идеи продвижения и ускорения экономической интеграции в Европе, но пути воплощения этой идеи в жизнь были определены неверно, поскольку для ее успешной реализации необходима налоговая и финансовая интеграция. Также объектом критических замечаний стали меры «жесткой экономии», чреватые, как полагают некоторые, экономическим самоубийством. Вероятно, сокращение государственных расходов и снижение покупательной способности значительной части населения могут сокращать дефицит и задолженность, но одновременно такие меры серьезно ограничивают или вовсе блокируют экономический рост, особенно когда учетные ставки близки к нулю. Критически настроенные экономисты сходятся в том, что идея евро как системообразующего элемента изначально была истоком серьезных проблем, поскольку предполагала интеграцию на основе общей валюты, а не фискальную, налоговую или бюджетную интеграцию. Экономическая логика была принесена в жертву политическому идеалу интегрированной Европы, обладающей единой валютой и не знающей таможенных и государственных границ. Практика, однако, показала, что евро может быть полезным только в условиях

экономического роста и отсутствия дефицита, но не в период рецессии и кризиса. Согласно этой точке зрения, которая кажется нам правильной, евро способен работать лишь при соблюдении бюджетной дисциплины, характерной, например, для стран Северной Европы — Швеции, Дании и Норвегии, которые, не входя в еврозону, продолжают развивать свою экономику и во время кризиса. Но единая валюта явно пробуксовывает при наличии в еврозоне бедных стран с неустойчивой экономикой, огромным дефицитом, долгами и высоким уровнем коррупции. Мы говорим об Испании, Италии, Португалии и Греции, где в 2009 году правительство фальсифицировало официальную статистику.

Как можно решить эту проблему? Мы уже говорили, что оказание финансовой помощи странам зоны евро (или их банкам, как в Испании) было самым простым решением, хотя нет никакой уверенности в том, что в конечном итоге этот способ действительно сработает. Ведь Греция никогда не сможет вернуть долг, а Испания, вероятно, никогда не сможет расплатиться по кредитам своих банков. Но другой гипотетический вариант, а именно выход из зоны евро, стал бы политической катастрофой. Такова точка зрения большинства экономистов, поддерживающих евроинтеграцию. В опубликованной в 2016 году книге «Евро: как общая валюта угрожает будущему Европы» Стиглиц неодобрительно высказывается о том, каким образом ЕС вышел из кризиса. Одновременно он предлагает рассмотреть иную траекторию выхода, которая, возможно, с экономической точки зрения более ортодоксальна — дать евро умереть ради спасения ЕС или по крайней мере позволить некоторым государствам, получавшим помощь, временно отказаться от евро, девальвировать свою валюту и попытаться начать все с нуля.

Джон Сторрс. Форма в пространстве. 1924

Мы имеем дело не только с экономическим кризисом или кризисом бюджетной системы. Это также глубочайший институциональный и правовой кризис. Он ставит под сомнение проект политической интеграции Европы. Далее мы обратимся к рассмотрению того, как на ослабление конституционности антикризис-

ных мер отреагировало право ЕС. (Под конституционностью мы подразумеваем юридическое соответствие мер, принятых Европейским центральным банком (ЕЦБ), договорам ЕС, которые выполняют роль конституции, обязательной как для властей самого союза, так и для государств-членов.)

2.5. Конституционные проблемы кризиса: решение по делу ЕЦБ

Итак, рассмотрим случай, весьма показательный в плане той реакции, с какой правовая система ЕС откликается на экономический кризис. Пытаясь преодолеть последствия кризиса в некоторых странах еврозоны, ЕС решил принять так называемые особые меры, не предусмотренные или не урегулированные ни договорами ЕС, ни статутом ЕЦБ. Бесспорно, причиной для этого послужила неэффективность европейской валюты в ситуации финансового кризиса, о чем мы уже говорили. Поэтому, когда в 2012 году ЕС вошел в зону финансовой турбулентности, президент ЕЦБ Драги заявил на пресс-конференции, что его банк сделает «все возможное для сохранения евро» (хотя стоит отметить, что разработанная с этой целью программа «Прямые денежные операции» на практике так никогда и не применялась). Примерно в то же время ЕС разработал и ввел в действие программу ЕЦБ, предполагавшую массивную скупку облигаций государств, испытывающих трудности. Приобретая такие облигации на вторичном рынке (обратим внимание на то, что этот факт исключительно важен; мы вернемся к нему позднее), ЕС мог бы предоставлять займы таким странам, как Греция, Ирландия и Португалия (а позже Испания и Италия), практически потерявшим кредитоспособность. Процент доходности подобных облигаций рос настолько стремительно, что вскоре наступил момент, когда выпустившие их государства уже не могли получать под них займы и тем более покрывать процентные платежи. Лишаясь доступа к активам, они попадали под угрозу дефолта, что в конечном итоге было чревато отказом от евро.

Избегая излишних подробностей, отметим, что в 2014 году некоторые гражда-

не и политики Германии решили оспорить программу, разработанную ЕЦБ. Их претензии рассмотрел Конституционный суд ФРГ. Истцы заявили, что ЕЦБ превысил свои полномочия, создав программу, которая была инструментом экономической, а не денежной политики. Сутью проблемы было распределение полномочий в рамках ЕС: экономическая политика на тот момент по-прежнему оставалась прерогативой государств-членов, а следовательно, ЕЦБ, принимающий и реализующий подобные меры, вмешивается, как они полагали, во внутренние дела Германии. Заявители также утверждали, что программа ЕЦБ нарушает запрет денежного финансирования (статья 123 Договора о ЕС запрещает ЕЦБ напрямую приобретать государственные облигации государств-членов). Суд согласился с заявителями и признал программу ЕЦБ противоречащей Договору и нарушающей распределение полномочий между Германией и ЕС. Но, поскольку программа принималась на уровне ЕС, возможность ее отмены была вне юрисдикции немецких судей, вследствие чего дело было передано для предварительного урегулирования в Европейский суд.

Впервые после своего учреждения в 1951 году Конституционный суд ФРГ воспользовался правом передать дело в Европейский суд, что свидетельствовало о серьезности сложившейся ситуации. Механизм сохранения евро, выработанный ЕС, оказался под угрозой. Если бы Европейский суд признал программу ЕЦБ незаконной или ограничил бы ее исполнение, процесс посткризисного восстановления был бы подорван. Несомненно, Европейский суд осознавал, что решение, поддерживающее позицию Конституционного суда Германии, фактически аннулирует программу ЕЦБ, а это, скорее всего, создаст для ЕС огром-

ные трудности, поскольку союз лишится инструмента для финансирования бедствующих стран. По мнению некоторых аналитиков, такое решение стало бы для евро смертным приговором. Важным было и то обстоятельство, что в Европейский суд дело поступило из Конституционного суда Германии — страны, считающейся лидером (и главным инвестором) ЕС.

После того как генеральный прокурор Германии, с некоторыми ограничениями, подтвердил законность программы, в июне 2015 года Европейский суд вынес свое решение. Он поддержал позицию прокурора и, как ожидалось, оставил банковскую программу в силе. По мнению Европейского суда, покупка облигаций на вторичном рынке есть не экономическая, а денежная политика, которая покрывается полномочиями и мандатом ЕЦБ. Договор запрещает ЕЦБ покупку облигаций государств-членов напрямую, а не на вторичном рынке (то есть у держателей, которые ранее купили их у самих государств-членов). Таким образом, Европейский суд, хотя и с некоторыми оговорками, признал, что программа не нарушает законодательство ЕС. Решение было тщательно проработано и совершенно с технической точки зрения, хотя, по сути, покупка ЕЦБ облигаций (либо напрямую, либо на вторичном рынке) остается все же мерой именно экономической (а не только денежной) политики, направленной на спасение евро. Ее целью выступает смягчение некоторых изъянов структуры валютного союза. Эта цель может быть достигнута через покупку облигаций как напрямую, так и на вторичном рынке. По нашему мнению, программа ЕЦБ предполагала игнорирование запрета на прямое приобретение облигаций, предусмотренного статьей 123 Договора, но с точки зрения практических последствий

между покупкой облигаций на первичном рынке или на вторичном рынке не было никакой разницы. Европейский суд, действуя рационально в ситуации серьезного внешнего давления, решил закрыть глаза на факт нарушения запрета и ограничился формальной, легалистской аргументацией.

Процесс решения по делу законности покупки ЕЦБ активов показывает, что валютный союз имел и имеет огромные недостатки, которые можно устранить, лишь вольно трактуя законодательство ЕС. Как мы уже говорили, одна из особенностей еврозоны и валютного союза состоит в том, что юридические и финансовые основания ЕС практически не дают Европейской комиссии, Европейскому совету, Европейскому суду инструментов для борьбы с экономическим кризисом. Рассмотренное судебное решение также подтверждает, что евро выступает для лидеров ЕС абсолютным приоритетом, а именно это и критикуется Стиглицем и Кругманом. Решение по делу ЕЦБ также напоминает о том, что реализуемые сценарии фискальной и бюджетной интеграции могут быть поставлены под сомнение судами государств — членом союза. С момента ратификации Маастрихтского договора в 1993 году Конституционный суд Германии неоднократно предупреждал о том, что Конституция ФРГ не позволяет передавать суверенитет в большем объеме ЕС, стремящемуся обрести федеративную форму. А в 2017 году Конституционный суд Германии направил в Европейского суд запрос о вынесении предварительного постановления по некоторым другим аспектам европейского стабилизационного механизма.

[Продолжение следует]

*Перевод с английского
Екатерины Захаровой*

О парадоксе нордического социального контракта: радикальный индивидуализм и социальное доверие

*Ларс Трæгерд,
профессор истории
Университетского колледжа
Ersta Sköndal,
Стокгольм*

Швеция — страна, во многом определяющаяся социальными ценностями, и прежде всего доверием, и одновременно исключительно высоким индивидуализмом, подчеркивающим автономность, независимость каждого шведа. Поэтому не случайно говорят о так называемом шведском общественном договоре или социальном контракте. Или шведской, скандинавской модели. Сегодня вообще все страны хотят видеть себя исключительными. Это такой новый обертон национализма и патриотизма. Рассмотрим парадокс шведской исключительности.

Специфичность шведского опыта состоит в очевидном индивидуализме, в характере взаимоотношений между государством и гражданином. У шведов положительное восприятие своего государства и достаточно высокий уровень доверия к нему. Это результат взаимоотношений, в которых государству удалось стать другом маленького человека, живущего на этой географически небольшой территории, именуемой Швецией.

И вторая особенность — это, если угодно, шведская «теория любви». Не в том смысле, в котором это принято обычно представлять. Речь — о важности институтов и их легитимности в восприятии граждан. Например, Соединенные Штаты, которые склонны к экспансии демократии в мире, столкнулись не так давно с весьма неприятным сюрпризом. Оказалось, что в таких странах, как Ирак, понимание социальных отношений в том виде, как их понимают американцы, существенно отличается от привносимой модели, которую по определению нельзя экспортировать. Так же как и историческое своеобразие шведского опыта, а именно — определение некой точки равновесия или баланса между гражданами и государством. Речь в этом случае идет об отношениях добровольных, равноправных и основанных на автономии и независимости. Это идеальный тип взаимоотношений, к которому стремятся участники социального контракта.

Но их свобода, разумеется, не связана с идеей любви, поскольку любовь во многом основана на взаимозависимости. Ведь все мы так или иначе зависим скорее от семьи и здесь находим свою безопасность и спокойствие.

Нет сомнения, что доверие — одно из самых, если не самое важное нематериальное богатство, когда мы доверяем нашим институтам и людям. В Европе (и не только в Европе) уже давно проводятся опросы по доверию людям — знакомым и незнакомым. Это способ оценки человеческих качеств. Среди развитых стран демократии в Европе Великобритания находится на пятом месте с уровнем доверия порядка 35%. Во Франции 12%, в Польше 9%. И на этом фоне выделяются скандинавские страны и Голландия, где до 60–70% людей утверждают, что они доверяют другим людям. Швеция среди них на втором месте.

Почему нам так важно именно доверие? Я уже сказал, что доверие — невероятный актив, который консолидирует общество. Если вы верите людям, то в экономической, политической, социальной жизни вам не нужны механизмы против не заслуживающих доверия людей. В обществах высокого доверия гораздо меньше ресурсов и сил тратится на защиту от окружающих. Я 14 лет прожил в Америке. У меня была большая куча документов, прежде чем я получил ключи от собственности, на это ушло три месяца. В Швеции достаточно одной бумажки и, по сути, мгновенно происходит транзакция. То же самое и в политической жизни. В обществе с высоким доверием его положительные аспекты чувствуются во всех сферах жизни, в том числе и в способности быстро достигать компромиссов. Исследования показывают: в странах с низкой степенью доверия, как правило, высокая коррупция, и наоборот.

Итак, очевидно, что доверие обладает высокой социальной ценностью. Я думаю, большинство шведов очень комфортно себя чувствуют в атмосфере доверия. Наблюдая за Швецией со стороны, люди отмечают высокую способность шведов к сотрудничеству, компромиссу, способность ассоциировать свои личные интересы с общим благом.

Но в то же время шведы чрезвычайно высоко ценят самореализацию. Сравнительные показатели отношения людей в разных странах к базовым ценностям ясно отражают разницу между богатыми и бедными странами. Если в относительно бедных странах по понятным причинам люди прежде всего беспокоятся о доступе к чистой воде, к здравоохранению, образованию, о крыше над головой, то в Швеции и других европейских странах самая важная цель — самореализация. Некоторые считают это эгоцентризмом, однако стремление к индивидуальному успеху и его результатам становятся достоянием общества.

Рассмотрим еще два интересных индикатора, характеризующих и определяющих самоощущение людей в социуме, — так называемые традиционные ценности и светские ценности. Основу первых составляют интересы семьи, клана, религиозной или этнической группы, то есть ближайшего по отношению к индивиду круга людей.

Светские ценности основаны на рациональных принципах знания, просвещения, освобождения личности от схоластических представлений о мире, на идеях равенства, справедливого общественного устройства.

В массовом сознании США, например, предстают обычно индивидуалистической страной. Однако для американцев важны и традиционные ценности — семья, патриотизм, вера. Это сочетание традиционных и рационалистических ценностей, культура успеха и веры в высшие силы, индивидуализма и мессианства.

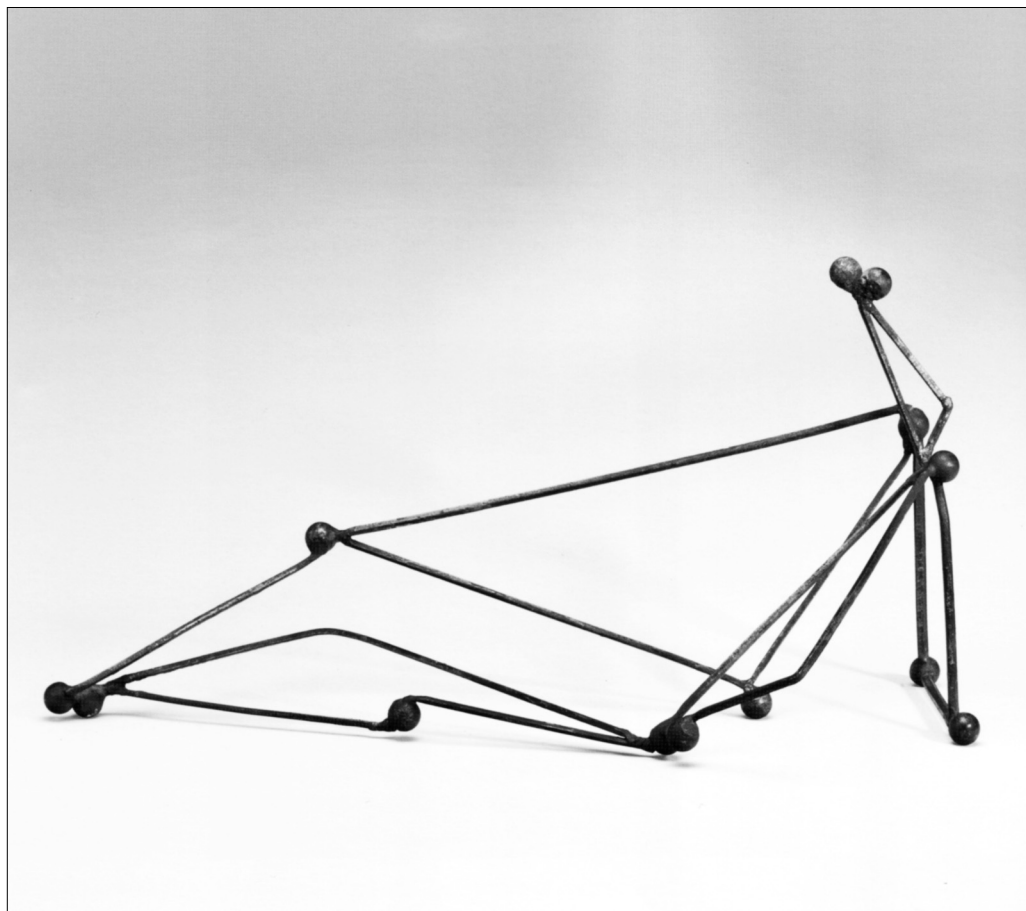
Иное дело Швеция, где доминируют индивидуальные ценности, высокая степень всеобщего доверия и значительна роль общественного договора.

Можно предположить, что в индивидуалистических обществах люди менее всего склонны к созданию хорошо функционирующего государства, где все стремятся к общественному благу, а не к удовлетворению частных интересов. Однако доверие — сложный феномен. В обществах, где господствуют традиционные ценности, сильнее выражено непосредственное доверие между людьми, принадлежащими к определенной группе, семье, клану. А генерализированное или обобщенное доверие (например, в Швеции) подобно окружности с очень большим радиусом, то есть охватывает практически все общество. И дает тем самым представление о том, каким образом может сочетаться высокий уровень социального доверия с характером личности.

Посмотрим на специфику социального поведения и правового регулирования общественных отношений на основе доверия в трех странах, которые я хорошо знаю и изучал, — в Швеции, Германии и США, которые иллюстрируют три разных типа взаимодействия внутри социального конструкта «государство — личность — семья — гражданское общество».

В Швеции, например, успешно работают связи между государством и индивидуумом. Что, в общем-то, для всего мира нетипично и необычно. Во многих странах люди вполне обоснованно подозрительно относятся к государству, так как его властные функции присвоили себе привилегированные элиты, совершенно коррумпированные и озабоченные только своими интересами. Считать, что государство полезно всему обществу в большинстве случаев наивно.

Важнейший аспект доверия граждан к государству — признание законности и легитимности налоговой системы. Шведы отдают в бюджет, вероятно, больше, чем в других странах — до 60–70% своих доходов. Это вполне осознанное одобрение обществом эффективного, справедливого социального договора. Граждане понимают, что высокое налогообложение позволяет государству инвестировать в человеческий капитал: образование, здравоохранение, широкий спектр соцобеспечения. Причем эти инвестиции касаются каждого гражданина — независимо от его социального статуса, это принципиально важно, однако не означает, что семья и гражданское общество утратили свое значение. Шведская семья изменилась и следует нормам свободного общества. Мужчины и женщины равноправны и могут в любой момент выйти из супружеского союза. Общественный договор позволяет гражданам в полной мере реализовать свои права, что особенно важно как раз для женщин, учитывая, что практически 50% всех браков заканчиваются разводами, и женщины должны быть социально защищены. При этом многие женщины работают, а не сидят дома.

Дэвид Смит. *Распростертая фигура*. 1939

Шведская модель социального поведения прослеживается также на примере отношения между разными поколениями. Если спросить пожилых людей в Швеции, что они предпочли бы в глубокой старости и с хрупким здоровьем — помощь государственных социальных институтов или своих взрослых детей, то большинство выбрало бы первое. Но не потому, что дети плохие. Отнюдь нет, все объясняется высоким доверием шведских стариков к государственным специализированным учреждениям, способным обеспечить комфорт и оказать медицинскую поддержку. Пожилые люди не отказываются от общения со своими близкими, но полностью зависеть от них не хотят.

В США совершенно иная модель взаимоотношений граждан и государства, которое воспринимается с большим подозрением. Индивидуальные права граждан зафиксированы в конституции. Но это скорее негативная категория прав и свобод, так как в конституции обозначены пределы вмешательства государства в жизнь семьи или частного сектора. Приоритетными являются связи личности с общественной средой, прежде всего с религиозными сообществами. Ведь в США из Европы бежали

люди от религиозного и политического преследования со стороны власти. Поэтому в Новом свете люди стремились к последовательному разделению государства и церкви, чтобы обеспечить автономию, независимость личности, которую она обретает в церкви и семье. В США семья — главная ячейка, главный институт общества.

Сопоставим Швецию и США в этом отношении. Например, первый вопрос в налоговой декларации США сформулирован так: являетесь ли вы главой домохозяйства? В Швеции такой вопрос даже вообразить невозможно. Если в Штатах вы говорите «да», то второй вопрос: сколько у вас иждивенцев? Скажем, это супруга и трое детей. Чем больше иждивенцев, тем меньше налог. В Швеции с 70-х годов таких вопросов даже не задают. Невообразимы такие определения как «глава семьи», «иждивенцы». Потому что не семья является основной ячейкой шведского общества, а личность, индивидум. Но вместе с тем и семья несет обязательства перед социальным обеспечением. От количества работающих в семье зависит наполнение бюджета. Поэтому женщина должна тоже зарабатывать.

В Германии другая модель отношений между государством, семьей и обществом. Здесь действует так называемая субсидиарная ответственность, которая начинается с нижнего уровня гражданского общества и семьи. В стране большой сектор неправительственных организаций, появившихся благодаря различным церковным общинам, в основном католическим и лютеранским. Со временем они выстроили крупные организации, которые предлагают сегодня самые разные услуги, начиная с ухода за пожилыми людьми.

А что касается семьи, в Германии традиционно ценятся семейные узы. Но проблема в том, что семья ассоциируется с матерью. Поэтому в Германии незначительный показатель участия женщин в трудовом рынке.

В Швеции семейный уклад несколько иной, чем в других европейских странах. У нас, например, принято активное добровольное участие мужчин в введении домашнего хозяйства, уходе за детьми. Это, конечно, другой тип семьи по сравнению с традиционным.

Шведские граждане в целом очень активно участвуют в добровольческой работе в различных организациях, а не индивидуально. Таким образом, часть общественных процессов институализирована через организации гражданского общества. Это могут быть и так называемые шведские правительственные комиссии, которых примерно 200 или 300. Они существуют уже несколько столетий, сопровождая развитие демократических институтов. Такие комиссии создаются для решения конкретных вопросов, которые ставятся тем или иным ведомством правительства. В таких комиссиях участвуют представители различных политических партий, экспертных групп, вузов, научно-исследовательских институтов, академий, то есть самый широкий спектр людей. Цель комиссии — достичь согласия по каким-либо нормативным или политическим аспектам, но, кроме того, еще и получить информацию, установить так называемую альтернативную правду, выяснить истинное положение вещей. Если комиссия добивается успеха, то она представляет то или иное предложение, которое может обрести форму закона решением риксдага (парламента).

По данным на 2009 год, примерно 50% (чуть более) взрослого населения Швеции участвовало в той или иной волонтерской работе, посвящая ей до 16 часов в месяц. Это может быть самая разная деятельность: от помощи пожилым до поддержки спортивной деятельности.

Массовое участие граждан в общественных процессах, эмансипационный характер шведского общества — это ассоциативная демократия и система государственного управления, основанная на стратегии регулирования общественных отношений, построенных на обоюдном доверии.

Еще одна интересная и важная особенность социальных прав в Швеции — вытеснение традиционной благотворительности. Как это понимать? Шведская модель всеобъемлющих социальных прав замещает филантропию богатых в результате применения в целом более высоких налогов и жесткой фискальной дисциплины. Однако стародавняя традиция филантропии и благотворительности не исчезла вовсе. Это связано главным образом с большим потоком мигрантов, в том числе из европейских стран, и возникновением значительной прослойки малообеспеченных людей, что, например, в Швеции несколько десятилетий назад было попросту немыслимо. Увеличение потока таких переселенцев, собственно, и повлекло изменение отношения общества к благотворительности: граждане не пытаются не забыть, что существуют действительно нуждающиеся люди, на которых не всегда распространяется социальная система.

Разговор о состоянии доверия в широком смысле было бы неправильно завершить, не заметив некоторого падения уровня доверия в Швеции по сравнению с другими скандинавскими странами. Это тревожный сигнал, отмеченный особенно среди молодых людей, в плане их доверия к институтам. Чем это можно объяснить?

Во-первых, это безработица. В Швеции исключительно эффективная экономика, но часть людей, имеющих образование, специальность не могут найти работу. Это в основном мигранты и переселенцы. А в стране, подобной Швеции, оказаться безработным означает драматическую ситуацию, потому что это негативно влияет на пенсионное обеспечение человека, уменьшает выплаты по страховке в случае болезни, сокращает декретный отпуск и так далее. Это ведет, к сожалению, к общему снижению качества жизни.

Второе и третье — это связанные с первым фактором растущее социальное неравенство и рост эмиграции.

Четвертое — это институциональное строительство. Речь идет, например, о том, как в XIX веке Швеция сумела создать национальное государство, объединив ряд обществ, когда мы, не зная друг друга, осознавали некую совместность и солидарность, ответственность. Например, в вопросах налогообложения и социальной сплоченности. Это стало возможным благодаря институтам, важнейший из которых, на мой взгляд, школы, где дети постигали общую историю, единую идею нарратива страны. Ныне школы становятся все более плюралистическими, средства информации фрагментируются благодаря Интернету, глобализация неизбежно вносит изменения в социальное поведение граждан на микро- и макроуровнях. Эти перемены, конечно, играют роль в изменении отношения граждан Швеции к своим институтам и к государству.

Мир в эпоху глобальности*

Людгер Кюнхардт,
директор Центра
исследований европейской
интеграции

«Глобальность» — следствие и в некотором смысле недостигнутая цель глобализации — повысила уровень общения и взаимодействия между жителями планеты. Никогда ранее люди не были настолько связаны друг с другом — напрямую или опосредованно: как производители и потребители «медиапродуктов» и средств коммуникации; как производители и потребители товаров и услуг; в качестве туристов и мигрантов; в качестве членов структурированного общества и членов стихийно возникающих сетевых сообществ. Развитие технологий обеспечило инструменты для объединения людей в масштабах, ранее в истории человечества невиданных. Усиление взаимодействия на личном уровне отразилось на организованных сферах финансовых рынков, промышленного производства и сетей дистрибуции, на образовании и индустрии развлечений, на мире политики и дипломатии. Сегодня никто не возьмется подсчитать число отправляемых в мире электронных писем, используемых транспортных средств, глобальных мероприятий и политических саммитов. При этом глобальность — это по-прежнему лишь мечта. Слишком многие из семи миллиардов жителей Земли живут в условиях крайней нищеты, без доступа к современным средствам гигиены, здравоохранению, продуктам питания, жилью и образованию; им нет места в мире смартфонов и Интернета. Слишком многие лишены работы, которая могла бы обеспечить достойную жизнь им и членам их семей. Слишком много таких, кто подвергается угнетению за свои убеждения, мнения или собственную идентичность. Слишком много людей остается в заключении или преследуется за инакомыслие и в результате борьбу за власть. Слишком многие спасаются бегством от гнета и унижения.

* Ludger Kühnhardt. *The Global Society and Its Enemies. Liberal Order Beyond the Third World.* — Springer International Publishing AG, 2017. — P. 1–6.

Глобальность не завершена и как политический проект. Отсутствует надежно функционирующий механизм глобального управления. Отсутствует мировое сообщество, которое могло бы установить правила и нормативы мирового правительства. Глобальность остается принципом личного и коллективного взаимодействия, не достигающего уровня обязательных правил и всеобщего, узаконенного порядка. Во многих регионах мира свобода человека больше ассоциируется с анархией, чем с законопорядком. А ответственность остается условной — зависящей от предпочтений, а не от обязательств. Исключения лишь подтверждают правило. Глобальное общество — проект не завершённый, а нечто, существующее под этим названием, постоянно подвергается критике.

Оно подвергается нападкам со стороны отвергнутых, оставшихся на обочине глобализации. Оно подвергается нападкам со стороны тех, кто намерен пересмотреть и те немногие правила, которые удалось установить. Оно подвергается нападкам со стороны врагов. Такими врагами могут выступать отдельные граждане, преследующие порочные или корыстные цели, пагубные для других. Такими врагами могут быть организованные группы, угрожающие взаимодействию между людьми или функционированию коллективных структур во всех сферах жизнедеятельности. Врагами могут быть политические организации или группы с политическими амбициями. Врагами глобального общества могут быть также идеи, идеологии и теории, противоположные тем, которые согласованы между цивилизациями и внутри них. Врагами глобального общества могут быть действия или бездействие тех, кому как раз и следовало реализовать свои способности. Мир незавершённой глобальности опаснее и неопределеннее, чем мир во время холодной войны. После двух миро-

вых войн не было более сложной проблемы, чем восстановление порядка в случае его разрушения или сохранение порядка, оказавшегося под угрозой.

В этих строках мы попытались затронуть некоторые из проблем, чрезвычайно важных для будущего человечества. Для решения необходимо их глубокое и дифференцированное осмысление. К ним необходимо относиться с пристальным вниманием и убедительной аргументацией. Данная работа предлагает пищу для размышлений.

В период с 1938 по 1943 год философ Карл Поппер написал свой главный труд: «Открытое общество и его враги». В то время Поппер, уроженец Австрии, преподавал в Кентерберийском университете в Крайстчёрче (Новая Зеландия). Он бежал от ужасов европейских тоталитарных режимов. Поппер написал важное философское сочинение о различии между закрытым обществом, основанном на племенных формах жизни («трибалистским» обществом), как он это называл, и открытым обществом, полным неопределенности, но при этом обеспечивающим наилучшую из возможных основ для зарождения чувства собственного достоинства. Он начал писать работу в то самое время, когда в марте 1938 года в Крайстчёрче его настигли известия о немецкой оккупации его родной Австрии. После завершения рукописи Попперу пришлось ждать более двух лет до публикации книги в 1945 году, когда у него появилась возможность вернуться из изгнания в Европу. Поппер увлекся идеей о том, что человечеству следует найти достойные способы перехода «от племенного строя к гуманизму»¹. За такой переход придется заплатить определенную цену, и всё же он более предпочтителен, чем любая другая альтернатива: «Мы можем вернуться в животное состояние. Однако если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь — путь в открытое

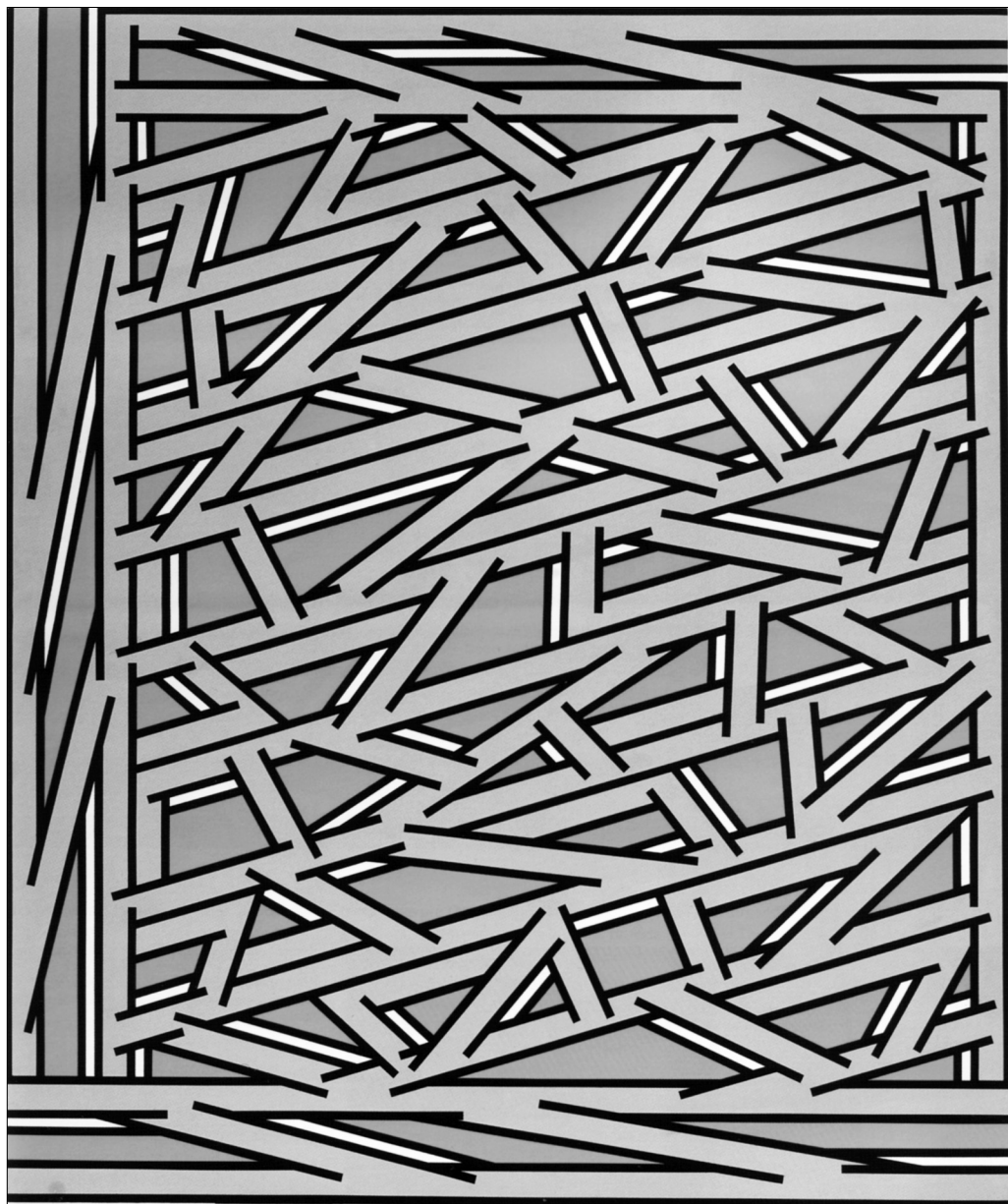
общество. Мы должны двигаться, преодолевать неизвестность, неопределенность и опасность, используя наш разум, чтобы планировать, насколько возможно, нашу безопасность и одновременно нашу свободу»².

По прошествии восьми десятилетий после публикации книги Поппера мир стал совершенно иным. Но главный аргумент его книги по-прежнему интересен: современных Попперу врагов открытого общества сменили сегодняшние враги общества глобального. Карл Поппер предложил свое толкование учений главных философов, которых он считал предтечами тоталитаризма XX века: Платона, Гегеля и Маркса. Он выявил наиболее убедительные теории, на основе которых ложные социальные идеи удалось трансформировать в действенные тоталитарные идеологии: историцизм и племенное мировоззрение. Суть последних в том, что существуют законы истории и что племенная принадлежность может превалировать над социальным многообразием. Книга Карла Поппера стала призывом к плюрализму и примером интеллектуальной открытости. Его теория научного рационализма подразумевала возможность подвергать критике любую теорию или гипотезу. Поппер стремился к интеллектуальному плюрализму и конкуренции идей, а не к закрытым для критики измышлениям и изоляции. Таков был его рецепт выживания человеческой цивилизации в середине XX века. Труд Поппера, вне всяких сомнений, стал лучшей отправной точкой для размышлений о глобальном обществе и его противниках в XXI веке.

Чешский драматург, правозащитник и государственный деятель Вацлав Гавел, своеобразно переосмыслив работу Карла Поппера, назвал «нетерпеливость ума и разнообразие мыслительных связей» самыми большими недостатками интеллектуалов³. Одновременно он выразил солидарность со многими интеллектуала-

ми, которые «подметили более широкий контекст явлений, увидели мир в глобальном измерении, осознали мистическую природу глобальности и почтительно признали ее». «Взросшее чувство ответственности перед миром, — говорил Гавел в лекции, прочитанной в 1995 году в Веллингтоне, — не позволило таким интеллектуалам примкнуть к какой-либо идеологии, но побудило их примкнуть к идеалам человечности, человеческого достоинства и будущего человечества. Такие интеллектуалы выстраивают солидарность между людьми. Они культивируют терпимость, противостоят злу и насилию, отстаивают права человека и утверждают их неделимость»⁴. Чем это не отправная точка для новых и весьма актуальных размышлений об открытом обществе как о глобальном обществе и о его врагах? Гавел был убежден в целесообразности такого подхода, он считал его необходимым и ответственным.

Проблемы, стоящие перед цивилизацией в XXI веке, сильно отличаются от проблем, с которыми Поппер и его поколение столкнулись в середине XX века. Но во всем мире люди ощущают эпохальный сдвиг, а атмосфера не слишком отличается от атмосферы середины XX века. Знаменитые строки ирландского поэта и драматурга Йейтса — «Что было цельным, рушится на части» — написаны на Пасху 1916 года. В стихотворении «Второе пришествие» Йейтс выразил чувство отчаяния и безнадежности от бесконечной и непрерывной войны, «Великой войны» (Первой мировой. — *Ред*). В настоящее время вершится третья мировая война, многими пока незамеченная и, более того, недоизученная теми, кто обычно определяет и формирует на Западе интеллектуальный дискурс. Вместо этого широко обсуждается «закат Запада» и «восход» остального мира, особенно в связи с возвышением Китая. Но для осмысления происходя-

Николас Крушеник. Без названия. 1977

шего в мире в первой половине XXI века необходимо нечто большее, чем капитуляция перед фатализмом Шпенглера⁵ или эстетикой упадка Гиббона⁶. В последние десятилетия число игроков на мировой арене возросло экспоненциально, круг проблем, вызывающих глобальный резонанс, расширился как никогда

ранее, а взаимозависимость между игроками и факторами нельзя свести к какому-либо простому уравнению или соотношению. Нет такой теории, которая описывала бы всю сложность мира в XXI веке.

Распад Советского Союза, явное сокращение абсолютной власти Соединенных

Штатов, возвышение Китая и возникновение новых глобальных проблем, таких как изменение климата, — явления по большей части непредвиденные. Несмотря на важность этих явлений, новыми их назвать сложно. В конце эссе я несколько провокационно предполагаю, что эти знаковые события и тенденции представляют собой видоизменения сюжетов, хорошо известных из социальной и политической истории: они отображают смену власти, возникновение новых ключевых факторов, крах империй и усилия по их воссозданию, а также свидетельствуют о появлении новых сюжетов глобального масштаба. По сути, эти явления не так новы, как часто полагают. Новым можно считать только контекст, в котором эти явления развиваются, и этот контекст — глобальность. С возникновением более чем сотни новых государств на «глобальном Юге» глобальность обрела политическое выражение. Влияние деколонизации бывших империй на мир окажется сильнее, чем последствия холодной войны. Противоречия в мире усиливаются вследствие происходящего сегодня устранения постколониальных структур и нарушения стабильности. Проблемы самоидентификации ассоциируются с борьбой за государственную субъектность. Беспрецедентные миграционные потоки и нарастание конфликтов — всего лишь симптомы незавершенной, по сути, глобализации, вскрывшей проблемы идентичности всевозможных типов и степеней сложности, рациональное разрешение которых практически неподвластно человеческому разуму. Проблемы идентичности, связанные с переоценкой и переформатированием ценностей, раздирают общества сильнее, чем когда-либо в современной истории, и происходит это во всем мире: на Севере не менее чем на Юге, на бывшем Востоке и на старом Западе. Отдаленные

последствия деколонизации грозят стать реальными отголосками XX века и перестроением ценностей. С последствиями деколонизации по значимости может сравниться другое политическое событие XXI века — образование Евросоюза, ставшего еще одним детищем антиимпериализма в самом сердце Запада. При этом нынешняя ситуация весьма парадоксальна: две самые передовые тенденции в политике XX столетия — деколонизация и европейская интеграция — оказались под сильнейшим давлением незавершенной глобализации и возврата фактора идентичности. Затянувшуюся неопределенность вокруг множества стран глобального Юга и будущее Европейского союза связывает отнюдь не случайное совпадение. И в то же время их можно считать предвестниками эпохи глобализма.

Мир воспринимается как единое целое, словно фотография, сделанная из космоса. Но в дополнение к физической сущности процесса глобальность предполагает взаимозависимость населяющих планету людей. Жить и мыслить в этом мире в одиночку невозможно. Построение глобальности требует признания глобального ракурса в качестве отправной точки для любого взаимодействия с миром и проблемами общества.

Однако это именно отправная точка, но не решение. Отправная точка означает методологический подход, зависимую переменную в наших размышлениях о глобальных тенденциях. Глобальность не обеспечивает нас достоверными знаниями и соответствующими нашим интересам выводами. Но при этом глобальность, если мы примем этот термин и его основополагающую сущность, может обострить наш разум. Глобальность заставляет нас задуматься о приоритетных и второстепенных задачах. Вынуждает нас задаться вопросом: на какие события или тенденции мы можем

влиять, а на какие — нет. Заставляет нас задуматься о том, кто действует, как, когда и почему. Глобальность ставит перед нами невероятно трудный вопрос о том, какие проблемы или аспекты современной жизни более значимы при формировании мира XXI века. Глобальный поворот открывает двери для нетривиальных размышлений о концепциях, символах и основополагающих идеях.

Не лишним будет вспомнить контекст, в котором написана книга Карла Поппера «Открытое общество и его враги». Для автора создание книги было его «вкладом в победу на войне»⁷, как не без доли юмора он написал в автобиографии. Он ясно осознавал свою ответственность как философа: «Теории всегда нужно обсуждать применительно к проблемам, которые они призваны решить»⁸. Так он и мыслил установку во время работы над книгой «Открытое общество и его враги». Нам известна обстановка после Второй мировой войны, в которой книга была прочитана, и атмосфера, в которой она заслужила наибольшее уважение. Карл Поппер хотел объяснить важнейшие интеллектуальные искания, которые, подвергшись множеству преобразований, привели со временем к возникновению тоталитарной идеологии и в конечном итоге к возникновению тоталитарных систем правления и власти, с которыми философ столкнулся в своей собственной жизни. Он свел коммунизм и национал-социализм к самой сути этих идеологий: к националистическому мировоззрению. И он противопоставил им центральную идею, которая по сей день остается основополагающей для либеральной демократии, которая опирается на открытое общество и призвана его защищать. Открытое общество отстаивает достоинство личности в условиях плюрализма убеждений, мыслей и свободы самовыражения. Книга

Поппера была окончена в период завершения Второй мировой войны. Интеллектуальная жажда объяснить мир была в те годы столь же велика, как и потребность в его восстановлении. Несмотря на это, интеллектуальные усилия выходили далеко за пределы прагматического реформирования мира, пережившего хаос и разрушения и сразу же оказавшегося разделенным на западную демократию и советский лагерь, на Запад и Восток, на демократию и диктатуру. Возникло множество новых тенденций, но господствующей реальностью последующих десятилетий стали холодная война и соответствовавшая этому состоянию дихотомия: разделение политического пространства на Запад и Восток, на демократию и диктатуру. Поппер объяснил мир, разрушенный силами, которые привели ко Второй мировой войне, и до его восстановления, начавшегося в 1990 году. Поппер был уверен, что значение и толкование слова «свобода» всегда будут оставаться актуальными, поскольку свобода представляет наиболее фундаментальный из запросов человечества. Поппер предложил философскую сущность и перспективу, связанную с глубинным желанием озабоченных сограждан понять, почему исчез старый мир и что потребуется для создания нового. Новый мировой порядок с недостатками, противоречиями и неопределенностями, каким он виделся Попперу, мог стать приемлемым только в том случае, если он основан на либеральном, открытом обществе.

За восемь прошедших после окончания книги десятилетий Запад потерял уверенность в безальтернативности такого будущего. Западная концепция либеральной демократии подвергается давлению, интеллектуальному и политическому, в том числе изнутри либерального мира: останутся ли Соединенные Штаты при президенте Трампе краеугольным

камнем либерального международного порядка? Удастся ли Европейскому союзу преодолеть самый тяжелый за последние шестьдесят лет кризис? Помимо этого, усилилось внешнее давление на Запад: новые развивающиеся экономики, которые предпочли альтернативные концепции внутриполитического устройства и сделали выбор в пользу авторитарного правления, также пытаются трансформировать параметры международного порядка: пока Китай стремится к пересмотру международного порядка «у себя дома», Россия, похоже, бросает международному порядку принципиальный вызов. Возникшие на обломках империй и несостоявшиеся государства подорвали веру в экспоненциальный прогресс человечества и убежденность в справедливости социальных и политических реалий. Асимметричные боевые действия и, что еще важнее, терроризм поставили в тупик политтехнологов и укоренили во многих гражданах чувство страха и незащищенности. Насилие порождает не только ответное насилие, но еще и попытки его оправдания и ответные оправдания. В определенных кругах царит чрезмерный оптимизм: некоторые поборники теории ком-

муникации утверждают (называя это «коэффициентом злого мира»), что способ освещения насилия средствами массовой информации заставляет нас ошибочно полагать, что мы живем в мире более жестоком, чем он есть на самом деле⁹. Другие разделяют мнение психолога Стивена Пинкера о том, что сегодняшний мир более безмятежен, чем когда-либо прежде¹⁰. Но глобальность — это не только насилие или его отсутствие. Глобальность подразумевает также ненасильственную смену парадигмы идей, мягкую или жесткую силу, навыки общения и зарождающиеся сообщества. Обычно глобальность также подразумевает некие суждения и формы восприятия — каковые тоже имеют объективное существование. Обобщая вышеизложенное, полагаю, что будущее глобальности определяется чрезвычайно сложными переменными и тенденциями. Важнейшей задачей остаются поиск ключевых факторов и разработка схемы их действия, всесторонний научный анализ указанного круга проблем.

*Перевод с английского
Давида Можарова*

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Popper, K. The open society and its enemies. London: Routledge. 2002. P. 165.
- 2 Ibid. P.189.
- 3 Havel, V. The open society and its enemies in the contemporary global world. In Popper, K.
- 4 Ibid. P. XV.
- 5 Spengler, O. The decline of the West. Oxford University Press, 1991.
- 6 Gibbons, E. The history of the decline and fall of the Roman empire (vol. 6). London: Penguin. 2000.
- 7 Popper, K. Unended quest. An intellectual biography. London: Routledge. 2002. P. 131.
- 8 Ibid. P. 213.
- 9 Термин введен теоретиком коммуникации Дж. Гербнером. См.: Gerbner, G. Against the mainstream. The selected works of George Gerbner. New York: Peter Lang. 2002.
- 10 Pinker, S. The better angels of our nature. Why violence has declined. New York: Viking Books. 2011.

Александр Согомов,
академический директор
Центра социологического и
политологического
образования
Института социологии РАН

Гражданское образование в контекстах мировой истории

Контекст 6: «конструирование гражданина» при тоталитарных режимах*

Никакой пользы не принесут самые полезные законы... если граждане не будут приучены к государственному порядку и в духе его воспитаны, а именно если законы государства демократического — в духе демократии, если олигархического — в духе олигархии...

Аристотель. Политика. 1310

Теорема гражданского образования Аристотеля, как кажется, предельно проста. Приемлемыми могут быть разные социальные модели государственного порядка, но все они будут в той или иной степени отличаться от «идеального» устройства. И поэтому обречены на саморазрушение, если государства не ставят перед собой цель, а Аристотель считал именно это важнейшей политической задачей — воспитание граждан *в духе своей конституции*, то есть в духе, адекватном социокультурному и политическому началам. Конфликта общественного устройства и модели гражданского образования быть не должно. По Аристотелю выходит, что нет и в принципе не может быть универсальной схемы гражданского образования. Ведь каждый режим воспитывает своих граждан на свой лад и в своих интересах. А тех, кто не соблюдает этого правила, неизбежно ждет крах. Впрочем, Аристотель полагал, что историческое время не динамично и вряд ли граждане когда-либо возжелают сами установить общественный контроль как над государственным порядком, так и над его образовательными системами. Пожалуй, в этом праотец современной теории гражданского воспитания ошибался. Хотя не будем спешить с оценками, ибо когда мы рассматриваем контексты тоталитарных режимов, то нель-

* Продолжение. Начало см. В № 2–3 (68) 2015; № 4 (69) 2015; № 1–2 (70) 2016. Окончание в № 1–2 (74) 2018.

зя не отдать должное гениальному философскому чутью Стагирита (Аристотель родился в городе Стагир в Македонии. — *Прим. ред.*). Власти тоталитарных государств, очевидно, сами того не подозревая, поступали строго в соответствии с воспитательной теоремой Аристотеля, создавая удивительно похожие друг на друга модели гражданского образования — нередко весьма притягательные для всего человечества пафосом эгалитаризма, но совершенно неприемлемые этосом принудительной индоктринации и насилия.

Методологическое вступление

Сегодня, как никогда ранее, актуальна исследовательская задача вникнуть в громадную тему процесса «конструирования гражданина» в разных по культурным традициям, но очень схожих по существу, тоталитарных странах. Особенно при рассмотрении опыта стран, которым либо власти не позволяют, либо им самим по-прежнему не удается стать «гражданскими нациями». Для этого хотя бы широкими мазками обрисуем, как сложились и функционировали гражданско-воспитательные модели в Советском Союзе времен социализма и нацистской Германии. Их исторические пути не одинаковые, но во многом схожи.

При этом, мне кажется, важно сделать несколько существенных методологических замечаний. Рассуждать о традициях воспитания гражданина, формирования среды гражданственности и гражданского поведения в странах, где слова и дела людей не просто расходятся, а скорее существуют в параллельных реальностях, для любого исследователя — интеллектуальное занятие весьма рискованное, чрезвычайно ответственное и неблагодарное.

Ведь там, где слова и практика расходятся, трудно выстроить логические границы взвешенных суждений, подобрать адекватные реальности понятия. Там также маловероятна и аргументированная дискуссия, а тем более публичный и рациональный дискурс. Ибо всякий феномен, который нам захочется осмыслить, будет неизбежно ускользать по причине разлада между нарративами и социальными нормами. А оттого у каждого исследователя может быть свое мнение по любому поводу, ибо он «так видит историю!». И всегда в чем-то будет прав. А кроме того, напластования официальной истории, коллективной памяти, разного личного и семейного опыта вдобавок осложняют задачу академической отстраненности от предмета исследования. Но рано или поздно этот порочный дискурсивный круг все же придется разорвать.

Разумеется, речь сейчас идет именно о тоталитарных режимах XX столетия, где всегда публично декларировалась одна «повестка дня», а делалось все, как правило, прямо противоположное. Если в отношении стран, проигравших Вторую мировую войну, есть все-таки некоторая политическая однозначность, то в отношении стран-победительниц любое исследование обременено идеологической предопределенностью. В этом нет ничего удивительного, ибо, как никогда ранее в истории, в тоталитарных режимах

присутствует внутреннее и непреодолимое противоречие между универсальными смыслами, присутствующими в публичном дискурсе, в том числе научном и политическом, и реальными практиками социальной жизни.

Словом, культурно-исторический опыт идеократических государств XX века непрозрачен и весьма запутан. А проникновение в их общественные смыслы наталкивается на барьеры зашоренного мышления и авторского «вкуса». В этом смысле всякое изучение общественных феноменов тоталитаризма XX века обречено быть лишь отчасти объективным. Ибо отчасти же будет зависеть от настройки той научной оптики, которой пользуется социальный ученый. Нам все еще не хватает научных категорий, образов и даже простых слов, с помощью которых мы могли бы сформулировать наше коллективное понимание прожитой народами тоталитарной трагедии. Сегодняшняя же мода, как, к примеру, в России, на псевдототалитарную ностальгию делает подобную интеллектуальную миссию достижения общего понимания еще более трудновыполнимой задачей¹. И все же предпримем попытку рассмотреть, как в тоталитарных странах решалась задача воспитания адекватных их режимам «граждан».

Концептуальный подход

Сложности когнитивного характера тем не менее не должны помешать анализу того, чем, по сути, являлось «воспитание гражданина» в классических тоталитарных режимах XX века. Моя цель предельно проста: понять, как в разном опыте теории и практики тоталитарного общественного строительства ставилась и поэтапно реализовывалась задача гражданского образования, какие средства и методы для этого использовались, на какие дидактические традиции они опирались.

В такой узкой постановке исследовательской задачи мы так или иначе увидим, что в конкретном «просветительском» опыте этих стран скорее гораздо больше объединяющего (содержательно и методологически), чем дифференцирующего их. Объяснения этому феномену могут быть самые разные. Мне ближе следующее: фашистские и коммунистические режимы, реализовывавшие в своей истории модель «догоняющей модернизации», ставили уникальные для новейшей истории воспитательные эксперименты, в принципе сводимые к единому, тоталитарному *родовому* пониманию сущности гражданского образования — *силового и идеологического «выращивания»* поколения людей так называемой *новой формации*.

Более двухсот лет назад французский общественный мыслитель Антуан Дестют де Траси (1754–1836) на рубеже XVIII–XIX веков впервые предложил пространную и философски обоснованную концепцию «идеологии». До конца революционных потрясений конца XVIII века даже само это слово отсутствовало в европейских языках. Оно было предложено де Траси в докладе «Проект идеологии» в 1796 году, который затем он пере-

работал в книгу (1804). Дестют де Траси для свободно-демократического общества выделяет четыре способности человека, участвующие в формировании общественно значимых идей: чувства, память, способность суждения, воля².

Фашисты и большевики, подавив в своих гражданах волю и способность суждения, чувства и память взяли под полный тоталитарный контроль, превратив их в беспрецедентные в истории человечества культурно-политические фантомы. Речь идет о создании в обоих случаях зависимых от властей имперско-политических общностей (советская и арийская), но никак не свободных и автономных от государств гражданских обществ. Эти общности были сформированы наподобие конструктора из представителей «нового человека/гражданина», которые:

- безоговорочно принимают идеологические постулаты властей;
- верят в тоталитарные идеалы и ценности;
- не допускают критического восприятия реальности;
- культурно враждебны как к поколениям своих предшественников, так и ко всем современникам из иных социальных миров и порядков, особенно либерально-буржуазного;
- и поэтому абсолютно нетерпимы к любому оппонированию властям.

Лояльность ко всему «своему» и нетерпимость ко всему «чуждому» должны были в этом причудливом культурном коде дополнять и поддерживать друг друга, оправдывать «необходимые» массовые репрессии и символически обрамлять карьерные биографии людей «новой формации». Мораль и жизненные пути этих людей, замешанные на страхе и непреодолимом желании выжить любой ценой, были согласованными, а почитание знаковых фигур во власти (культы личности) сопровождалось парадоксальным недоверием к учреждениям власти (институциональный нигилизм).

Тщательно продуманное и идеологически выверенное образовательное экспериментирование в Германии и СССР, конечно же, отличалось в деталях, но в общей логике целеполагания и технологиях практического воплощения все эксперименты представляли собой вариации одного и того же культурно-образовательного фантома — *конструирования «гражданина тоталитарного типа*. То есть не просто человека лояльного и живущего двоемыслием, а реально отвечающего тоталитарному гражданскому *«стандарту»* и тем самым искренне и вполне осознанно поддерживающего государственную диктатуру. Тоталитарный гражданин — это больше государственная функция, чем антропологическая сущность. Несмотря на это, следует заметить, что тоталитарная идея и мышление было не просто настоятельным требованием властей, но и «модой» своего

*В тоталитарных режимах
политическое общество поглощает
гражданское, вплоть до его полного
запрета*

времени, захватившей многих мыслителей, писателей и художников прошлого века³.

Тоталитарный «гражданин» по замыслу основателей должен был стать «базовым элементом» политической легитимации всего режима. И надо заметить, что везде в тоталитарных странах эта государственно-просветительская миссия была исполнена весьма искусно. И в СССР, и в Китае, и в Германии, и в КНДР, и т.д. А с культурным наследием этих просветительских экспериментов в виде «особенного» человеческого капитала мировому сообществу приходится иметь дело и по сей день, причем буквально во всех посттоталитарных странах. Даже несмотря на то, что во многих постсоветских странах мы наблюдаем очевидную и позитивную динамику в сторону гражданского универсализма.

Сам по себе термин «тоталитаризм», закрепившийся изначально в политической идеологии итальянского фашизма с легкой руки итальянского философа Джованни Джентиле (1875–1944) в начале прошлого века, подлинно научное применение получает лишь после окончания Второй мировой войны и становится особенно популярным со времени падения советского блока. Хотя гораздо раньше, благодаря трудам Ханны Арендт и Раймона Арона, понятие «тоталитаризм» в его противопоставлении демократии обретает свое аутентичное место в широком ряду научных терминов общего применения⁴.

Термин «тоталитаризм» определяет особое историческое явление негативного слияния государства и народа, термин «демократия» подразумевает прежде всего позитивное противоборство государства и гражданской нации. Итальянский философ и политик Антонио Грамши (1891–1937) в свое время развел гражданское и политическое общества. Если первое объединяло свободные ассоциации и инициативы людей, то второе включало в себя государственные институты, осуществляющие власть. В тоталитарных режимах политическое общество поглощает гражданское, вплоть до его полного запрета.

Любопытно, что практически все современные как политологические, так и политические понятия (научные категории и повседневные словоупотребления) имеют, как правило, греко-латинскую этимологию и, что важно, весьма длительную историю употребления в ареале западной цивилизации (республика, сенат, консул, муниципия, депутат и др.). И только одно лишь понятие «тоталитаризм» было искусственно сконструировано философами для обозначения исключительных политико-идеологических феноменов XX столетия, принципиально отличных от любых автократий и деспотизма прошлого. Настолько исторически уникален был этот опыт.

Американские исследователи Карл Фридрих и Збигнев Бжезинский еще в середине 1950-х годов предположили, что «зонтичным» термином «тоталитаризм» можно объять такие исторические феномены, как нацизм, сталинизм, маоизм и др. И несмотря на существенные различия между ними в деталях, «синдром тоталитаризма», по их мнению, — это аналитическое понятие, подразумевающее особую политическую патологию, основанную на примате государственной идеологии, на однопартийной систе-

ме, централизованном хозяйственном контроле, управлении армией и силовиками, полицейском контроле в отношении своего народа, а также на манипулировании СМИ⁵. К этим универсальным чертам, мне кажется, следует добавить еще две, но чрезвычайно важные черты политической культуры тоталитарных режимов: идеологическую индоктринацию детей с малых лет и пристальный административно-идеологический контроль за всеми молодежными движениями. Но следует ли из этого, что эти режимы породили в XX веке аутентичный феномен тоталитарного гражданства, — предстоит нам сейчас разобраться.

Итак, фашистские Италия и Германия, коммунистические СССР и Китай — все это неповторимые судьбы наций с весьма несхожими общественными профилями и культурным багажом. И тем не менее мы относим их к числу «классических» тоталитарных государств, а следовательно, обнаруживаем в их исторических траекториях такие типологически схожие процессы и сюжеты, которые разительным образом отличают их от либерально-демократических стран. Впрочем, в приложении к практикам гражданского образования не все так однозначно и просто. Начнем с близкого нам советско-большевистского опыта.

Советский опыт тоталитарного конструирования гражданина: насилие и принуждение

С приходом к власти большевики открыто заявили, что образование не станет независимым общественным институтом, а будет полностью подчинено политическим задачам партии. Ленин неоднократно подчеркивал, что совершенно недопустима ситуация, при которой образование может оказаться вне политики⁶. И действительно, на протяжении 70 лет существования коммунистического порядка мы видим, что эта линия с разной степенью жесткости последовательно проводилась в жизнь. Образовательная политика на протяжении советской истории неоднократно корректировалась, а порой даже очень кардинально, но неизменно была продиктована соображениями политико-идеологического порядка.

Основные принципы воспитания гражданина практически никогда не менялись. К числу базовых концептов чаще всего относят следующие три, как идейные источники, к которым открыто или подспудно апеллировали большевики, и какие политико-дидактические конструкторы на этой базе были ими сформулированы:

Тезис 1: коммунизм нуждается в особом типе личности, который, по сути, впервые в истории может стать воплощением «идеала» морально-политического *сверхчеловека*. Здесь большевики были отнюдь не новаторами, поскольку опирались на философско-педагогические искания образа «сверхчеловека» на рубеже веков⁷. Им был симпатичен ницшеанский подход и последующие размышления эпигонов, разумеется, прежде всего когда они примеряли концепцию сверхчеловека на самих себя. Но их отличие от своих интеллектуальных предтеч заключалось в том, что большевики на теоретическом уровне допускали возможность формирования такой личности, которая станет вполне скромной, управляемой и массовой, а не

Александр Кальдер. Шестиногий «мобиль». Ок. 1960

единичной — волевой и эпатажной. Так, сформулированный изначально идеал «нового советского человека», составленный парадоксальным образом из «мускулатуры и интеллекта» (с 1931 года в СССР существовала в рамках государственной системы патриотического воспитания молодежи программа ГТО — Готов к труду и обороне), впоследствии был отредактирован в более скромной версии «простого» советского человека. Обе

версии человека новой формации открыто «работали» с воображаемыми идеалами, к которым можно и нужно было стремиться. А образуемый зазор между «реальным» (достигнутым) и «возможным» (достижимым), по сути, выступал главным политическим мотивом для *постоянного усиления* воспитательного воздействия (через насилие и/или убеждение) на конкретного человека.

2) *Тезис 2*: революция не сможет стать завершенным проектом, если государство не сконцентрируется на вопросах образования и воспитания людей до полной идеологической «победы» над ними. Многие приемы и методы раннего большевистского образования открыто разделяли мысли прагматического американского философа и педагога Джона Дьюи (1859–1952) о возможности воспитания гражданина через его участие в демократической жизни (он, кстати, посещал Советский Союз в конце 1920-х гг. и даже встречался с Крупской). Дьюи был для большевиков привлекательным теоретиком педагогического инструментализма, хотя он писал о воспитании прагматичного предпринимателя в свободном демократическом обществе. Большевики же наивно решили, что прагматизм и практицизм вполне годятся для того, чтобы эту дидактическую схему можно было бы реализовать и в бесклассовом обществе абсолютного равенства социалистического образца. Из этого вполне понятен фундаментальный политический мотив постоянного усиления идеологического давления на людей со стороны партии. Ее воспитательное кредо: никогда не ослаблять идейного воздействия на гражданина по мере его взросления, а сам процесс идеологической индоктринации сделать для общества и абсолютного большинства людей перманентным.

3) *Тезис 3*: социалистическая революция предполагает глубинную и, главное, быструю трансформацию общественного и ментального порядков. И здесь большевики отталкивались от понимания «взвешенной» коммунистической надстройки Карла Маркса, где сферы политики, культуры и образования находятся в идеологической гармонии. Так, сами не ведая того, творцы первого советского государства стали исповедовать доктрину духовного тоталитаризма, понятой ими как *тотальная слитность государства и народа*. Собственно, и понятие «гражданин» поэтому быстро утратило в коммунистической реальности свое исконное значение как активного, ответственного и автономного члена гражданского сообщества. А после того, как это слово искусственно насаждали в начале 1920-х годов, оно стало употребляться просто как обращение к незнакомому человеку. И уже в Толковом словаре С. Ожегова гражданами и вовсе стали обозначать «все взрослое население». Таким образом, именованные по указке сверху псевдограждане раннего большевизма, растворившись в тоталитарном государстве, уже в позднее сталинское время вновь вернулись к более привычной для них асоциальной и аполитической идентификации себя как «советский народ». А обращение «гражданин» (гражданин начальник) сохранилось в системе официальных правоотношений, в том числе в тюремном жаргоне.

Из всего этого становится понятным, почему советская педагогика так яростно настаивала на прикладном разведении образования и воспитания.

Если первое служило дидактическим средством учреждения в стране легитимного тоталитарного порядка (подчинение и господство), то второе скорее было необходимо как *инструмент мобилизации масс для нужд тоталитарного государства*.

Для простого человека достаточно простой власти. А простой власти, в свою очередь, было куда удобнее иметь дело с безоговорочно лояльным и компромиссным атомарным человеком, чем критически мыслящим и автономным гражданином. Ленин, комментируя значимость коммунистического воспитания масс, подчеркивал партийную телеологию всего этого процесса. Он настаивал на том, что главное для страны — это воспитание людей в духе «коммунистической морали», которая, собственно, и трактуется современными исследователями как коррелирующий синоним, равнозначный западному пониманию «гражданского образования»⁸. Большевики по понятным причинам всегда предпочитали языковые субституты и неологизмы: вместо западного предиката «гражданский» — «коммунистический», а вместо «гражданское общество» — «общественность» и т.д.

Практика морального воспитания «коммунистического» гражданина средствами идеологической индоктринации массового сознания основывалась, конечно же, на вере, а не на разуме (вспомним, к примеру, набивший всем оскомину советский лозунг «Марксистское учение истинно, потому что верно!»). Соответственно и приверженность идеалам и ценностям коммунизма ставилась превыше всякой объективности и рационализма. Поэтому конструирование тоталитарного гражданина в Советском Союзе было скорее *псевдогражданским наставлением*, нежели классическим гражданским образованием. Дисциплина и самодисциплина. Лицемерие и откровенная ложь. Приоритет ценностей, составленный «под диктовку» властей. Катехизисное мышление. Черно-белое видение мира. Подражание одобренным и «завизированным» партией образцам достойного «гражданского» поведения. Примеров всему этому мы с детства знаем такое множество, что нет необходимости их сейчас приводить⁹. В результате мы можем говорить о развилке гражданского образования в XX веке между либеральной и тоталитарной моделями. В первом случае гражданин готовится к самостоятельной жизни в условиях свободы и ответственности, где можно делать все, что не запрещено законом (правовое и институциональное ограничения). Во втором — псевдогражданин готовится к полуответственной жизни в условиях несвободы, где можно делать только то, что разрешено тоталитарной властью (внеправовое и полурабское поведение). При этом государства и народы принимали эти очень разные «правила игры»: только в одном случае сознательно и ответственно, а в другом — по принуждению и насилию и поэтому безответственно.

Тоталитарное просветительство было направлено отнюдь не на формирование гражданских добродетелей, а в первую очередь на стимулирование *чувства ненависти*, предопределенного теорией «классовой борьбы», которое, собственно, и приводило, по мысли Р. Арона, к «идеологическому неистовству» тоталитарных масс¹⁰. Уважение к другому, а тем более

иному мнению не предполагалось. Напротив, патриотическое чувство «маленького» советского человека должно было быть реализовано в его «искреннем» чувстве неприязни и ненависти ко всем врагам социализма. Прямую реплику мы обнаруживаем и в нацистских воспитательных методиках, рекомендовавших поэтапное привитие немецкому ребенку чувства ненависти ко всем врагам нацизма и Германии, а позже и тем пуще — ко всем, кто против фюрера.

На практике социалистического общественного строительства всех, кого большевики подозревали в неспособности пройти «тоталитарный инструктаж», несмотря на их профессиональные или какие-либо иные общественно полезные навыки, способности и знания, а также тех, кто в силу своего происхождения, или чуждых убеждений, или социального статуса мог бы сопротивляться индоктринации, подлежали подавлению вплоть до физического устранения. Разумеется, не это стало единственной причиной сталинского террора, но изначально массовые репрессии вырастали именно из большевистских опасений о «*гражданской бесперспективности*» многих групп населения бывшей царской империи. То есть тех, кто может внутренне сопротивляться и кого будет трудно перевоспитать, проще уничтожить! К середине 1930-х годов эта тактика тоталитарно-гражданской «отбраковки» приобрела характер государственно-планового уничтожения всякого «сомнительного человеческого материала»¹¹.

И не важно при этом, каковы были подлинные масштабы массовых репрессий (о чем ожесточенно и поныне продолжают спорить историки и медиарасследователи), главное то, что репрессии наряду с тоталитарной директивностью были базовым инструментом конструирования коммунистического сверхчеловека в Советском Союзе. Иными словами, *идеологическое принуждение и насилие исторически шли рука об руку*, и очевидно, что в раннем советском конструировании тоталитарных граждан одна технология была неотделима от другой.

1921 год в известном смысле был поворотным для советского гражданского просвещения. После окончания Гражданской войны воспитание масс было обозначено как открытие «третьего фронта». Партия, опасаясь естественного роста враждебных коммунизму настроений и идей, а оснований для этого было предостаточно, превратила политику псевдогражданского просветительства в самую что ни на есть приоритетную для себя политическую задачу. И это вылилось в беспрецедентную для мировой истории практику *принудительного вовлечения* людей в активную общественную жизнь.

Темой «гражданских обязательств» было заполнено все публичное пространство, где особо проявила себя изобретательная партийно-агитационная машина большевиков и сочувствующих им деятелей искусств. Разными гражданскими обязанностями заполнялся весь биографический путь каждого отдельно взятого человека. Общественные поручения, общественные советы и комитеты, «промывка мозгов» и медиасуггестия — все это и многое другое составляло так называемую вторую профессию человека, то есть его прямые гражданские обязанности перед государст-

вом и народом. Правда, паталогическая безграмотность населения сильно препятствовала быстрому торжеству тоталитарной квазидидактики. Возможно, именно поэтому наркомпросовская политика ликвидации безграмотности (кампания «Долой неграмотность!») расценивалась как важнейшая государствообразующая программа. И она была в целом разрешена приблизительно за 20 лет. Убеждение в том, что невозможно построить коммунистическое общество с неграмотным населением, разделяли буквально все государственные и партийные лидеры. И здесь не было никаких фракционных разногласий. Уроки родного языка или даже арифметики нередко сопровождала открытая прокоммунистическая пропаганда. Так, к примеру, числовую прогрессию иной раз изучали на росте численности членов партии большевиков, начиная с дореволюционной поры.

Видный деятель пролеткульта Платон Керженцев (1881–1940) на исходе Гражданской войны формулирует просветительское кредо «третьего фронта», а в 1921 году оно выходит в свет в виде небольшой брошюры «К новой культуре»¹². В ней автор рассуждает о культурной революции как о «реорганизации» человека. Причем грезилось это ему в виде простой процедурной метафоры: политический режим выступал в качестве учителя, а народные массы принудительно усаживались за парты. Ибо главная задача — *привлечение людей* к активному строительству новой жизни. Немецкий историк Штефан Плагенборг очень ёмко определяет весь этот процесс как «революционизирование умов»¹³. И замечает, что тенденция, проявленная в книге Керженцева, уже свидетельствовала о скором превращении режима в «ментора», недовольного стихийным творчеством масс, а в мировоззренческом смысле — весьма консервативного актора, который, как и следовало ожидать, выступает «борцом» с буржуазной культурой и пережитками прошлого¹⁴. Все нужные просветительские акценты теперь были окончательно расставлены.

Хотелось бы обратить внимание на интересную деталь. К атрибуту «гражданский» советские агитаторы и педагоги предпочитали не прибегать без особой надобности или по крайней мере минимизировать его употребление. Вероятнее всего, из-за опасений заложенной в нем автономности гражданина и даже скрытой его конфронтационности с государством. В ходу были словосочетания, скорее нарочито политизированные. Говорилось о политическом воспитании, политической активности масс, политической грамотности и т.п. Даже Антон Макаренко (1888–1939) в своих выступлениях и текстах старался максимально обойти стороной «гражданственность», напирая больше на трудовое и моральное воспитание человека в коллективе¹⁵. Партии было, очевидно, легче оперировать классовыми понятиями (пролетарии, крестьяне, интеллигенция), чем гражданскими, с их не очень прозрачными культурными, экономическими и социальными контекстами. А в Конституции 1936 года, где впервые фигурировали гражданские права и обязанности, был употреблен совершенно аморфный термин «труженики».

Эта языковая манипуляция, по сути, поставила крест на автономности гражданина и гражданского общества в Советском Союзе. Активный общественник мог быть только в несвободном пространстве контроля со

стороны тоталитарного государства, работать на его цели, принимать его ценности и подчиняться его господству. И к концу 1930-х годов тоталитарная индоктринация, к тому же густо замешанная на культе личности Сталина, все активнее стала оперировать образом Советского Союза как осажденной со всех сторон врагами и шпионами крепости, несущей мировую ответственность за построение социализма в «одной отдельно взятой стране». А для этих задач «класс» общественный был прекрасно лексически созвучен «классу» школьному. Все гладко и гармонично состыковывалось.

Макаренко ввел в педагогический оборот также и индустриальные метафоры. Ребенок — это «продукт» воспитательной деятельности или же воспитательный «брак», ибо про-

ектирование «личности как продукта воспитания должно производиться на основании заказа общества» (спрос—предложение). Значит, соответственно мысли Макаренко: «нет ничего вечного и абсолютного в наших задачах»¹⁶, а также: «Мы обязаны воспитывать такого человека, который нашему обществу нужен. Иногда эта надобность определяется обществом очень нетерпеливо и требовательно...»¹⁷. Но всегда — исходя из высших государственных нужд. Никакого буржуазного индивидуализма не нужно — все это прекраснодушные благоглупости! Необходимо только *массовое воспитание* для исторических пятилеток! Не случайно Н.К. Крупская, С.Т. Шацкий и П.П. Блонский¹⁸ — теоретики и практики советского образования времени его становления — основной политический и идеологический упор делали на *трудовое воспитание человека в советском коллективе*.

Несколько позднее в работах И.А. Каирова (1893–1978), видного наркомпросовца и главного редактора журнала «Советская педагогика», а в конце сталинского правления еще и министра просвещения РСФСР, мы находим существенно уточненную иерархию государственных приоритетов в гражданском образовании (сам автор по понятным причинам предпочитал обозначать эту педагогическую тему как «нравственное воспитание» школьников). Патриотическое воспитание как главная задача средней школы вышло на передний план. Причем оно не предполагало не только критического отношения, но и вообще какой-либо вольной рефлексии в отношении прошлого, настоящего и будущего родного отечества. Далее, естественно, следовало политическое воспитание. А оно с 1937 года в основном базировалось на изучении Конституции 1936 года, что было необходимо, по мысли Каирова, чтобы подросток и молодые граждане могли *сознательно* участвовать в социально-политической жизни своей страны. Пионерская и комсомольская организации были формами мобилизации всех школьных коллективов страны для выполнения главных задач партии.

*Патриотическое воспитание
не предполагало не только критического
отношения, но и вообще какой-либо вольной
рефлексии в отношении прошлого,
настоящего и будущего родного
отечества*

Александр Кальдер. Без названия. 1951

Казалось бы, что крамольного с сегодняшней точки зрения в такой расстановке приоритетов и в их конкретном наполнении? Но дело в том, что в практике тоталитарной обработки сознания политические идеи, предлагаемые как молодым, так и немолодым людям, представляли собой полную антитезу гражданским знаниям и навыкам либеральной модели. Советская трактовка «политического знания» строилась на диктате *одной философии, одной методологии и одной общественной истины (холистическая идеология)*. Дискуссия разрешалась только с внешними интеллектуальными оппонентами (фальсификаторами, недругами и врагами). И в этом смысле искомое сознательное участие в общественной жизни страны оборачивалось всегда полным ригоризмом и доктринерством, запретом на какое-либо сомнение, не говоря уже о критическом восприятии действительности. И чем сильнее становился культ Сталина в канун войны, тем больше конструкция «сознательного участия» исключала какие-либо разночтения, несогласие или отказ от открытого проявления лояльности и восторженной поддержки режима.

Процесс десталинизации, начавшийся в середине 1950-х годов, мог бы способствовать существенному снижению накала тоталитарной индоктринации в школах и вузах. Но случилось тогда нечто труднопредсказуемое. После XX съезда десталинизация свелась к исключению фигуры вождя из разного рода учебников и программ. При этом партийная преданность одной общественной истине вовсе не ослабла. Более того, в партийных документах хрущевской оттепели отчетливо проявилась обратная тенденция: задачей школ на ближайшие десятилетия декларировалась подготовка «коммунистически хорошо образованных» новых поколений советских людей. Таким образом, холистическая идеология отныне куда жестче стала пронизывать все сферы социального, интеллектуального и культурного творчества людей, а значит, и тоталитарное конструирование личности отнюдь не стало формальным ни даже просто ритуальным. Парадоксальным образом закат тоталитарного насилия сопровождался на рубеже 1950–1960-х годов невероятным усилением идеологической индоктринации.

Иными словами, с начала 1960-х годов с существенным сокращением физического насилия идеологическое давление, напротив, лишь усилилось. Этому способствовали многие обстоятельства: и развенчание культа личности Сталина, и возвращение к «исконному» марксизму, и не в последнюю очередь резкий рост уровня грамотности и образованности в стране. «Сознательным участием» граждан в общественной жизни стало гораздо проще управлять, а значит, и эффективнее закладывать его фундаментальные основы изначально в сознание детей и подростков. В материалах XXV съезда КПСС (1976) уже всю идет речь об успехах тоталитарного конструирования «советского человека» («строителя коммунизма») как продукта пролонгированного и весьма эффективного идеологического воспитания. Впрочем, буквально через несколько лет Л.И. Брежнев вынужден был признать, что идеологическое образование в стране идет плохо; догматическое и плохо привязанное к жизненным практикам людей, для подростков оно вовсе не интересно.

Однако идеологическое принуждение без сопутствующего физического насилия сработало, как показала перестройка, в пользу саморазрушения всего социалистического мироздания. Так бесславно завершился долгий цикл тоталитарной индоктринации в Советском Союзе. А горбачевская реформа, наступившая для большинства людей совершенно неожиданно, хотя и очень ожидаемо, поставила на идеологической индоктринации жирную точку. Тогда казалось, что без принуждения откроются иные способы познания многообразия мира. Однако обнаружилось, что исторические уроки, усвоенные в пору единомыслия, оставили глубокий след в свойствах постсоветского человеческого капитала; в частности, в административных практиках управления просвещением они ощутимы не только через одно поколение¹⁹.

Тоталитарная индоктринация в Советском Союзе осуществлялась диффузным способом, то есть институционально (школа, университеты, армия, профессиональные коллективы и т.д.), пропагандистски (прежде всего медийно), а также с помощью всевозможных агитационных технологий (политинформации, лекторий общества «Знание» и т.п.). Таким образом, человек не «выпадал» из воспитательного пространства в течение всей своей жизни, куда бы ни привели его жизненные пути (учеба, карьера, смена места жительства). И поскольку всякий тоталитарный режим порождает феномен *дуальной* власти (государственной и партийной), то соответственно и в Советском Союзе «конструированием» нового человека занимались как образовательные (от министерства до районных управлений), так и партийные органы всех уровней. При этом нельзя сказать, что одни формулировали задачи, а другие их практически решали. В водовороте индоктринации многое происходило по инициативе самих институций и даже отдельных лиц.

Вероятно, одним казалось, что они и без начальства «сверху» могут вести этот процесс, ибо сами были пропитаны «духом» индоктринации, другие действовали, побуждаемые простыми карьерными соображениями, из желания выслужиться. И все же именно высшее партийное руководство всегда определяло общее целеполагание, стратегические векторы, а при необходимости «развороты» в ту или иную сторону тоталитарной воспитательной машины.

Школа, разумеется, была главной институциональной «заботой» партии. Учебные программы жестко контролировались, централизованно кодифицировался *набор* политических знаний и навыков общественной жизни, партийно выверенное историческое сознание. Впрочем, и трудовое, и даже нравственное воспитание также пропускалось через фильтры индоктринации. Антон Макаренко без всякой иронии писал, что воспитывать у ребенка волю можно, только если педагог и дети отчетливо понимают, «чем советская воля отличается от воли в буржуазном обществе»²⁰. Но даже и позднее, в брежневское время, начальная школа трактовалась как лаборатория коммунистической нравственности. Ребенок должен был усвоить и пропустить сквозь свой первоначальный моральный опыт понятия справедливости, честности, дружбы, коллективизма, патриотизма и интернационализма. Причем все это — по-прежнему через призму марк-

систско-ленинского мировоззрения, и следовательно, речь велась не просто о любви к родине, а о советском патриотизме, готовности встать на защиту социалистического отечества. В вузах, в соответствии с законом об образовании (1974), подготовка высококвалифицированных специалистов должна была осуществляться исключительно в рамках марксистской идеологической доктрины, коммунистической морали и далее все по известному «списку» — социалистический интернационализм, советский патриотизм, готовность отдать жизнь за родину.

Преподавание истории в Советском Союзе радикальным образом отличалось от западной традиции, а советские учебники — от «буржуазных». Историческое прошлое не могло быть двусмысленным и тем более объективным и безоценочным, дающим повод для критических размышлений ребенка или сомнений в однозначных марксистских интерпретациях. *Правильная* трактовка истории могла быть дана только в дискурсе классового анализа. И несмотря на то что со временем, особенно после смерти Сталина, жесткие марксистские скрепы исторического анализа становились все менее ригористичными и наивными, общий воспитательный посыл в преподавании истории сохранялся до конца эпохи социализма. Само преподавание истории не считалось самоценным, точнее, целью в понимании прошлого. К преподаванию истории скорее прибегали как к инструменту «формирования характера строителя коммунизма», его «нравственной позиции», накопления багажа «истинных» политических знаний и т.д. Та тщательность, языковой стиль, внимание к историческим деталям и идеологическая выверенность, с которой создавался всемирно известный труд «Краткий курс истории ВКП(б)», — прекрасный пример предметной гражданской дидактики тоталитаризма. А обязательность его штудирования для всех советских людей всех возрастов и профессий делает эту книгу по культурно-исторической значимости в истории тоталитаризма сравнимой, пожалуй, только лишь с *Mein Kampf* Гитлера.

Об эффективности советской пропагандистской машины (средствами медийной, наглядной и событийной агитации) написано так много, что нет смысла к этому сюжету вновь возвращаться²¹. Важнее затронуть еще один аспект тоталитарного воспитания — институциональный ресурс партии и комсомола. Численность членов этих мегаорганизаций была настолько значительной, что их можно отнести к ряду наиболее фундаментальных инструментов идеологической индоктринации, машин приобщения миллионов людей не только к коммунистическому мышлению, но и особому стилю жизни. А уже через этих «просветленных» субъектов велась работа в беспартийных массах, особенно среди подростков и молодежи (по крайней мере именно так была выстроена работа в свое время и в «Агитпропе»^{*}). При этом рекрутирование новых партийных членов и выбраковка «трудноперевариваемого» человеческого материала происходили перманентно.

Впрочем, не следует забывать, что и административная вертикаль в сфере народного образования была составлена исключительно из партийных

* Обиходное название Отдела пропаганды и агитации при ЦК КПСС.

управленцев, что делало практику тоталитарной индоктринации подростков и молодежи очень жестко идеологически контролируемой.

Неудовлетворенность и даже недовольство в отношении складывавшейся десятилетиями системы тоталитарной идеологизации образования, безусловно, зрела не только «снизу», но и в очень закрытых кругах партийной элиты. Неадекватность прямой индоктринации изменившимся в мире условиям, постоянно снижающееся качество образования и как результат потеря конкурентоспособности страны и усилившееся ее отставание, а главное невозможность удерживать монопольный контроль над «истиной» — все это формировало глубинные философско-политические предпосылки для горбачевской перестройки. Примечательно, что сам Горбачев был назначен политбюро ЦК КПСС председателем комиссии по школьным реформам еще в 1984 году, то есть буквально в канун своего избрания генеральным секретарем ЦК КПСС. И уже в ее рекомендациях впервые появляется робкое предложение снизить марксистско-ленинский идеологический пресс в школах в пользу актуальной профориентации детей. А закон об образовании, принятый в 1985 году, хоть и сохранял многие прежние ориентиры индоктринации, уже легитимизировал принципиально новые гражданские векторы просвещения, как, к примеру, воспитание в детях приверженности «общей пользе», «уважения к закону» и др. В остальном он мало чем отличался от прежних советских законодательных актов об образовании.

Но этого уже было достаточно, чтобы в одночасье объявить партийными приоритетами «открытость» (гласность) и «трансформацию» (перестройку). Собственно, поэтому тоталитарная индоктринация в горбачевскую эпоху после этого не просто дала сбой, а быстро и уверенно стала сворачиваться, хотя первые несколько лет еще сохраняла свой инерционный ход в стране. При этом партийные лидеры, в том числе и сам Горбачев, по старинке придерживались традиционной тоталитарной риторики, когда речь заходила об образовании, просвещении и молодежи. Эта нерешительность и непоследовательность в разрыве с прошлыми практиками индоктринации, как мне кажется, приблизили как скорый конец партийно-идеологического господства, так и развал союзного государства в целом. Новое «гражданское чувство» у миллионов в то время еще советских людей рождалось в перестройку не благодаря налаженной новой системе просвещения, а скорее вопреки желанию властей контролировать эту высокочувствительную сферу взаимоотношений государства и гражданского общества. События развивались молниеносно, а глубокое просветительское противоречие между гражданскими ожиданиями «снизу» и монопольными намерениями «верхов» стало очевидным. Страна погрузилась, особенно после 1991 года, в состояние культурно-просветительского хаоса и в конечном итоге породила массовое разочарование в активной гражданственности, свободе и демократии. Важность гражданского просвещения так и не была осознана ни одной из ельцинских команд 1990-х годов, хотя, может быть, в тех условиях у них просто руки до этого не доходили.

Но именно это способствовало появлению на свет сегодняшнего гибридного монстра — полунационалистического и полудержавного граждан-

ского образования, в котором государство вновь претендует на роль лидера в сфере конструирования гражданина, активизируется неприязнь к «чужим», к не вызывающим доверия несогласным, чего-то требующим. А кроме того, государство по-прежнему настаивает на своей бесконтрольности и монополии на просветительскую истину. Оно не поощряет общественную конкуренцию идей и плюрализма мнений, не допускает рядового авторства и низовых инициатив в практиках гражданского образования и не только его. То есть все, происходящее сегодня, буквально следует тому, что писал Аристотель про олигархические режимы и адекватную им модель воспитания граждан в духе «конституционного олигархата». Воспитание «демократического гражданина» все никак не станет осознанной просветительской «повесткой дня». Наверное, в XXI веке такое положение дел может какое-то время поддерживаться инерционно, но вряд ли станет долгосрочным трендом.

Закон об образовании 1992 года исходил из деидеологизации и исключал всякую возможность идейного руководства средним или высшим образованием. Но в конце концов практика его бюрократической реализации в полуавторитарной России «открыла» такую возможность — вначале в форме безыдейного административного гиперконтроля, а в наши дни уже и как прямого идеологического диктата²². Гражданская директивная дидактика, одним словом, не исчезла с распадом советского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Постсоветская ностальгия — явление весьма масштабное, повсеместное и довольно сложное для простых объяснений. См.: Todorova M., Gille Z. (Eds.) *Post-Communist Nostalgia*. — New York — Oxford: Berghahn, 2010.
- 2 См.: Дестют де Траси А. Основы идеологии. Пер. Д.А. Ланина. — М.: Академический проект — Альма Матер, 2013.
- 3 Подробнее: Suette L. *Dreams of a Totalitarian Utopia. Literary Modernism and Politics*. — Montreal: McGill-Queen's University Press, 2011. Даже Павел Флоренский, как известно, уже в тюрьме составил большой текст о будущем устройстве отечества, где обрисовал контуры, по сути, тоталитарного государства и гражданства.
- 4 Историографию тоталитаризма и его современные трактовки см.: Бакунин А.В. *История советского тоталитаризма*. Кн. 1–2. — Екатеринбург: УО РАН, 1996–1997; Турчин В. *Инерция страха. Социализм и тоталитаризм*. — Нью Йорк: Изд-во «Хроника», 1978. Любопытна трактовка сталинизма как особой «цивилизации»: Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*. — Berkeley: University of California Press, 1997.
- 5 Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956.
- 6 Самый полный компендиум рассуждений Ленина на интересующую нас тему см.: Ленин В.И. *О воспитании и образовании*. Т. 1–2. — Москва: «Педагогика», 1980. Партийная библиотека обязательно содержала брошюры с «правильным» толкованием ленинских идей о коммунистическом воспитании. Все они были до наивности прозрачны и не допускали никаких «кривотолков» или разночтений. См., к примеру: Марксизм и педагогика. Учение В. И. Ленина об образовании и коммунистическом воспитании. — М.: Изд-во «Просвещение», 1966.
- 7 Небольшая книга Василия Янчевецкого «Воспитание сверхчеловека», опубликованная в Санкт-Петербурге в 1908 году, — образец постнищешанских исканий в России. Ее автор полагал, что в XX веке важнейшей педагогической миссией становится

- политическое образование народа. И именно этого, по его мнению, катастрофически не хватало российской школе того времени. Невозможно воспитать мужественного гражданина, проникнутого интересами общества и государства, если его воспитывают в духе «непротivления злу» или революционного анархизма. Обе крайности опасны для будущего России, полагал Янчевецкий. «Возвышенное существо» надлежит воспитывать в «нищенском духе» и тогда удастся вырастить более нравственную, более сильную, более гармоничную «породу» людей. Очевидно, что интеллектуальная связь между подобными философскими рассуждениями и большевистскими представлениями о поколении «новой формации» — самая прямая.
- 8 См., к примеру: Heater D. A History of Education for Citizenship. — London — New York: Routledge, 2004. — P. 157.
 - 9 Был ли Советский Союз страной единого мировоззрения или, как нередко пишут историки, «диктатуры мировоззрения»? — предмет отдельной дискуссии в академической литературе. Очевидно, что нет. Существовал колоссальный зазор между «идеями» социализма и «реальным социализмом». Но в данном случае речь идет уже о последствиях, а не о самой воспитательной политике и как она изначально выстраивалась тоталитарным государством. См. интересные рассуждения на эту тему в книге: Макаренко В.П. Русская Власть. Теоретико-социологические проблемы. — Ростов-на-Дону: Изд-тво СКНЦ ВШ, 2013.
 - 10 Подробнее см.: Арон Р. Демократия и тоталитаризм. — М.: Текст, 1993.
 - 11 Эта политика иногда именовалась «пролетарским гуманизмом». Именно об этом пишет А. И. Солженицын в своих «Десять тезисов», анализируя катастрофические последствия большевистской политики в области морали, когда «добро» и «зло» стали рассматриваться сквозь призму классовой теории. Солженицын А.И. В круге первом. — М.: Литературные памятники, 2006. — С. 613–618.
 - 12 Керженцев П.М. К новой культуре. — Петербург: Гос. изд-во, 1921.
 - 13 Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. — Санкт-Петербург: Журнал «Нева», 2000. — С. 35.
 - 14 Там же. С. 37.
 - 15 В сборнике «Воспитание гражданина» (М.: «Просвещение», 1988) собраны небольшие тексты и отрывки из сочинений Макаренко, в которых он так или иначе касался темы воспитания гражданина. Примечательно, что название всей книге было придумано советскими составителями, скорее всего, для придания фрагментарному характеру книги некоторой тематической связности. Сам же автор вряд ли дал бы своим взглядам такое определение. О «революционной» сущности гражданской педагогики Макаренко, «точность» понимания которой тоже была под особым партийным контролем, из числа поздних толкований см.: Ярмаченко Н.Д. Педагогическая деятельность и творческое наследие А.С. Макаренко. — Киев: Радянська школа, 1989.
 - 16 А.С. Макаренко. Воспитание гражданина, с. 41.
 - 17 Там же. С. 40.
 - 18 См.: Крупская Н.К. Вопросы коммунистического воспитания молодежи. — М.: Госполитиздат, 1959; Блонский П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения. — М.: «Просвещение», 1979; Шацкий С.Т. Избранные педагогические сочинения. — М.: «Просвещение», 1980.
 - 19 «Индоктринированная личность» нередко рассматривается сегодня как одно из «препятствий» в транзите к демократии во многих постсоветских странах. См. об этом, в частности: Holzer J., Mares M. (eds.) Challenges to Democracies in East Central Europe. — London — New York: Routledge, 2016.
 - 20 А.С. Макаренко. Воспитание гражданина, с. 38.
 - 21 О психологических инструментах воспитания и перевоспитания граждан в тоталитарных системах см. прекрасное исследование: Лифтон Р. Дж. Технология «промывки мозгов». Психология тоталитаризма. — М.: ОЛМА-пресс, 2005.
 - 22 О феномене «нового» тоталитаризма см.: Tucker A. Legacies of Totalitarianism. — Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Права человека и верховенство права

Я буду говорить о праве как одной из важнейших, фундаментальных цивилизационных ценностей современного мира.

Размышляя о состоянии российской правовой сферы, приходишь к выводу, что не только у нас, а и у многих наших соседей существует устойчивое представление, что свобода и право — это два антипода. Потому что с правом ассоциируется, как правило, ограничение свободы, что-то репрессивное, то, чего надо бояться, что сильно осложняет жизнь. И одновременно под правом понимается все, что имеет юридическую и даже квазигиридическую форму. Какая-нибудь инструкция, распоряжение, какая-то бумага, какие-нибудь разъяснения, во множестве издаваемые совершенно разными органами, не говоря уже о документе под названием «Закон» или о приговоре суда. Сегодняшняя официальная позиция и пропаганда нас убеждают: что написано в таком документе, то и есть право. Суд постановил и сказал — это право.

Но если внимательнее посмотреть на то, что постановил суд или кто-то решил какой-то инструкцией на основе закона или вопреки ему, это имеет отношение к праву? Ведь именно так, механически формируется восприятие права как антипода свободы, как исключительно ограничительное, репрессивное явление. Российское законодательство и правоприменительная практика в последние годы приобретают отчетливо репрессивный характер, который довлеет над другими практиками регулирования и правоприменения, над так называемыми диспозитивными инструментами, которые предполагают свободу выбора человеком своего поведения и принятия решений. А между прочим, именно диспозитивные инструменты и способы являются фактически главными в праве. Однако суровость наказаний, рост обвинительных решений в нашем правосудии приобрели такой масштаб, что на память невольно приходит фраза Ханны Арендт, относящаяся к

*Вадим Ключевант,
адвокат,
вице-президент
Адвокатской палаты
Москвы*

феномену Холокоста, — «банальность зла». То, о чем я говорю, это тоже банальность зла, хотя и в ином проявлении. Мы уже перестаем поражаться тому, что происходит сегодня в этой сфере. Поэтому понятно, откуда возникает представление о праве и свободе как об антиподах.

В начале прошлого века в Германии жил такой замечательный человек, юрист, звали его Эрнст Рабель. Он мало известен, к сожалению. Я о нем узнал от своего великого учителя, одного из авторов Конституции РФ 1993 года, академика Сергея Сергеевича Алексеева (1924–2013). Эрнст Рабель был одним из первых компаративистов (специалистов по сравнительному правоведению) в мире. Тогда только зарождалось сравнительное правоведение. И вот он ввел в оборот понятие «право цивилизованных народов», под которым имел в виду некое глобальное явление, свойственное на тот период западной цивилизации. Он показал, что право — это живой организм, который имеет специфику, какие-то вариации в разных странах, сообществах. Но у него есть и то, что объединяет и является его основой, сутью — это базовые общие черты. Эти базовые черты лежат в основе прогресса всего человеческого общества, выражая главное назначение права. Разумеется, это отнюдь не наказание и не репрессии, что очень важно. Наказание — вспомогательная функция. У нее всего лишь одна задача — обеспечивать реализацию позитивных прав и защищать их от посягательств. Всё, никаких других целей у наказания и в целом у охранительных норм и отраслей права нет и быть не может.

А вот основой и двигателем цивилизации является частное право, которое касается каждого из нас, пронизывает буквально всю нашу жизнь. Частное право — это про личность и про то, как эта личность делает выбор и несет за него ответствен-

ность. Как мы реализуем неотчуждаемые права в своей повседневной частной жизни? Право собственности, право предпринимательской или какой-либо иной законной деятельности. Право выбирать место жительства и образ действий, род занятий; право свободно собирать и распространять информацию, свободно высказываться. Право создавать семью, право на детство, на охрану здоровья и другие составляющие нашей жизни. Все эти базовые правовые ценности, их свободную реализацию каждым, призваны защищать такие отрасли права, как уголовное и административное. Вот, собственно, иерархия ценностей в праве — соотношение главного и субсидиарного. А устанавливаются, гарантируются и регулируются эти базовые правовые ценности, то есть права индивида, правом гражданским. Если же вся эта система приоритетов расстраивается, то разрушается сама суть права в том его понимании, как оно было заложено в источниках XVIII века, во Французской декларации, Американской декларации, а затем и в конституциях. В том или ином виде эти принципы существовали и раньше. Я говорю о том, что все люди с рождения созданы равными и наделены неотчуждаемыми правами — на жизнь, свободу и стремление к счастью. В Конституции РФ это тоже в полной мере отражено именно как основополагающие устои нашего конституционного строя.

Так вот, право цивилизованных народов как гарант человеческой свободы характеризуют три важнейшие черты. Первая — это его гуманистический характер. То есть в основе права не царь (как бы он ни назывался), не государство, не полиция и не армия, а человек как высшая ценность, защита его прав, личной свободы и свободного выбора.

Вторая фундаментальная черта — это роль, которую право играет в повседневной жизни человека и общества, выпол-

няя функцию универсального глобального регулятора. Альтернативы праву в этом качестве человеческое сообщество за все века своего существования не выработало.

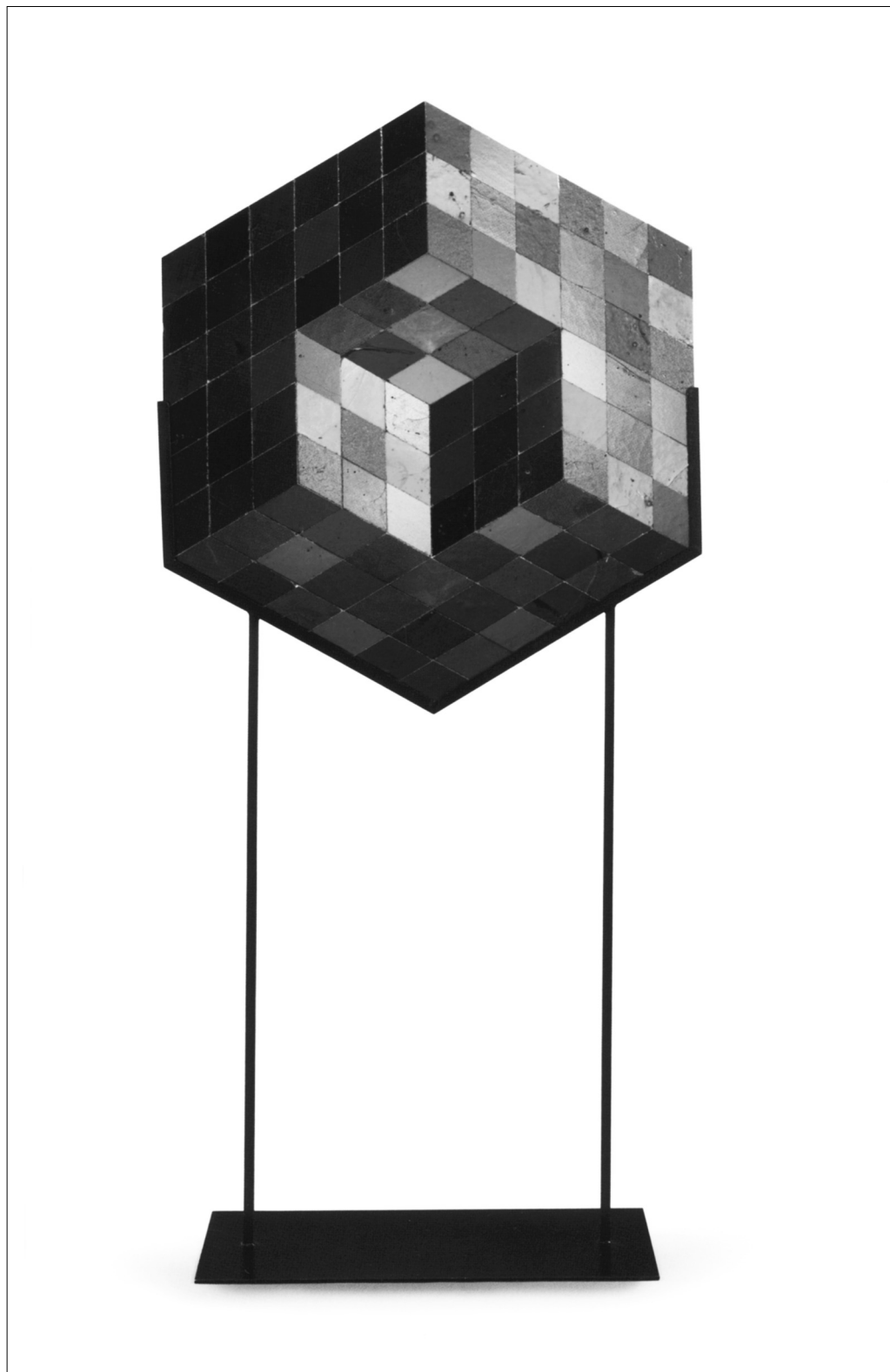
Третья черта, а в совокупности все три образуют существо понятия права — это правовые технологии, правовые институты, инструменты, нормы, которыми регулируется человеческая жизнь. Они более или менее сходны во всех странах, где это право принято и действует. То есть теоретически и практически в регулировании вопросов, связанных с собственностью, например, вряд ли удастся обнаружить принципиальные отличия, будь то Америка, Британия, Франция, Россия или Грузия. Это же относится к другим фундаментальным правам и свободам.

И еще две существенные черты для характеристики основы основ права. Первая — это свобода выбора, свободное волеизъявление: я сам решаю, чего хочу, чего не хочу и как я реализую то, что хочу. Я сам договариваюсь со своим контрагентом о каких-то совпадающих интересах и о том, как мы их реализуем. Например, вы включаете свет, пользуетесь коммунальными услугами, совершаете любое действие, вступая во взаимодействие с кем-либо либо, договариваясь индивидуально, либо присоединяясь к стандартным условиям договора. Таким образом, одна сторона медали — свобода воли и выбора, или по-другому — диспозитивность, то есть принцип, в соответствии с которым индивид реализует свои права.

Оборотная сторона этой медали — презумпция добросовестности. Нам предоставлена свобода, и мы, исходя из своих интересов, действуем добросовестно. Добросовестно — это значит, что не замыслиаем вреда кому бы то ни было, у нас нет таких намерений. Но эта презумпция, естественно, может быть и опровергнута. Чем? Нашими действия-

ми. Если будет доказано, что мы действовали не для удовлетворения своих законных интересов и потребностей, а во вред другому, и именно это являлось нашей целью. И что тогда? Тогда два варианта. Если мы при этом прямо не нарушаем запреты, предусмотренные правом, а злоупотребляем свои правами (употребляем их во зло), то ответственность и наказание не наступают, но мы не можем рассчитывать на защиту таких действий со стороны суда. Если же мы нарушили какие-то правовые запреты, то встает вопрос об ответственности и наказании. И эти вопросы решаются в соответствии с нормами тех отраслей публичного права, которые имеют своим предназначением охрану от посягательств на наши права и свободы — административного или уголовного. В том числе, кстати говоря, сюда относятся и преступления против общественной безопасности и против государства, потому что обществу необходимы институты, в первую очередь — государство. Но необходимы они для того же самого — как механизмы защиты прав и свобод человека. Соответственно если их разрушать, блокировать их действия, то страдает каждый из нас и исчезает правовое государство.

Что нужно, чтобы право цивилизованных народов было не декларативным, а реальным и эффективным регулятором общественных отношений? Совсем немного. Правда, это «совсем немного» намного легче сформулировать, чем исполнить. Здесь следует назвать два обстоятельства. Первое, и это особенно важно для стран континентального права, где основным источником права является писанный закон (к их числу относятся и Россия, и другие материковые европейские страны), — это культура закона. Закон не должен противоречить принципам и основам права, которые я кратко охарактеризовал, и, следовательно, базо-

Виктор Вазарели. Трехмерный объект Q. 1967

вым положениям конституции. Это означает, что если какой-либо закон, даже принятый парламентом, не соответствует базовым принципам права, то этот закон неправовой. Неправовой закон не должен приниматься и применяться там, где действует право цивилизованных народов.

Во-вторых, закон должен быть сформулирован настолько ясно, чтобы исключалось его двоякое понимание, толкование и применение. Он не должен содержать пробелов, то есть нерегулированных существенных положений того предмета, которому посвящен, и не должен противоречить другим законам. И конечно же, закон должен быть опубликован.

Вот это все в совокупности и составляет культуру закона. Учитель, которого я вам уже называл, Сергей Сергеевич Алексеев, говорил, что культура закона может существовать только в благоприятной социально-политической среде. В противном случае она разрушается, и вместо совершенствования и развития закона происходит то, что Сергей Сергеевич называл крушением права. Это явление, которое в обиходе еще называется правовым нигилизмом. Но правовой нигилизм — понятие поверхностное, а вот крушение права — более точное.

Оно означает, что, если социально-политическая среда неблагоприятна, право превращается в произвол. «В обстановке права власти, свойственного авторитарным режимам во всех его различных вариациях, — писал С.С. Алексеев, — закон и суд могут приобретать и фактически приобретают реакционный антиправовой характер. Закон нередко становится носителем единодержавного своеволия, порой произвола, прикрываемого благообразными юридическими формами. «Независимый суд» включается в состав авторитарной государственной структуры, для которой сама формула и престиж «независимого суда» открывает

будто бы легитимный простор для реализации произвольного усмотрения правящей власти».

Это крушение права С.С. Алексеев (и я с ним полностью солидарен) как раз считал главной причиной крупных политических и социально-экономических неудач и просчетов.

Во всех странах, а не только в тех, где основным источником права является не писанный закон, а судебный прецедент, необходимым условием эффективности правоприменительной и правоохранительной систем является независимое от власти правосудие. Потому что даже если есть писанный закон, даже если этот закон носит правовой характер, он реализуется все равно исключительно через судебные процедуры и судебные решения или через другие правоприменительные решения, которые, в свою очередь, тоже подконтрольны суду (например, решения органов исполнительной власти). И право может работать, реализовываться как цивилизованное, только если есть честный и беспристрастный суд. Если же такого суда нет, то какие бы ни были законы — ни права, ни правосудия быть не может.

Ну а чтобы суд был независимым и беспристрастным, нужна состязательность сторон. Стороны — обвинение и защита — в процессе должны быть равноправными. Кроме того, у каждого человека, который не обязан и не может быть знатоком права, должна быть возможность обратиться за профессиональной правовой помощью, которая должна быть доступной и эффективной. Вот это последнее и является предназначением института адвокатуры как независимого и отделенного от государства института гражданского общества. Это принципиально важно, потому что в этом качестве адвокатура является единственным негосударственным институтом, который не только вправе, но и полномочен оппони-

ровать государству в своей профессиональной деятельности. Это институт, к которому я имею честь принадлежать и который всегда, при любой власти, являлся для этой власти злом по этой самой причине — как легальный и профессиональный оппонент, оппозиционер. Никакая власть не любит оппонентов, даже самая демократическая, но степень терпимости этого зла в разные времена была разной. И в России она тоже бывала разной. Сейчас она совсем невелика, скажем так. Но есть страны, где ситуация еще хуже. В Китае, например, осуждают к длительным срокам адвокатов, которые выступают защитниками диссидентов, участвуют в политических делах. То же самое замечено в Таджикистане, в других странах. У нас в России все не очень хорошо с защитой прав адвокатов и соответственно с рисками этой деятельности.

Но хотелось бы обрисовать в этой связи несколько других важных проблем, чтобы дополнить картину ситуации в правоприменительной сфере, в том числе в области защиты прав и интересов граждан.

Существуют, к примеру, так называемые заказные дела, которые представляют вызов. Это такая зараза, которая прямо противодействует целям и интересам гражданского общества. Страдают от таких дел, конечно, прежде всего люди, но и репутация государства, потому что его именем благословляются сфабрикованные процессы и несправедливые решения. Если речь идет о совершении правоохранных и судебных властями преступлений против правосудия, то адвокатское сообщество имеет право относиться к представителям государства, должностным лицам, намеренно нарушающим закон, точно так же, как они относятся к нашим подзащитным, называя их преступниками. А мы считаем преступным то, что творят они.

Эта глубоко запущенная и комплексная

ситуация крайне опасна, поэтому нужно использовать все средства для ее нормализации. Для тех, кто работает в процессе, это правовые и процессуальные средства реагирования или предупреждения. Закон предписывает нам защищать наших доверителей всеми не запрещенными законом способами. Подчеркиваю — всеми **не запрещенными**, а **не всеми разрешенными** (нет такой формулировки) средствами. А нашим, действующим от имени государства, оппонентам как раз таки дозволено лишь то, что им законом **разрешено**. И если они выходят за эти пределы, значит, превышают свои полномочия или злоупотребляют ими. Именно так нужно оценивать эти вещи.

То есть здесь вся совокупность юридических инструментов в руках профессионалов, а публичных средств в руках гражданского общества — правозащитников, журналистов и просто активистов, осуществляющих наблюдение.

И конечно, необходим суд присяжных, реанимированный, очищенный от клеветы на него, потому что сейчас он находится в состоянии клинической смерти. На мой взгляд, это важнейший регулятор правосудия. И каждый обвиняемый, не согласный с обвинением, должен иметь право на рассмотрение его дела судом присяжных. А на следующем этапе и рассмотрение гражданских дел должно стать его компетенцией.

Пока новые времена не наступили, мы (я имею в виду адвокатов) сосредоточены на задаче сохранения автономности, самоуправляемости нашей корпорации, чтобы не допустить контроля нашей профессиональной деятельности со стороны государства. Поэтому так важна чистота рядов адвокатского сообщества, избавление от тех, чьи действия противоречат Кодексу профессиональной этики адвоката.

Могу с полной ответственностью сказать, что в Адвокатской палате Москвы, в

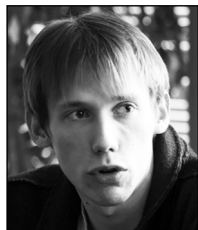
ее совете, в рамках дисциплинарного производства нам приходится принимать неприятные решения, в том числе радикальные. На ежемесячных заседаниях совета мы рассматриваем от 20 до 40 дисциплинарных дел в отношении коллег, и, к сожалению, не бывало заседания, которое не закончилось бы решением о прекращении статуса какого-то адвоката за дисциплинарные нарушения. Не потому что мы такие кровожадные, а потому что нас обязывает к этому ситуация и правила профессиональной этики.

Есть очень важное условие, при котором такое решение или любое другое дисциплинарное взыскание, например предупреждение, замечание, может быть принято. Мы высоко ценим и реально следуем презумпции добросовестности адвоката. И не можем иначе, потому что тогда возникла бы угроза произвола в отношении добросовестных адвокатов, неудобных оппонентам с сильной стороны, так как есть много желающих с ними поквитаться. Однако если презумпция добросовестности адвоката преодолена доказательствами заявителя, тогда возникает основание для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности. Пока в практике Адвокатской палаты Москвы нет ни одного факта, когда суд отменил бы наше решение по жалобе адвоката, статус которого мы прекратили.

Несмотря на происходящие почти каждый день неприятные события, когда кажется, что все бесперспективно, если все же остановиться и оглядеться вокруг, картина становится чуть-чуть другой. Назову несколько цифр. По поводу репрессивности. У нас по-прежнему суды удовлетворяют более 90% ходатайств

об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу. Но в последние два-три года количество таких ходатайств снижается. Причина: эта тема настолько тревожит общество, что заставляет власть, в том числе судебную, реагировать.

Что же касается судебной статистики, то оправдательных приговоров у нас ноль, запятая, ноль, и дальше идут споры — четыре, три, восемь... Это без учета оправдательных вердиктов судов присяжных, где их бывает в 25–30 раз больше. Но правда и то, что количество прекращаемых уголовных дел тоже существенно увеличилось вследствие применения критериев нереабилитирующих оснований. Количество «тюремного населения» сократилось за последние пять лет примерно на одну четверть. Учитывая и досудебное лишение свободы, и отбывание наказания по приговору. Но все это совершенно не отменяет проблемы репрессивности нашего правосудия и его обвинительного уклона, причиной которого является порочная связь обвинительной власти и суда, то есть досудебного и судебного производств, и, как следствие, отсутствие истинной состязательности в ходе процессуальной деятельности. Это большой отдельный разговор: почему это так и что нужно сделать, чтобы это изменить. Эта ключевая проблема предопределяет острейшую необходимость реформирования системы судопроизводства с тем, чтобы институты правосудия у нас представляли реально независимый атрибут власти. Если такая потребность обществом осознается, то какие-то результаты наступают.

Интервью Григория Охотина, независимого журналиста, создателя интернет-сайта «ОВД-Инфо», о правозащите как способе расширения прав, об активизации общества и возможности построить правовое государство снизу.

Григорий Охотин был выдвинут на соискание Премии Егора Гайдара 2017 года в номинации «За действия, способствующие формированию гражданского общества».

Осуществление прав человека невозможно без механизма принуждения*

Татьяна Трофимова: — Насколько наличие правозащитных организаций и их правозащитной деятельности в стране — это индикатор патологического процесса? Ведь кажется, что если в государстве все в порядке, то нет необходимости следить за тем, чтобы права соблюдались. Или есть?

Григорий Охотин: — Нет, это совершенно не индикатор патологического процесса. Наоборот, чем демократичней государство, чем более сильное гражданское общество, тем больше в нем правозащитников, правозащитных организаций, ассоциаций. Потому что и свобода, и права работают только таким образом — если ты их постоянно защищаешь, они расширяются, а если ты их не защищаешь, то они скукоживаются. Вне зависимости от страны — будь это Франция, США или Великобритания — всюду права надо защищать. Только те права, которые действительно защищаются, становятся гарантированными и работающими. То есть правозащита — это не удел России и не удел стран, где нарушаются права человека, это совершенно нормальная и необходимая в любом обществе деятельность. Когда появился медиапроект и сайт «ОВД-Инфо», и я сам, и люди внутри нашей команды думали, что наша цель в том, чтобы мы были не нужны. Это ошибка. На самом деле свободу собраний необходимо защищать все время. Только тогда она появляется. Как только ты перестаешь защищать это право, оно исчезает.

Т.Т.: — *Даже если оно записано в конституции?*

Г.О.: — Представьте кафе, которое в принципе гарантирует вам воду, туалет и Wi-Fi бесплатно. Но если никто не будет этого требовать, то кафе не будет соблюдать эти правила, потому что это, в конце концов, невыгодно. Только если клиенты все время требуют то, что заявлено, то, что им положено, они это получают. То же самое с законами. Фиксация прав в консти-

* См.: Фонд Егора Гайдара, 2 ноября 2017 г.

туции не гарантирует их соблюдения, если нет запроса от общества. У нас прекрасная конституция. В ней записаны все гражданские права, в том числе свобода собрания, запрет на цензуру, право человека выбирать и быть избранным. Есть отдельные моменты, которые вызывают вопросы у экспертов по конституционному праву, но с точки зрения прав человека у нас хорошая конституция. Сталинская конституция 1936 года была не сильно хуже. Вопрос в том, что общество должно принуждать власть имущих соблюдать конституцию. Любое общество в любой стране. Многие думают, что права человека — это такая кризисная тема, актуальная лишь в те моменты, когда происходит какой-то сбой. Все наоборот: правозащита — это антикризисная сфера постоянной деятельности. Чтобы люди каждый день чувствовали себя защищенными и наслаждались свободой, нужны развитые правозащитные институты. Их должно быть много, они должны быть сильными, государство должно их холить и лелеять. Если мы представим себе Россию лет через 20 и там будут соблюдаться права человека, это означает, что в этом светлом завтра будет в 1000 раз больше правозащитных инициатив и общество будет гораздо активнее поддерживать их любыми законными способами.

Т.Т.: — *То есть «ОВД-Инфо» существует не потому, что у наших граждан низкая правовая культура, что они не знают, как вести себя с правоохранительными органами и как отстаивать свои права, а потому что вы расширяете само правовое поле? И что же такое вы поняли, что изначальная концепция изменилась?*

Г.О.: — На самом деле изначальная концепция не сильно изменилась. Прежде всего появление «ОВД-Инфо» было нашим с Даней Бейлинсоном эмоциональным ответом на задержания и аресты друзей и реакцией на то, что ни они сами, ни их родственники, ни СМИ совершенно не знали, что делать и как понять, что происходит*. Это была такая серая зона. Мы подсвечиваем эту зону — и всем становится все видно и понятно. Правовая культура у нас низкая с обеих сторон — и со стороны государства, и со стороны общества. Здесь два подхода — реформа сверху и реформа снизу. Есть мнение, что достаточно, чтобы пришел министр внутренних дел и премьер-министр, которые будут уважать права человека, и все изменится в лучшую сторону. А есть мнение, что если общество снизу не давит, если оно само не понимает, какие у него права, и не отстаивает их правовыми методами, то ничего не изменится. Я придерживаюсь второй позиции. Реформы сверху у нас уже несколько раз были и ни к каким хорошим долгосрочным результатам они не привели. Реформы снизу в некотором смысле у нас тоже были — в конце восьмидесятых. В результате последовали изменения, которые произошли в 90-х. Чем лучше люди снизу будут понимать свои права, тем сложнее людям сверху будет их нарушать. Вот очень простая базовая концепция, к которой прикладывается сила слова и

* Речь о задержаниях на оппозиционных митингах в конце 2011 г. — Прим. ред.

Андрей Кузькин. Деньги на хлеб. 2016

информации: если мы знаем о проблеме, если она широко освещается, то все больше и больше людей осознают не только сам факт наличия проблемы, но и детали того, из чего эта проблема складывается, как работает система. Соответственно появляется некоторое окно возможностей для изменений. Представьте себе, что приходит некий реформатор X и решает, что надо соблюдать права человека. Например, свободу собраний или свободу слова. Если он просто привлечет экспертов и создаст правильные законы, ничего не изменится, потому что чиновники на местах все равно будут эти новые правила нарушать. Но если условный реформатор X будет проводить изменения, опираясь на общественную поддержку и общественное понимание проблемы и необходимости изменений, то когда его красивые проекты столкнутся с реальностью муниципалитетов, отделений полиции и так далее, это будет уже публичной проблемой и значимая часть общества, в том числе журналисты, будет понимать суть происходящего. При таком общественном и медийном фоне какие-то изменения возможны. Но для этого нужно, чтобы сама проблема все время была в центре внимания общества, а в центре внимания общества находится то, о чем пишут в СМИ или в социальных сетях.

Т.Т.: — *Есть точка зрения, что не всякая самоорганизация снизу полезна. Например, политологи и социологи говорят, что когда общество самоорганизуется для того, чтобы обеспечить дорогостоящее лечение детям, то это, конечно, хорошо, но эти горизонтальные связи ничего не меняют в отношениях с государством и даже, наоборот, делают еще*

хуже, потому что государство вообще перестает думать об этой проблеме. В этом смысле какова эффективность в этом давлении на государство «ОВД-Инфо»?

Г.О.: — Прежде всего благотворительность и правозащита — это разные процессы. Потому что в благотворительности действительно важны горизонтальные связи — ты напрямую творишь благо. Тут очень важно понимать, что гражданское общество вообще и правозащита как сфера деятельности — совершенно автономны от государства, но на деле они не могут существовать без него. Осуществление прав человека невозможно без механизма принуждения. Механизм принуждения — это законы и государство. Наша задача — добиваться, чтобы власть не закрывала глаза на нарушения прав человека и тем более нарушала их в своих узких политических целях. Мы — watch dog [сторожевой пес]: как только государство нарушает гражданские права, мы трубим об этом. Государству становится сложнее закрывать глаза на нарушения, в итоге оно вынуждено реагировать. Но мы, простые люди, можем и должны знать свои права, объединяться и показывать государству, что так поступать нельзя, нам так не нравится.

Т.Т.: — *А нет такой проблемы, что для этого у нас слишком пассивное общество, активное поле сужается, и последний пример — проект реновации жилья в Москве — показал, что даже когда затрагивают собственность и дом, не факт, что это вызовет у людей какое-то активное противодействие, желание бороться за свои права или что-то еще?*

Г.О.: — Общество не монолитное. То, что нам рассказывают про общество эксперты, социологи, Кремль, Первый канал, — это неправда. Общество колоссально активно, и с каждым годом или даже, я бы сказал, день ото дня оно становится только активнее. Это видно и по мониторингу «ОВД-Инфо», и просто невооруженным глазом, если не зависать в Facebook, а смотреть на реально происходящие процессы. Другое дело, что активное общество не нужно нашему государству. Поэтому любая активность, не санкционированная сверху, подавляется. Просто любая, даже если она совершенно безобидная и касается поддержки котиков и собачек. Если она возникает снизу, люди столкнутся с проблемами. Из-за этого рост гражданской активности не такой быстрый, каким он мог бы быть в естественных условиях. Вспомните тушение пожаров, помощь Крымску (после катастрофического наводнения летом 2012 г. — *Прим. ред.*), дикий бум благотворительности и на самом деле наблюдаемый сейчас расцвет общественно-политических и правозащитных проектов: где наше общество было бы уже сейчас, если бы не новые запреты против НКО, уголовные преследования и посадки?

Общество активно. Другое дело, что есть безверие: те, кто обладает доступом к медиаресурсам, журналисты, интеллектуальная элита, политики сплошь подвержены общественной депрессии и не верят ни в свои

Алекс Кац. Три коровы. 1981

силы, ни в наше общество. Нужна вера в людей — если ты в них веришь, люди отвечают тебе тем же и помогают. Но если ты относишься к людям как к пассивному, темному и манипулируемому «населению», которое ничего не хочет и ничего не может, то люди ответят тебе ровно этим же. Если наше общество было бы пассивным, мы бы все давно сдохли в прямом смысле этого слова — из-за плохой медицины, плохого образования, аварий на дорогах, коррупции и мизантропии. Все то хорошее, что мы наблюдаем, включая и малый бизнес, кафе, всякие культурные и развлекательные проекты, все это чья-то конкретная активность, которая появляется не благодаря, а вопреки государству. Поэтому я не могу сказать, во всяком случае судя по Москве, что общество пассивно. И во всех больших городах происходят примерно те же самые процессы. Может быть, где-то чуть медленнее, а где-то и быстрее, но тенденция — одна и та же.

Т.Т.: — *Есть ли у вас какие-то наблюдения, какие области сейчас в обществе условно горячие, где оно хочет что-то изменить?*

Г.О.: — Мы не политологи, мы замеряем исключительно нарушения права на свободу собраний. Но очень косвенно, со всеми социологическими оговорками, можно судить о каких-то вещах, потому что у нас довольно большая статистика, против чего или, наоборот, за что выходят люди. Это меняется год от года. Последняя тенденция — это районный вопрос. То, что называется «только не в моем дворе» (NIMBY — Not In My Back Yard). Снос исторических зданий, точечная застройка, застройка парков и так далее. Раньше была более политизированная повестка, но последние два года в Москве на первое место стали выходить именно такие — можно назвать их социальными — протесты. Что интересно, почти все политологи, да и мы сами раньше считали, что если ты выходишь по политическим причинам, то власть будет тебе мешать, арестовывать, задерживать и так далее. Если же ты выступаешь за социальные права, власть не принимает этот протест в штыки. Это оказалось далеко не так. Какова бы ни была тематика, и полиция, и местные власти действуют совершенно одинаково. Они просто против любого выхода на улицу, и так власть не только отталкивает от себя людей, но еще и создает ядро протеста, уже не такое политизированное, а реально понимающее, почему и против чего оно протестует. Мы наблюдаем это все шесть лет, что существует наш проект. Пример — мощный протест водителей-дальнобойщиков. Почти все такие протесты начинаются с того, что люди говорят: «Мы не про политику, мы про свои права. Мы не требуем отставки Медведева, мы не требуем отставки Путина. Мы хотим, чтобы нашу проблему решили, и апеллируем к центральной власти». Все такие протесты, включая реновацию жилья, начинаются с этой точки. После того как колонну грузовиков окружают бэтээры и ОМОН начинает бить всех дубинками, у людей, которые идут с плакатами: «Путин помоги!», что-то меняется. Наблюдая за протестом дальнобойщиков, мы видим, как за два года они из людей, которые решали свою собственную экономическую проблему и поддерживали Путина, превратились в своих регионах в оплот оппозиционного движения. Все, что нужно было для этого сделать, сделали ОМОН, бэтээры и позиция власти по отношению к этим людям.

Т.Т.: — *По мере того как вы освещаете неправомерные задержания и нарушения прав человека, есть ли какие-то изменения в ответ на это в деятельности правоохранительных органов?*

Г.О.: — Понимаете, есть низовые органы власти — будь то отделение полиции, конкретный суд или конкретные следователи, и на этом уровне может меняться все что угодно, в том числе в позитивную сторону. Допустим, мы поддерживаем адвокатов и юристов, которые помогают в судах задержанным, сейчас это сотни и тысячи дел в московских судах. Что это такое? Помимо всего прочего это бесплатное правовое образование для судей и сотрудников полиции. Наши адвокаты в буквальном смысле демонстрируют им, как надлежало бы соблюдать законы. После этого они действительно знают, как надо соблюдать законы, но — существует политическое решение. И совсем не все люди в погонах — это какие-то

враги, изверги. Порой в некоторых областях им самим было бы проще и выгоднее закон соблюдать.

Т.Т.: — *«ОВД-Инфо» — это такая борьба против наступающей тьмы здесь и сейчас? Или вы видите какое-то будущее, перспективу, то, к чему вы хотели бы прийти, и видите, как движетесь туда?*

Г.О.: — Все очень просто. Я не верю, что все может измениться оттого, что придут умные, честные люди и все изменят. Я считаю, что это некоторая последовательная цепочка действий, которая всегда должна начинаться сегодня. Мы не должны заниматься правами человека и свободой и говорить: «Вот когда что-то случится, тогда она и наступит». Мы должны бороться за это светлое будущее в моменте «сейчас», начиная с судьбы конкретного человека. Если об этом только абстрактно мечтать и не работать сейчас, ничего не выйдет. Поэтому мы сосредоточены на сегодняшнем дне, на тех нарушениях, которые видны сейчас, на помощи тем людям, которые страдают сейчас, и шаг за шагом выстраиваем собственное понимание и понимание экспертных и медийных кругов и общества в целом, что это за проблема и как она решается. Таким образом, шаг за шагом мы приближаемся к тому моменту, когда проблема будет решена или, скажем так, улучшения станут реально заметными. Это вполне стратегическая работа, а не борьба с тьмой здесь и сейчас.

Т.Т.: — *Вы как-то говорили, что вам совершенно не важны политические, идеологические и прочие предпочтения человека, если он за соблюдение прав человека. Вы готовы работать с людьми, которые будут придерживаться противоположных политических взглядов, но при этом будут считать, что права человека должны соблюдаться?*

Г.О.: — Если говорить про «ОВД-Инфо», то мы пишем про людей, чьи права нарушаются. Какие у них политические взгляды, нам вообще не важно, нам важны их права. Естественно, у меня и у всех моих коллег есть собственные политические пристрастия и идеологические воззрения, и они у всех довольно разные. Но когда дело доходит до нарушения чьих-то прав, нам все равно: мы можем оспаривать чью-то позицию, но мы уважаем право человека иметь эту позицию. Он может быть националистом, может быть левым, может быть путинистом, но если его задержали, он наш. И мы действительно пишем про всех, и нам звонят совсем не только оппозиционные активисты, нам звонят любые активисты, будь то социальные, экологические или «нашисты», которых, как ни странно, тоже иногда раньше задерживали. Если их задержали неправомерно, то мы про это напишем. Что касается непосредственно работы с людьми, мы сотрудничаем с довольно широким спектром организаций, и если они разделяют нашу базовую, правозащитную, позицию, то в чем проблема? Если человек — депутат от «Единой России» и при этом борется за права человека и готов помогать конкретным людям, супер! Я просто таких не встречал, но — почему нет?

Популизм и будущее гражданского общества

Даниэль Деттинг,
глава НКО *Zukunfts politik*
(«Политика будущего»), ФРГ

Мы живем в период альтернативных фактов или постистины, постправды, утверждают некоторые политологи и политики. А это значит, что людям больше не интересны факты, им интересны собственные эмоции и чувства, и они им следуют.

Теория постистины, по сути, пессимистична. О ней заговорили после референдума о брекзите в Британии и выборов в США. Ее сторонники считают бессмысленной и бессильной правду как таковую. В результате мы видим, как по Европе распространяются волны враждебности, искаженной информации, подстрекательства. Конечно, это подрывает наши социальные связи.

В сентябре Германия избрала новый парламент, и в него вошла правая политическая партия «Альтернатива для Германии». Германия перестала быть единственной страной, которая была избавлена от популизма правого толка.

По каким причинам достигли успеха правопопулистские партии? Я не думаю, что это напрямую связано с их политическими программами и идеями. По сути, граждане разочарованы другими политическими партиями. А влияние популистов выросло благодаря экстремистскому языку, который они используют. Основная их мишень — мигранты. Дискриминация меньшинств выдается теперь за свободу волеизъявления. А средства массовой информации наделяются ярлыком «лживая пресса». Особенно в цифровом пространстве, в соцсетях регулярно распространяется ложь в отношении демократических партий и социальных меньшинств.

Популисты в стране считают, что есть два врага. Первый — действующие правящие элиты. Второй — чужаки. И при этом первый враг способствует продвижению второго, наделяя его привилегиями.

Таким образом, оружием популистов является язык и образы, с помощью которых создаются фреймы (англ.

frame — рамка), то есть искусственные рамки (как и в случае с искусственным интеллектом), в которые заключаются представления, казалось бы, о реальной ситуации. А на самом деле это иллюзия знания исчезает, потому что факты, имеющие собственное значение, интерпретируются в уже заданных рамках. Приведу пример.

Хирург говорит, что после операции у него обычно 90% людей выздоравливают и 10% умирают. То есть об одном и том же факте говорится с двух разных точек зрения — жизни и смерти. Эксперименты показали, что больные пациенты чаще всего отказываются от хирургического вмешательства, если доктор говорит даже о 10%.

В политической коммуникации фреймы основываются на политической идеологии. А эффективность устанавливаемых рамок зависит от жизненного опыта людей и их отношения к фактам.

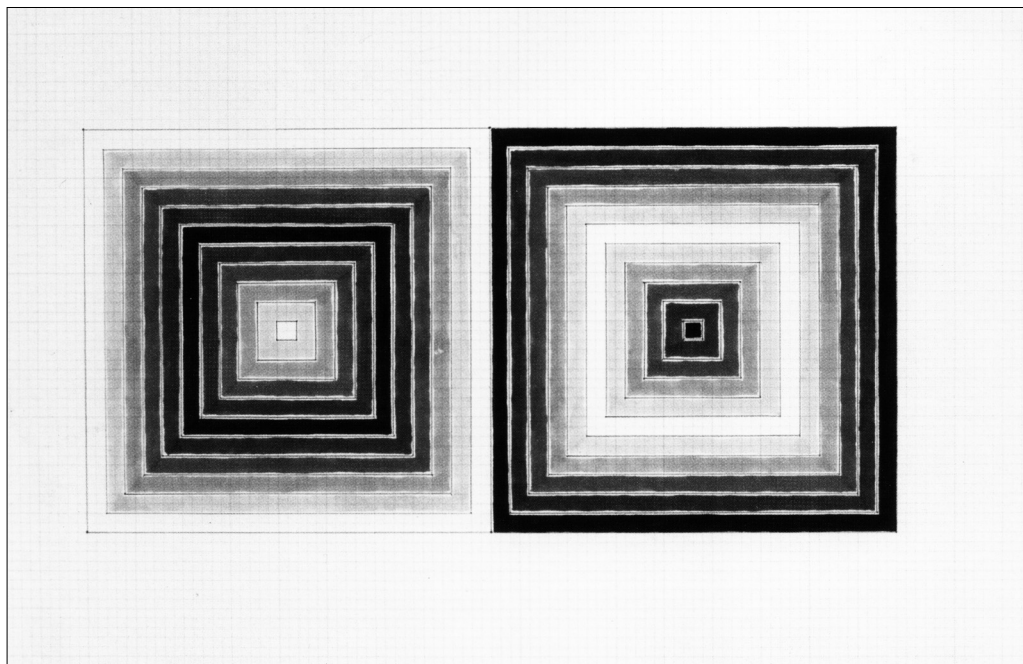
Между тем теоретики постистины говорят, что в политике важны и имеют значение не столько факты, сколько их лингвистическое отражение. И правопопулистские партии используют его, ассоциируя беженцев и мигрантов с надвигающейся национальной катастрофой, подобной лавине, остановить которую может только закрытие границ.

Гражданское общество должно использовать позитивные рамки и фрейминг и опираться на позитивные ценности. Политические и социальные исследователи разных эпох — от Аристотеля до Токвиля — подчеркивали значение социальных связей и политической культуры. Гражданское общество — это нечто большее и отличное от государства или его экономики. Идея гражданского общества не сводится к конфронтации с тем и другим. Это постоянный поиск равновесия, синергии между государством, экономикой и обществом. Концепция гражданского общества означает общество, где действуют «я» и «мы» и существуют взаимные обязательства, и мы должны найти баланс между тем и другим, работая во благо других и в наших собственных интересах.

Понятие гражданского общества важно, поскольку существуют социальные проблемы, с которыми государство и экономика по отдельности не справляются. Гражданское общество — это граждане, открывающие перспективы и находящие возможности их решения. Поэтому так важно, чтобы было больше людей, которые что-то делают не только для себя, но и других.

Гражданское общество это не пассивные, запуганные граждане, опекаемые государством, а люди, которые независимы и готовы к солидарности и соучастию. Концепция гражданского общества исключает иждивенчество и зависимость. Его основная характеристика — культура участия, проявляемого на уровне местных сообществ и городов. Авторитет страны во многом зависит от духа гражданского общества. А его концепция может дать ответы на новые социальные запросы, если граждане, молодежь и взрослые, включая мигрантов, будут вместе трудиться на благо общества. В таких обществах, как свидетельствует опыт, меньше безработицы и менее остро стоят проблемы молодежи.

Вопрос, как граждане вписываются в эту концепцию. В Германии после Второй мировой войны возникла демократия без демократов. Это вызыва-

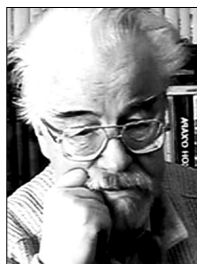
Фрэнк Стелла. Без названия. 1963

ло большие опасения. Но что из этого выросло? Это был уникальный в истории успех. Германии потребовалось много времени, чтобы выучиться демократии и освоить практики гражданского взаимодействия. Я думаю, что наши страны должны учиться друг у друга.

Гражданское общество без граждан не имеет перспектив. Демократия и эффективная экономика зависят от социального капитала и от доверия в обществе. Без активных граждан невозможны ни инновационная экономика, ни демократия. Гражданскому обществу требуется, следовательно, фундамент — гражданские организации, ассоциации, партии, ответственные за социальные инновации и сплоченность общества.

Будем ли мы в таком случае полагаться на потребителей и иждивенцев, которые видят себя жертвами внешних обстоятельств? Или на граждан, созидających будущее человечества уже сегодня?

250 лет назад Иммануил Кант сформулировал три философских вопроса: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?» и «На что я смею надеяться?», ответив на которые только и можно осознать, что такое человек. Гражданское общество занято поиском ответа на последний вопрос. «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства», — говорится в 1-й статье Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН почти 70 лет назад. Свобода и преданность свободе являются основополагающими ценностями нашего общества. Гражданское общество — это активный нравственный ответ на современные вызовы.

Эра Водолея

*Александр Волков,
доктор исторических наук*

Геополитическое измерение

Сейчас частенько говорят и пишут о наступлении эры Водолея. Причем одни предрекают людям серьезные невзгоды и испытания. Другие сулят человечеству небывалое процветание, духовный рост, всемирное братство народов, даже единение всех религий.

Обсуждают это в основном астрологи, но не остаются в стороне и ученые, специалисты разных профилей, размышляющие о судьбах планеты и человечества, отмечающие некие серьезные сдвиги и в природе, и в обществе. Физики и математики, например, называют наступающие времена эпохой искусственного интеллекта, робототехники и высочайших технологий. Именно в этой сфере разворачивается конкуренция развитых стран, и победитель обретет решающее влияние в мире.

В отношениях между странами, в международной политике — тоже масштабные перемены — и со знаком плюс, и со знаком минус.

Кардинальные изменения, связанные с формированием многополюсного мира, особенно заметны после распада Советского Союза и нарушения долго существовавшего баланса сил. Быстрое восхождение прежде отсталых стран с огромным населением, таких как Китай, Индия, Бразилия, стремление многих государств к созданию своих центров силы, новые формы существования таких центров, порой вхождение одной страны сразу в несколько разных цент-

ров. А вместе с тем — ослабление многих прежних связей, и глобальных и региональных, снижение роли и влияния существующих институтов и организаций. Нередко и не без оснований это говорят и про ООН.

А разве мало примеров пренебрежения нормами международного права? Сплошь и рядом об этом праве забывают, когда речь идет о давлении мощных политических интересов и факторов. Надо признать, что и сами правовые нормы содержат противоречивые положения, как, например, право какой-либо части территории на самоопределение, вплоть до отделения, но и право сохранения целостности государства. Некоторые пользуются уязвимостью права так, как им в данный момент выгодно.

Не ставя задачу детализировать другие важные перемены, назову лишь еще одну черту, которая, как мне кажется, особенно характеризует наше время — это состояние неопределенности, связанное с переформатированием мировых связей — экономических и политических. Это крайне затрудняет прогнозирование событий, а следовательно, и разработку стратегии на будущее.

Однако самое удивительное и прискорбное — в комментариях политиков и экспертов зачастило слово «война»! Более того, оно стало обыденным. Что с нами происходит? И с вождями нашими, и с народом. Словно забыли о тех страшных жертвах и разрушениях, что пережили еще живущие поколения людей. Словно исчез из памяти Нюрнбергский процесс,

осудивший главных нацистских преступников, жестокою международною агрессию, беспрецедентные преступления против мира, человечности. Словно и в нашей конституции не запрещены пропаганда войны, разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни, человеконенавистничества. В прямом эфире ТВ в полемическом угаре допустима, видимо, и такая аргументация: «Мы вас уничтожим!» (например, Жириновский — в адрес американцев и европейцев).

Однажды в научной конференции Фонда Горбачева принял участие и выступил с очень интересной речью митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. Его спросили о «конце света», который предсказывала тогда известная секта «Белое братство». Он ответил, что не может исходить из анализа ситуаций, реальных фактов действительности, как выступавшие до него ученые. Как церковный человек, он исходит из догмы, из того, что сказано в Библии. Конец света будет, но когда — человеку знать не дано. А дальше прозвучало нечто для нас неожиданное, что я могу пересказать верно по смыслу, но своими, а не его словами.

Конец света — это результат разочарования Бога в человечестве. Если оно дискредитирует себя раздорами между людьми и народами, цинизмом, развратом, стяжательством, как жители Содомы и Гоморры, истребленные за свои грехи, и если положение в этом смысле станет безнадежным, человечество обречено. Но человечество способно отодвинуть конец света и даже отодвигать его бесконечно долго, если покажет свои добродетельные качества. Будет трудолюбиво и нравственно, продемонстрирует взаимное уважение народов и обеспечит их сотрудничество, научится справедливо разрешать любые конфликты, станет жить миролюбиво и достойно. И митро-

полит привел такой пример: во время Карибского кризиса 1962 года казалось, что война неизбежна, причем ядерная война, которая уничтожила бы население планеты. Однако нашлись люди, нашлись решения, которые сохранили мир. Конец света, казалось, неотвратимый, не состоялся.

Верующий вы человек или не верующий, вы не найдете изъяна в сути этого рассуждения: сохранение человечества зависит прежде всего от него самого. От наших народов, наших вождей, которых мы выдвигаем, от нашей способности контролировать их действия. И чуть ли не важнее всего — от нашего отношения друг к другу, независимо от того, в чем мы различаемся, от гражданской позиции больших и малых сообществ, от осознания безальтернативности позитивного взаимодействия.

Кажется, что развитие позитивных контактов между народами не только на уровне государственных людей, которых называют политическими элитами, а на всех уровнях гражданского общества, и неформальных организаций, созданных «сверху», теми же правительственными элитами, а именно институтов гражданского общества, основанных прежде всего путем самоорганизации граждан, могло бы сближать народы, нации, расы, даже религиозные структуры. Но вот именно здесь-то мы попадаем в плен иллюзий.

Эрнест Геллнер, крупнейший исследователь проблем гражданского общества свою книгу «Условия свободы», вышедшую в 1990 году, открывает такими словами: «В последние десятилетия мы стали свидетелями рождения (или возрождения) идеала гражданского общества. Прежде понятие гражданского общества занимало разве что историков философии, интересующихся, например, Локком или Гегелем. Оно не вызывало широкого резонанса, не будило живого

отклика. Наоборот, казалось, что понятие это покрыто пылью. И вдруг его извлекли почти из небытия, очистили и превратили в сияющую, надраенную до блеска эмблему». Автор говорил это в самом начале наших известных реформ. Скажу сразу главное, пока без размышления и доказательств: теперь, в наше время, не стало ли это понятие мощнейшей иллюзией или утопией?

Давно уже сказано, что утопии движут миром. Они вдохновляют, скажем, массы людей, бросающихся вслед за вождями в пучину революций, в которые верят, надеясь, что они приведут к лучшей жизни, к сияющим высотам счастья. Но разве французы ступили бы на этот путь, если бы знали, какие реки крови прольются от гильотин? Разве наш народ пошел бы за большевиками, если бы представлял огромные жертвы Гражданской войны, а после — сталинскую тиранию и череду тоталитарных правителей? Людьями двигал идеал счастья, представление о счастливейшем обществе. Но реальность почти неизбежно оказывается далекой от идеала.

Насколько идея гражданского общества способна поддерживать равновесное состояние в социуме, обеспечивать его стабильное развитие?

Определяя понятие гражданского общества, Геллнер пишет, что «это та совокупность различных неправительственных институтов, достаточно сильных, чтобы служить противовесом государству и, не мешая ему выполнять роль миротворца и арбитра между основными группами интересов, сдерживать его стремление к доминированию и атомизацию остального общества»**. Но формированию таких институтов препятствует множество обстоятельств. Это сегментирован-

ность общества, то есть образование внутри его неких кланов, скажем, на основе национальной обособленности или религиозных традиций, социумов, почти не взаимодействующих между собой. Либо, напротив, как бы слияние «верхов» и «низов», подчинение первыми вторых, основанное на той же религиозной основе, как, например, в исламских государствах. Мешает централизация, «стирающая в порошок все институты второго уровня». Тем более — тенденции авторитаризма. Мешает неравенство, если оно возрастает до беспредела и порождает уже не здоровую конкуренцию, не играет роль стимулятора более эффективной деятельности, а проистекает из социальной несправедливости, дурных, не продуманных законов, и вызывает ненависть к богатым. (Так получилось с приватизацией в России, в результате которой 1% населения владеет более чем 74% национальных богатств — первое место в мире в рейтинге экономического неравенства.) Законы, созданные небрежно либо сознательно в интересах части элиты, игнорируются одной частью общества и вызывают протестные движения другой, а то и «бунт, бессмысленный и беспощадный».

Не наблюдаем ли мы сейчас как раз нарастание конфликтности внутриобщественных отношений буквально по всем этим пунктам во многих странах, включая Россию?

Эрнест Геллнер выделял в этом смысле исламские государства, которых не коснулся, как многие иные страны, процесс секуляризации. В странах, где ислам является основной религией, его власть над людьми не ослабевает, а крепнет. И она одинаково сильна как в элитарных слоях, так и в простом народе. Здесь нет усло-

* Геллнер, Э. *Условия свободы*. М.: МШПИ, 2004. С. 10.

** Там же.

вий для формирования гражданского общества в его традиционном виде, которое контролировало бы и внутреннюю политику страны, и внешнюю. Ислам не однороден, но представители других, в том числе авраамических, религий склонны винить его в противостоянии им и сложившимся, скажем, западным ценностям. Но вот взгляд на проблему с иных позиций: «Запад использовал силу в отношениях с Востоком с тех самых пор, когда эти отношения только зарождались, — пишет государственный деятель Саудовской Аравии. — Практически ничего не изменилось и сегодня: две цивилизации связаны враждой и неприятием друг друга. ...Нет оправдания тому, что Запад, имея дело с Востоком, всегда воспринимал применение силы как правило и средство. Поэтому восточным народам Запад представляется постоянным агрессором»*. Найдется ли историк, который сумеет опровергнуть по меньшей мере то, что было в прошлом? А сегодня острейшие конфликты в странах Ближнего Востока, породившие потоки беженцев в Европу и вызвавшие острейшие проблемы их обустройства, разве не следствие внешнеполитических просчетов Запада?

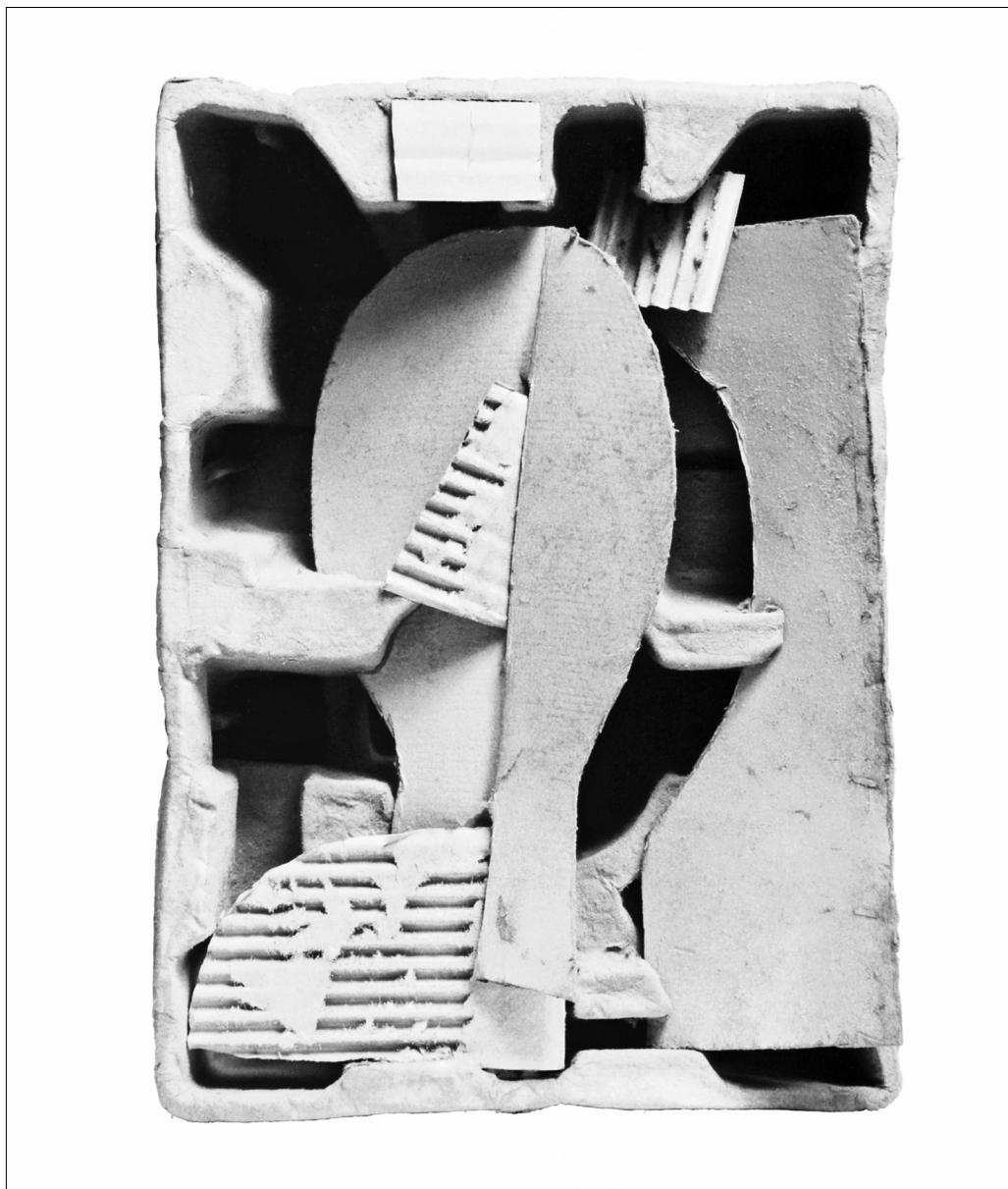
Западный мир сам переживает сложный этап. Не буду перечислять известные факты, но ведь ясно, что Европа, так долго и упорно строившая свое единство, вдруг испытала такие чувствительные удары, как брекзит, проблема Каталонии, отказ тех или иных стран от участия в каких-то союзах, объединениях, от выполнения некоторых общих решений. Глобализация породила как бы своего антипода — национализм, сепаратизм не только в виде политических решений властных органов, но и в народных «низах», в массах, даже бунтарских дей-

ствиях. Время от времени возникают и напряжения в отношениях Европы и США, что ставит под сомнение привычное восприятие понятия «Запад».

Россия, отвергнув коммунистическую идеологию, казалось, должна была стать желанным партнером для западных стран. Но случилось иначе: обострение отношений, санкции (причины — это тема особая), усиление тенденции к изоляции.

Мы, конечно же, европейцы по всем ипостасям, по всей истории прежде всего — как бы ни сложны были отношения между европейскими странами и нашей страной, несмотря на наполеоновские войны, нашествие фашизма и т.д. Ведь до того было нашествие и с Востока, целая эпоха татаро-монгольского доминирования. Но мы теперь стали говорить слишком многозначительно, даже нарочито о повороте России к Востоку. Не только в смысле торговли, экономических связей, но и образования новых, отнюдь не только экономических союзов. Да, в ходе Диалога по сотрудничеству в Азии (Бангкок) российской стороной акцентирована важность обеспечения «синергии деятельности многосторонних форматов в целях строительства в регионе Большой Евразии общего экономического пространства, открытого для всех заинтересованных сторон как на Востоке, так и на Западе». Но все большую роль в качестве международных опор России играют развивающиеся страны Азии, Африки, Южной Америки, которые создают свои формы союзов, стремящихся стать центрами силы. Среди них Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), межконтинентальное сообщество БРИКС, куда входит и Россия. Некоторые страны уже участвуют в сформировавшихся прежде других центрах силы. Это, например,

* Мухаммед Аба аль-Хейль. Эгоизм силы // Россия в реальной политике, т. 1, № 1, январь — март 2003. — С. 102.

Григорий Молчанов. Окно. 2011

Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) или упомянутый и пока еще сравнительно слабый Диалог по сотрудничеству в Азии.

Конечно, скажем, ШОС — организация, имеющая политическую направленность и значительное влияние, не является военным блоком (как, например, НАТО)

или открытым регулярным совещанием по безопасности (как, например, АРФ). Главными задачами ШОС провозглашены укрепление стабильности и безопасности на широком пространстве государств-участников, борьба с терроризмом, сепаратизмом, наркотрафиком, развитие экономического сотрудничества,

энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия. Однако эти связи отчасти составляют противовес традиционным отношениям с Западом — сколько бы ни делалось заявлений, что мы просто сотрудничаем со всеми, кто идет нам навстречу.

Словом, в глобальном масштабе происходит переформатирование системы государственных отношений, своеобразное «перетягивание каната» между различными центрами силы. А надежды на контроль политических элит со стороны гражданского общества во имя безопасности в современном мире, пока по крайней мере, слабы. И хочется завершить этот раздел статьи давним, но актуальным и теперь призывом: «Люди, будьте бдительны!»

Социально-экономическое измерение

Мне кажется важным, как в современном обществе борются идеологии и интересы — как бы отражения духовных и материальных начал, что заложено уже в «ткани универсума», как сказал бы Тейяр де Шарден, и, собственно, в каждом человеке.

Идеологии чаще всего — это утопии, которые движут большими массами людей, наиболее склонных к вере в некие идеалы, может даже к духовности, но и поддающихся, грубо говоря, зомбированию. Там, где побеждают идеологии, появляются вожди и послушные им массы. Это государства с фашистской, коммунистической, теократической основой. Там, где побеждают интересы, правят деньги, что воплощается в деятельности олигархов, транснациональных корпораций, крупных банков. Здесь возникает расслоение граждан по уровню доходов. Неравенство достигает таких значений, когда, как утверждает

Forbes, богатство 1% людей превышает состояние остальных 99% жителей Земли.

«Материалисты», скажем, бизнесмены не просто хотят иметь больше, а наслаждаются главным образом процессом увеличения богатства. Наш известный предприниматель Недорослев в одном из своих интервью рассказал о таком эксперименте: компьютерный томограф фиксировал у бизнесмена свечение отделов мозга, отвечающих за удовольствие, когда он замыслил некий суливший прибыль проект, как у наркомана при употреблении наркотиков. Однако свечение не отмечалось, когда он достиг результата. Это вроде бы плюс «материалистам» — для них «не в деньгах счастье». Однако здесь же и минус: их жажда к обогащению становится порой беспредельной и циничной: наши коррупционеры воруют уже не миллионами, а миллиардами. И только немногие стараются как бы искупить свою вину охотников за деньгами благотворительностью, такие как Билл Гейтс или инвестор Уоррен Баффет. В 2010 году они объявили об инициативе Giving Pledge (Клятва дарения. — *Ред.*), согласно которой обязались передать на благотворительные цели не менее 50% своего состояния. К инициативе присоединились примерно две сотни миллиардеров из нескольких стран, в том числе и России.

Но, говоря о борьбе двух вышеназванных начал, я, конечно, упрощаю ситуацию: ведь не обязательно люди и государства впадают в крайности. В противоборстве различных тенденций складываются реальные общественные отношения, многообразные, сложные, формируются парадигмы общественного устройства, создаются некие конкретные модели экономики и социальных режимов, тесно связанные между собой. Они могут нести в себе противоречивые начала, порой только с преимуществом той или

иной тенденции. Но сейчас, в эру Водолея, возникло нечто особенное — я бы сказал, кризис всех парадигм и моделей экономического и общественного устройства. На последнем заседании Римского клуба в докладе, написанном двумя президентами клуба Эрнстом Вайцеккером и Андерсом Вийкманом, при участии тридцати четырех других членов, было заявлено о неизбежности коренной смены парадигмы развития нашей цивилизации. Жесткая критика капитализма, неприятие финансовых спекуляций, отказ от материализма и упрощенного понимания мира, призыв к альтернативной экономике, «новому Просвещению», духовно-нравственному мировоззрению, единой планетарной гармоничной цивилизации — такова повестка развития, предлагаемая Римским клубом.

Прежде всего — об экономике. Мне уже довелось писать о том, что некоторое время назад, к концу XX века, казалось, что в мировой экономике складывается единая в основном экономическая модель, окрашенная лишь национальной спецификой. Скажем, в послевоенные Германию и Японию американцы привезли нечто главное из своего опыта, а эти страны «переварили» этот опыт в своих национальных котлах. Конечно, заметно отличались, например, китайская и шведская модели экономики, но в Китае со времен Дэн Сяопина начался некий поворот, который сближал строго организованную государственную экономику с рыночной капиталистической экономикой Запада, а в Швеции после ее отката с первого места на шестое по уровню жизни была создана специальная комиссия по пересмотру шведской модели. Гунар Веттерберг, возглавлявший эту комиссию, написал в своей книге, что главное в шведском опыте не сочетание капиталистического производства и социалистического распределения, как

многие считали, а участие народа в государственных институтах. Он цитировал историка Еву Остерберг, которая писала, что с 1500 года крестьяне участвовали в заседаниях риксдага (парламента), «прирастали своими железными задами к скамьям на судебных заседаниях и в приходах»... Ну и, кстати, еще одна точка зрения: шведский же экономист Класс Эклунд заявил, что шведской модели вообще не существовало. Просто деньги, хлынувшие в Европу после войны, направлялись прежде всего в нейтральную Швецию, производство которой не было разрушено, как в других странах.

Сейчас, кажется, все варианты прежних моделей исчерпали себя. Универсальная экономическая модель, ее варианты, обогащенные в разной степени элементами различных концепций — либеральных, консервативных и социалистических, приспособленные уже к национальной почве конкретных стран, вдруг потребовали нового пересмотра. Наука как бы вернулась в пору дискуссий времен первой депрессии в США, в частности между известным либеральным экономистом Фридрихом фон Хайеком, считавшим попытки конструирования социальной реальности с помощью государства «пагубной самонадеянностью человеческого разума», и Джоном Мейнардом Кейнсом, возлагавшим на государство миссию спасения от депрессии и вывода экономики к новым высоким рубежам. И теперь в центре внимания оказался вопрос возможностей саморегулирования рыночной экономики и роли в ней государства. Более того, соответствия экономики и социально-политической стратегии, в конечном итоге — соответствия организации экономики идеям и ценностям населения больших регионов планеты, разнящихся между собой.

Во времена Адама Смита экономическая теория решила положиться на регулируемую роль «невидимой руки» рынка и

отвела государству лишь роль «ночного сторожа», то есть — поддержание порядка и охраны частной собственности. На практике все или почти все государства, начиная с США, с развитием финансового кризиса в начале этого века кинулись спасать свои банки и другие частные структуры путем гигантских денежных вливаний и даже национализировать их. Пересмотр роли государства начался уже тогда, когда обозначилась глобализация экономических процессов, и вместо множества локальных рынков начал формироваться единый мировой рынок. На этом гигантском рынке основными акторами и участниками конкуренции стали не столько отдельные частные фирмы, сколько мощные национальные и международные народно-хозяйственные комплексы, поддерживаемые или скорее возглавляемые государствами. Новое понятие «геоэкономика» все теснее сливалось с понятием «геополитика», и политические средства вошли в арсенал средств воздействия на экономическую, рыночную ситуацию. Сливались и противоборствующие начала — идеологии и интересы.

В это же время магическая формула «Массовое производство — массовое потребление», казалось, обещающая постоянный рост благосостояния людей, обратилась в массовое и необратимое истребление ресурсов планеты. Происходило это в течение длительного времени, но осознано и верно оценено и теперь не до конца. Модель расширенного производства прекрасно обслуживает «золотой миллиард», но как только одна такая страна, как Индия, достигнет заметных результатов в ее освоении, в мире наступит ресурсный коллапс. И сейчас это уже происходит. Процесс глобализации включил Индию и Китай в эту модель, и все увидели «дно».

Потребовались новые технологии, которые стали называть природоподобными,

технологии, основанные на воспроизведении процессов живой природы. Это означает ее сбережение, а вместе с тем уникальные новые возможности в самом широком смысле — в качестве жизни, в медицине, в энергетике и др. Но, поскольку мы вмешиваемся в процесс жизнедеятельности живых организмов, и человека в первую очередь, возникают огромные риски негативных последствий. Среди них — неразличимость технологий двойного применения и злоупотребления этим, поскольку технологии доступны. Например, возможно получить доступ к биологическим объектам, которые могут быть превращены в оружие массового поражения. Скажем, новые лекарства от инсульта открывают возможность целенаправленного воздействия на сознание человека и зомбирование его. В результате существующие методы контроля оказываются недостаточными для нового технологического уклада. Надо думать над созданием сложной международной системы контроля над этими технологиями. Сама нераздельность между технологически развитым обществом и его нравственностью, гуманизмом, экологическим мышлением требует вдумчивого подхода к любым решениям, принимаемым как на уровне государства, так и гражданского общества.

В качестве альтернативы существующему ныне экономическому и общественно-политическому устройству общества члены Римского клуба рассматривают визионерские прозрения Грегори Бейтсона, теорию аутопоэза Умберто Матураны и Франсиско Варелы, «системное видение жизни» Фритьофа Капры и Пьера Луиджи Луизи, феноменологическую «биологию чуда» Андреаса Вебера. Соглашаясь с Капррой, они находят возможным достижение согласия даже между религиозными и научными поисками. В нашей стране идут довольно

Танкреди. Без названия. 1959

жесткие дискуссии между сторонниками разных направлений, разных моделей, даже разных целей экономического развития, и нет какого-то общего, целостного, широко признанного представления о желаемом будущем. Не раз говорилось,

что и в результате развития в течение очередного срока действий вновь избранной власти мы будем иметь «страну, устремленную в будущее». Это напоминает былую шутку о коммунизме: это светлое будущее каждого поколения

советских людей. Но эти дискуссии требуют особого рассмотрения.

Здесь мы подходим к ключевой точке доклада Римского клуба — идее «нового Просвещения», фундаментальной трансформации мышления, результатом которой должно стать целостное мировоззрение. Гуманистическое, но свободное от антропоцентризма, открытое развитию, но ценящее устойчивость и заботящееся о будущем. Наряду с комплементарностью, столпами «нового Просвещения» Римский клуб видит синергию — поиск мудрости, примирение противоположностей и баланс сил. Нынешние форматы международного сотрудничества и глобального управления неэффективны, но те, которые придут на смену, могут быть гораздо лучше. В тексте рассматриваются два перспективных подхода — «Всемирный совет будущего» (*World Future Council*) Якоба фон Икскулля и «Великий переход» (*Great Transition*) Пола Раскина. Второй более амбициозный и имеет конечной целью формирование «единого человечества». На локальном уровне высоко оценивается потенциал прямой демократии и институтов, наподобие Ассамблеи Северной Ирландии*.

Доклад рассматривает несколько альтернативных моделей экономики, разработанных в том числе Джереми Рифкиным, Кристианом Фельбером, Джоном Фуллертоном и Гюнтером Паули. При всех различиях в деталях общая картина сводится к тому, что экономика будущего должна стремиться к устойчивости, а не беспредельному росту и увеличивать общее благо, а не максимизировать частную выгоду. «Круговая» логика заменит линейную — производимые предметы будут адаптированы для ремонта и повторного использования. Даже в сфере

недвижимости на смену эксклюзивному владению придет модель услуги и совместного использования. Об этих моделях чуть позже.

Современное производство потребовало и совершенно иного, чем прежде, работника. Эту новизну хорошо описал в одном из своих выступлений в России Урбан Алин, шведский парламентарий. Прежде, говорил он, люди приезжали в города из сельской местности и стояли у ворот фабрики, убеждая нанимателя: я буду работать за меньшую плату, чем он, мой конкурент. А наниматель сообщал, что сегодня нужно, например, три человека, и выбирал их соответственно цене рабочей силы, то есть самых дешевых работников. Они, работодатель и наемный работник, могли так общаться потому, что на фабрике был конвейер, и легко можно было менять людей на рабочем месте. Сегодня все выглядит иначе. Что в мозгах у человека, какая у него квалификация, опыт — вот что главное. «Знаки-символы», хранящиеся в голове человека, как образно описывал это философ, один из авторов концепции постиндустриального общества Олвин Тоффлер, становятся основным средством производства. Этот капитал уже важнее материального капитала. Поэтому наниматель не может так просто выйти и взять людей, готовых работать за самую низкую зарплату. Например, посадить их за компьютеры, чтобы они подготовили, скажем, программу ядерного реактора. Сегодня сами работники должны быть хорошо подготовлены, чтобы занять свое место в производстве.

По словам Кейт Раворт, оксфордского экономиста и члена Римского клуба, сегодняшние студенты, которые будут определять политику и экономику в 2050

* *Однопалатный законодательный орган Северной Ирландии, состоящий из 78 членов, избираемых прямым голосованием на 4 года. Сформирован в соответствии с референдумом 22.05.1998. Наделен самыми широкими полномочиями для регулирования всех сфер внутренней жизни страны.*

году, учатся идеям из книг 1950-х, которые основаны на теориях 1850-х. Чтобы лучший мир стал реальностью, экономика может и должна функционировать иначе.

Порою наше время называют эпохой искусственного интеллекта, который начнет заменять труд человека. Но ведь сам этот искусственный интеллект может быть создан только вооруженными современнейшими знаниями и умениями учеными, инженерами, рабочими. Успешное развитие экономики, основанной на знаниях, определяют не столько инвестиции и новая техника, как бы важны они ни были, сколько способности, умение, общая культура, добросовестность, духовное и физическое состояние работающего человека. Все эти качества включает современная экономическая наука в понятие человеческого капитала.

Сознают это сегодня политические элиты в странах Запада и Востока? Несомненно. Однако сознают прежде всего как очень непростую проблему.

В России был опыт необычайно быстрой подготовки кадров, потребных для индустриализации страны. Однако в период обратной по отношению к социализму трансформации страны, в те самые годы, когда разваливался Советский Союз, а вместе с ним и сложившаяся экономика, произошла огромная потеря специалистов, высоких профессионалов, не компенсированная до сих пор. Не просто было восполнить утечку научных и инженерных кадров даже тогда, когда этим занялись специально, прежде всего в оборонной промышленности, где еще что-то сохранялось. Ошибочная политика сказалась на качестве образования, структуре подготовки кадров. Появилось

огромное количество юристов, экономистов, менеджеров — в ущерб необходимому обществу инженерам. Дело в том, что инженерные навыки оттачиваются за более длительный период времени, чем в том же менеджменте. Эти знания более уникальны, они привязаны к определенной технологической школе, которая, к примеру, производит ракеты или самолеты. Конструктор по авиационной технике бесполезен как автомобильный техник и т.д. Потребовалось создание таких инновационных центров, как Сколково, сосредоточение разработки инновационных проектов в других научных исследовательских центрах, учебных заведениях, где разработка новых технологий сочетается с обучением кадров для приоритетных отраслей модернизации экономики России — телекоммуникации и космос, биомедицинские технологии, энергетическая эффективность, информационные технологии, а также ядерные технологии.

Исследовательские центры РФ сотрудничают в создании новых технологий и подготовки кадров для современных производств с подобными учреждениями других стран. В России, в Курчатовском институте за последние 5–7 лет создан не имеющий аналогов Центр конвергентных наук и технологий, который построен на базе уникальных мегаустановок синхротронных и нейтронных источников, представляет собой сложный многонаправленный междисциплинарный кластер, в котором работает тысяча молодых людей. Создана система подготовки кадров, создан первый в мире NBIC-факультет* на базе физико-технического института. Сейчас такая же деятельность развернута в Московском и Санкт-Петербургском

* NBIC (NBIC-конвергенция) — от нано-, био-, информационных и когнитивных технологий — гипотетическое ядро 6-го технологического уклада.

университетах. Курчатовский институт предлагает коллегам из других стран участие в подготовке специалистов в этой сфере. Подчеркнем еще один важный момент: огромное число российских специалистов участвует в работе мировых мегапроектов, таких как Большой адронный коллайдер в Церне (примерно тысяча наших). Интенсивная работа в разнообразной форме развертывается сейчас в России с молодыми талантливыми исследователями, изобретателями, новаторами, для этого создаются специальные структуры, выделяются гранты и т.д. Россия стремится создать условия и стимулы для возвращения уехавших ранее специалистов, которые обогатят наш человеческий капитал накопленным богатым опытом. Не все удастся, как хотелось бы, но хорошо, что это делается.

Очень большое значение для нормальной деятельности ученых, изобретателей, всей творческой элиты любой страны имеет внимание к правовому обеспечению сферы интеллектуальной собственности. И вообще проблема формирования человеческого капитала не решается только в сфере профессиональной подготовки кадров и образования, чему мы уделили главное внимание. Оно, конечно, понятно, если правы эксперты, утверждающие, что 70–80% нынешних рабочих мест исчезнет в следующие 20 лет, исчезнет почти такое же число профессий (называлось 60%). Но так или иначе, для формирования необходимого человеческого капитала важны масштабы инвестиций в него. Экономия в выделении средств на образование, науку, культуру, здравоохранение, улучшение жилищных условий и обеспечение полноценного отдыха и досуга людей оборачивается серьезными потерями производительности труда, утратой конкурентоспособности, отставанием в техническом прогрессе. К сожалению, инвестиции в челове-

ский капитал часто приносятся в жертву другим нуждам экономики и государства. Это лишает будущего экономику, которая чем дальше, тем больше зависит от состояния человеческого капитала. Человеческий капитал — проблема для любой страны, и очень непростая.

В докладе Римского клуба обобщаются экспериментальные подходы к управлению, экономике, образованию, общественному развитию, приводятся примеры их успешного претворения в жизнь. Обсуждаемые вопросы включают устойчивое сельское хозяйство, децентрализованную энергетику, регенеративную урбанизацию, «круговую» экономику, реформу финансового сектора, этическое инвестирование и т.д. Однако все размышления и оценки экспертов клуба, все предложения — это лишь разговор о принципах, о том, что желательно воплотить в жизнь. Конкретная модель экономики и соответствующие формы общественных отношений не определяются каким-либо решением каких-либо законодательных или управляющих органов, тем более приказами. Модель складывается стихийно в процессе человеческой деятельности, причем как естественное обобщение опыта многих стран. Узаконивание тех или иных положений, конкретных мер развития экономики в отдельных странах выступает прежде всего как осознанная необходимость. Пожалуй, в понимании этой проблемы и процесса формирования общественных отношений я на стороне Фридриха фон Хайека. Во всяком случае, считается с его взглядами важно. И очень многое для успеха той или иной страны значит своевременное улавливание и учет в управленческой практике той самой необходимости. Только тогда может действительно реализоваться без опасных конфликтов и катастроф вердикт Римского клуба: «Старый Мир обречен. Новый Мир неизбежен!»

*Сергей Большаков,
д.э.н., профессор
Сыктывкарского
государственного
университета им. Питирима
Сорокина*

Национальная и региональная идентичность Республики Польша в условиях глобализации

Существенным фактором формирования идентичности на Европейском континенте является христианство. На протяжении долгих столетий оно выступало как интегрирующая, так и дезинтегрирующая европейский континент сила. Его политическое значение обусловлено центрированностью национальной и региональной идентичности на человеческой личности, идеях французской революции и либерализма, активно отстаивающего примат прав человека.

Исследователи отмечают, что сегодняшние усилия по интеграции европейского континента являются реакцией на процессы глобализации, главные импульсы которой исходят от американского континента: доминирование американской финансово-экономической и военной мощи, экспансия в социально-культурной и духовной сферах. При этом глобальные процессы и перемены не всегда коррелируют с национальными и культурными традициями Европы.

Зачастую процессы унификации, свойственные глобализации, порождают серьезный кризис системы ценностей, норм гуманизма. Глобализация сопровождается вестернизацией национальных, локальных культур Европы, что объясняют обычно утверждением в обществе ключевых ценностей либерализма — плюралистической демократии, прав и свобод человека и гражданина, идеологической свободы государства. В современных обществах все большее значение приобретают прагматические ценности, представления об относительности морали, норм и критериев нарушения закона. Ослабление роли общественных ценностей приводит к снижению социальной значимости общественного мнения; эти процессы активно стимулируют СМИ, которые снижают планку общественной морали и общественных идеалов.

Аксиологические координаты, объединяющие европейский континент, согласно исследованиям польско-

го профессора Александра Ясиньска-Каня, вступают в противоречие с трендами модернизации и формирования индивидуалистической модели человека в современном обществе. Это также противоречит концепции канадского культуролога Маршалла Маклюэна «глобальная деревня», в силу того что процессы глобализации фрагментируют сообщества и утверждают неравенство в современном мире. Британский социолог Зигмунт Бауман в этом контексте говорит о «глокализации» — процессе разнонаправленных и конкурирующих тенденций — глобализации и локализации, то есть конфликте между традиционными локальностями и универсалистскими свойствами глобализма во всех сферах. Или, другими словами, о процессе рестратификации мира как новом векторе иерархии ценностей в условиях стремления различных общественных сил к монополизации свободы любых действий.

В современных обществах все большее значение приобретают прагматические ценности, представления об относительности морали, норм и критериев нарушения закона

Именно поэтому механизмы европейской интеграции призваны контролировать развитие этих процессов, регулировать потенциал свободы. Значительная часть населения стран с протестантской или протестантско-католической этикой предпочитает рациональные ценности, моральный релятивизм, плюрализм политических идей и др., что характеризует индивидуализацию ценностей общества. А. Ходубский пишет, что факторы культурного разнообразия, религиозные различия и исторический опыт в принципе свойствен обществам европейских стран независимо от уровня их социально-экономического развития и степени модернизации политической системы.

Говоря о сохранении значения национального государства, польский юрист Адам Сераковский в свое время писал о готовности умереть за Польшу и за Германию (полагая, что таких гораздо меньше), но считал, что нет никого, кто готов был бы умереть за Европу. И при этом делал различие между немецким народом и французским. Характерные черты первого — рациональность и универсализм, политическая свобода и право, второго — культурно-историческая традиция, солидарность, просвещение — народная «культурная» нация.

К. Гилярек справедливо отмечает, что европейскую интеграцию можно рассматривать как эффективное средство сохранения национальных государств в условиях глобализации. Именно наднациональные институты поддерживают конкурентоспособность национальных экономик в условиях глобализации. Глобализация и сила государственных амбиций имеют общее происхождение. Глобальные потоки финансов, товаров, рабочей силы нуждаются в разнообразии политической карты мира для беспрепятственного передвижения. Поэтому карта мира, выкрашенная в один цвет,

лишила бы глобализацию всякого смысла, так как процесс этот предполагает движение различных потоков между разными национальными государствами — большими и малыми, богатыми и бедными, но так или иначе зависящими друг от друга в силу именно своего своеобразия. Последнее, в свою очередь, в большой степени определяется целой гаммой социокультурных факторов.

К. Квасьневский, рассуждая о процессах формирования национальных государств, также говорит, что именно культурная идентичность принимает коллективную форму, исторически предопределенную факторами социокультурного наследия. Культура — достояние каждого общества и народа, способ сосуществования людей. В условиях глобализации, по словам Ришарда Капусциньского, она выполняет важнейшую функцию — поддержания жизнеспособности национального государства, которое рискует потерять суверенитет.

Польские исследователи постоянно подчеркивают необходимость защиты «национального измерения» среди качеств современного человека, сохранения исторической памяти. Исследование, проведенное Изабеллой Букбарой-Рыльской, продемонстрировало следующую иерархию значимости для поляков места обитания: «мое место проживания», «моя страна», «мой регион», «мир» и только на последнем месте — «Европа». Эти данные коррелируют и с исследованиями по ЕС в целом, согласно которому только 3,2% европейцев идентифицируют себя с Европой, а приоритетом является локальная и лишь потом национальная идентичность. Хотя, по данным И. Букбары-Рыльской, на локальном уровне поляки в значительной степени чувствуют себя «гражданами мира».

В процессе европейской интеграции в Польше сохраняются факторы национальной и региональной самобытности, основанной на культивировании в традиционной национальной культуре привлекательных образцов эмоционального или художественного содержания с помощью средств массовой коммуникации, трансляции в общество ценностей народной культуры. В этой связи уместно упомянуть государственные польские программы «Культурное наследие в регионе» и «Хартия польского регионализма».

Интерпретация наследия Аристотеля и адаптация его к догматам христианства во многом определили вектор развития социального учения католической церкви и в целом европейской социально-политической интеллектуальной традиции. Прямым же идейным вдохновителем концепции субсидиарности является Иоганн Альтузий (1557–1638). Альтузий пересмыслил основные принципы учения Аристотеля и Фомы Аквинского и разработал на их основе собственную концепцию субсидиарно структурированного сообщества.

Следует отметить, что содержательными концептами организации субсидиарного общества, по И. Альтузию, является наличие ценностей, закрепленных в системе нормативно-правовых стандартов консоциации (сообщества), таких как:

- рациональная организация социального целого, различные уровни которой имеют свои собственные цели и полномочия, соотносимые с интересами всей системы;
- вспомогательный характер деятельности вышестоящих уровней консоциации по отношению к нижестоящим;
- партнерство, согласование и гармонизация частных и общественных интересов является содержательной характеристикой взаимоотношений между различными уровнями консоциации;
- солидарное разрешение вопросов, не касающихся сфер непосредственного интереса того или иного уровня системы;
- достижение консенсуса по всем вопросам жизни сообщества как основной механизм урегулирования текущих и возможных конфликтов.

Можно заметить, что отдельные элементы теории субсидиарности Альтузия получили оформление в современной конституционной, политической и правовой традиции Запада. В частности, в наиболее развитом виде идея Альтузия о широких правах частных уровней консоциации (семья, гильдии) нашла применение в моделях всеобщего благоденствия, в концепциях гражданского общества, демократического федерализма, народного суверенитета и др.

Ориентация на максимальную самореализацию человека и игнорирование при этом общезначимых человеческих ценностей — милосердия, солидарности, всеобщего блага — в большей степени соответствуют представлениям о функционировании рынка, а не организации социальной жизни.

Эволюция общества не раз ставила государства, придерживающиеся либеральных принципов, перед дилеммой «солидарность—автономия», что в большинстве случаев приводило их к выбору в пользу одной из альтернатив и дальнейшей выработке соответствующего политического курса.

В Польше традиционно сильны факторы европейской культуры, привнесшей в польскую культуру принципы разделения веры и права, что стало основой для появления плюрализма в обществе, дуализма государства и церкви, уважения прав человека. Период Просвещения ознаменовался упадком христианских начал, ростом апологетики рационализма и материализма. Рационализм эпохи Просвещения допускал идею Бога как непроверенную гипотезу, не определяющую судьбы мирового развития. Войны XX века, тоталитарные политические режимы привели европейцев к релятивизму и скептицизму; в этой связи папа Иоанн Павел II говорил о метафизическом кризисе общеевропейской культуры, ее неспособности обеспечивать основную социально-духовную функцию — совершенствование человека и его духовный рост.

Процесс европейской интеграции — это и выражение определенной ответственности за Европу и ее культуру, в частности в ее стремлении к объединению. По мнению П. Мазуркевича именно христианские ценности могут быть фактором общеевропейского объединения. Известно мнение папы Иоанна Павла II о необходимости «новой евангелизации» Европы, ее возвращения к христианским ценностям и корням цивилиза-

ции. Иоанн Павел II ввел понятие «инкультурация», означающее стремление церкви войти в жизнь христианских народов, в их социальные отношения и культуру. Сосуществование веры и культуры должно обеспечивать единство духовной ткани между Священным Писанием и современной культурой, которая разрушается глобализацией. Инкультурация основывается на вполне конкретных формах, исторически сложившихся в процессе взаимодействий различных культур. Современный европеец — человек постхристианского мира, знающий христианство, но не находящий в нем интереса. Именно поэтому Польша традиционно выделяет и старается сохранить свои европейские и христианские ценности, отвергая равнодушие к вере и пребывание вне ее. Задача Церкви — это возвращение к идее солидарности народов, артикуляция национальных интересов (в польской транскрипции). Польский католицизм всегда был тесно связан с национальной идентичностью, Церковь чувствует ответственность за сохранение идентичности, стараясь не допустить растворения польского государства в Европе, но поддерживая активное его участие в общеевропейских процессах интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

- Bauman Z. *Glokalizacja czyli komu globalizacja, a komu lokalizacja* // *Studia socjol.* Warszawa. 1997. № 3. S. 53–69.
- Bukbara-Rylska I. *Swiadomosc kulturalna mieszkancow wsi: od lokalnosci do globalnosci* // *Przeglad humanistyczny.* Warszawa. 2003. № 4. S. 14–28.
- Chodubski A. *Wartosci cywilizacji wspolczesnej a unifikacja I dezynTEGRACJA Europy* // *Unifikacja I roznicowanie sie wspolczesnej Europy.* Warszawa. 2002. S. 16–30.
- Gilarek K. *Europejskie oblicze globalizacji* // *Przeglad sociol.* Lodz. 2003. № 2. S. 71–88.
- Gladkowski K. *Tozsmosc kulturowa spolecznosci lokalnej w warunkach dezynTEGRACJI na przykladzie grupy spolesznej pochodzacej ze Slaska* // *Unifikacja I roznicowanie sie wspolczesnej Europy.* Warszawa. 2002. S. 493–503.
- Kapuscinski R. *Inny w globalnej wiosce* // *Roczniki nauk spol.* Lublin. 2004. T. 35. S. 30–36.
- Mazurkiewicz P. *Kultura. Kosciol w Polsce.* Warszawa. 2001. S. 11–85.
- Лыкошина Л. *Национальная и культурная идентичность поляков в контексте глобализации и европейской интеграции*// *Восточная Европа: национальные культуры в контексте глобализации и интеграции.* М: ИНИОН РАН. 2006. С. 62–76.
- Поллак Д. *Национализм и евроскептицизм в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы*// *Восточная Европа: национальные культуры в контексте глобализации и интеграции.* М.: ИНИОН РАН. 2006. С. 9–18.

Европа после Европы?

Ivan Krastev. *After Europe*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2017. — 120 p.

Болгарин Иван Крастев, один из самых ярких, по-видимому, политических философов современности, написал интересную книгу о том, как чувствует себя Европейский союз сегодня. Точнее говоря, эта работа посвящена не столько дню нынешнему, сколько тому, что может ждать европейцев завтра, ибо текущее состояние уникального интеграционного проекта, запущенного в Европе вскоре после Второй мировой войны, уже оценено автором однозначно: Союз пребывает в глубоком кризисе и даже более того — балансирует на грани распада. Создатели ЕС, говорит Крастев, были уверены в том, что гибель их славного детища даже теоретически невозможна: «С их точки зрения, евроинтеграция была похожа на скоростной поезд — ни остановок, ни заднего хода» (р. 3). Сегодня, однако, над Европой довлеют неуверенность и страх: регион не только утратил некогда центральное место в мировой политике, но и переживает невиданный упадок, в котором «его христианское и просвещенческое наследие оказалось под угрозой» (р. 9). Происходящее ныне в Европе, по мысли автора, очень напоминает состояние СССР накануне его кончины.

В ряду причин, которые ввергли ЕС в жесточайшие испытания на прочность, ключевым оказался миграционный кризис. Хлынувшие в Европу беженцы стали для многих ее обитателей воплощением

самых темных сторон глобализации. Внезапный приход миллионов «чужаков» превратился в серьезный вызов и для либерализма: идеология Просвещения, из которой в конечном счете и вышел европейский объединительный проект, всегда отстаивала универсальные права личности, но обеспечение этой универсальности в мире, пораженном все более вопиющим неравенством, оказалось невозможным. Кроме того, репрессивные режимы вынудили многих граждан постколониальных государств покинуть свою страну, вместо того чтобы пытаться преобразовать ее изнутри. В итоге «кризис, вызванный нашествием беженцев, обусловил вытеснение правозащитного дискурса с

доминирующих позиций в европейской политике» (р. 35). Защита прав человека во всем мире, да и у себя дома, волнует людей Запада гораздо меньше, чем, например, двадцать лет назад.

Это, в свою очередь, повлекло за собой и другие тектонические сдвиги: «Если раньше европейцы считали, что экспорт их политических систем в развивающиеся страны несет с собой стабильность, то теперь они склонны соглашаться с российским президентом Владимиром Путиным в том, что распространение демократии влечет за собой дестабилизацию и хаос» (р. 37). Крастев, конечно, суров, но то, что он говорит, похоже на правду. Потрясения, принесенные беженцами, подтачивают ставшую привычной для Европы толерантность и стимулируют подъем популизма, политически грубого и нетерпимого. Наиболее громким эхом перемены отозвались в рядах молодых членов ЕС — в Восточной Европе. Как раз здесь нетерпимость к мигрантам достигла наивысших отметок, и автор образно поясняет, почему: «Сложившаяся в XIX столетии этническая мозаика Западной Европы была по большей части довольно гармоничной, напоминая благостно-романтические полотна Каспара Давида Фридриха, в то время как ландшафт Центральной Европы походил скорее на экспрессионистские картины Оскара Кокошки» (р. 48). На пространных, где нации и народы традиционно жили вперемешку, а феномен этнической чистки не был чем-то диковинным, возвращение «избыточного» этнического разнообразия, обусловленное многоязыкой толпой пришельцев из Азии и Африки, многим напоминает о беспокойных временах межвоенного периода, о крахе либеральной демократии и спасительном утверждении диктатур. Жители Венгрии, Польши, Словакии и других молодых членов ЕС чувствуют себя обманутыми: со вступлением в Союз они связывали надежды на быстрое экономиче-

ское процветание, но теперь Брюссель вынужден заниматься не ими, а голодными и нищими мигрантами. При этом население самих этих стран сокращается, поскольку их обитатели, подобно африканцам и азиатам, тоже предпочитают приближать наступление личного довольства не «возделыванием собственного сада», а переездом в более развитые регионы ЕС. Согласно прогнозам ООН, сообщает автор, население Болгарии к 2050 году сократится на 27%; а тут еще за дверью толпы гостей, легальных и нелегальных. Поневоле становится страшно — и хочется твердой руки, защищающей как от пришельцев, так и от мягкотелой брюссельской бюрократии. В результате для Болгарии, как и для других членов бывшего «социалистического лагеря», «то, что в 1989 году начиналось как демократическая революция, обернулось демографической контрреволюцией» (р. 52).

Можно ли сочетать все более тесный союз европейских народов с упрочением демократии внутри отдельных стран ЕС? Делать это становится все сложнее, поскольку демократическое волеизъявление сегодня чаще ведет к власти не либералов-космополитов, а националистов-популистов. Например, чтобы спасти евро, европейским институтам пришлось радикально урезать права греческих избирателей, лишив их права корректировать экономический курс собственного государства. За этим скрывается одна из самых тревожных тенденций современной политики: продолжение экономической глобализации, как выясняется, требует сдерживания демократии в отдельных странах. Пытаясь выйти из этого затруднения, политические элиты ЕС стараются по-новому осмыслить демократии и суверенитет, но у них это получается плохо. Итог подобных исканий плачевен: как пишет Крастев, «мы пришли к демократии без выбора, суверенитету без смысла, глобализации без легитимности» (р. 70).

Рой Лихтенштейн. Облако и море. 1964

Как раз эти коллизии и привели к возникновению в Европе демократического антилиберализма, пионерами которого стали Венгрия и Польша. Руководители этих стран оспаривают утвердившееся в ЕС положение вещей, при котором правящая страта либеральной меритократии оказалась фактически независимой от населения собственных стран. В основе популистского вызова, с которым столкнулся сегодня Запад, лежит именно эта проблема. Политики-популисты борются за новую трактовку того, что такое элита и как она обязана себя вести. «Сегодняшних популистов не интересует, как раньше, национализация промышленности, вместо этого они хотят национализировать элиты. Не обещая спасти свой народ, они вместо этого клянутся быть со своим народом до конца. Они стремятся восстановить идеологические и культурные барьеры, сметенные глобализацией. Они хвалят тех своих сограждан, которые не говорят на иностранных языках и не выезжают за рубеж. Короче говоря, популисты сулят избирателям не компетентность, а родственную близость и духовное слияние с ними» (р. 91).

Популистская и антилиберальная революция в Европе только начинается, но автор, как ни странно, остается оптимистом. Где же живительный источник его надежд? Из книги это не вполне ясно; ее заключительный раздел составил всего несколько страниц. Мы никогда не знаем, какие сюрпризы готовит нам судьба, повторяет Крастев вслед за Макиавелли, и потому сдаваться раньше времени не советует. В минувшем году, после референдума в Великобритании, Европа осознала, что немыслимое может случиться, а это заставляет ее мобилизоваться. «Искусство выживания есть искусство постоянной импровизации, — пишет Крастев. — Гибкость, а не жесткость — вот что может спасти Европу» (р. 110). С этой констатацией трудно спорить. Но оправдаются ли светлые упования автора, как и многих миллионов европейцев, можно будет узнать лишь через несколько лет. Пока же нам остается пожелать объединенной Европе удачи.

*Андрей Захаров,
доцент факультета истории,
политологии и права РГГУ*

*Владимир Рыжков,
политик, публицист*

Контрапункт

ЗБИГ: ЛИБЕРАЛЬНЫЙ РЕАЛИСТ

26 мая 2017 года на 90-м году жизни скончался Збигнев Бжезинский. Американская внешняя политика потеряла одного из своих самых влиятельных, блестящих и глубоких аналитиков и стратегов. Бжезинский успел подержать в руках и прочесть первую специально посвященную ему американскую книгу «Збиг: стратегия и искусство Збигнева Бжезинского управлять государством», вышедшую в 2013 году. Книгу собрал из 17 глав, написанных разными авторами, хороший знакомый Бжезинского профессор Школы современных международных исследований им. Пола Нитце при Университете Джонса Хопкинса Чарльз Гати. Теперь эта книга вышла на русском языке: **«Збиг: стратегия и политика Збигнева Бжезинского»** / сост. Чарльз Гати. — М.: Изд-во АСТ, 2017. 384 с.

Книга будет интересна всем, кто занимается и интересуется историей международных отношений, их теорией, историей мировой политики XX века, в особенности историей полувекового глобального противостояния США и СССР в рамках канувшей в Лету холодной войны. Бжезинский был одним из главных идеологов и участников исторического соперничества двух идеологий и систем, непосредственно приложил руку к краху СССР и масштабным изменениям во всем мире после распада восточного советского блока. Ряд его книг еще при жизни стали классическими. Многие из его идей сохраняют и еще долго будут сохранять актуальность.

Сборник текстов, вошедших в книгу, очень хорош. Авторы всесторонне раскрывают основные грани личности и таланта Збига. Первый раздел («Из Лиги плюща») рассказывает про то, как выходец из Польши стал американцем и с ранних лет академической карьеры привлек к себе внимание новаторскими работами о природе советского тоталитаризма и об устройстве советского блока на востоке Европы, который благода-

ря его изысканиям предстал совсем не таким одноцветным и плоским, как до того казалось всем на Западе. Второй раздел подробно рассказывает о том огромном вкладе в американскую внешнюю политику, который Бжезинский внес в годы службы главой Совета по национальной безопасности в администрации президента Джимми Картера (1977–1981). Третья часть книги («Политический проповедник») посвящена ряду важных сюжетов, которыми в разные годы довелось заниматься Бжезинскому и в которых его роль также трудно преувеличить. Среди них содействие декоммунизации родной Польши, контакты с перестроечным СССР, громкая критика военной авантюры США в Ираке в нулевых, глубокая вовлеченность в поиск разрешения арабо-израильского конфликта, особенности стратегического мышления Збига. Наконец, четвертая часть сборника включает в себя портрет Бжезинского, написанный Фрэнсисом Фукуямой, рассказ о нем как о ярком университетском профессоре и автобиографический рассказ самого Збига в откровенной беседе с Чарльзом Гати.

Распространенное аналитическое клише резко противопоставляет двух выдающихся американских профессоров, в разное время определявших американскую внешнюю политику — Генри Киссинджера и Збигнева Бжезинского. Первый является символом внешнеполитического *реализма*, второй — радикального *либерализма*, идущего напролом ради защиты и продвижения по всему миру американских ценностей. Если первый представляется мастером политических компромиссов, то второй — уличным забиякой, не готовым уступить противнику ни пяди американского величия и американской мечты. Книга опровергает такие сильно упрощенные представления. Как убедительно показывают авторы, никакого конфликта (тем более вражды) двух титанов американской внешней политики никогда не было, на протяжении десятилетий они дружески обменивались мнениями и письмами, регулярно встречались в деловой и неформальной обстановке, а их различные позиции по разным вопросам никогда не носили антагонистического характера.

Так, к примеру, по вопросу урегулирования арабо-израильского конфликта, по стратегическому улучшению американо-китайских отношений, необходимости стратегического сдерживания и балансировки Советского Союза и многим другим темам их принципиальные подходы были очень близки. Вопреки устоявшемуся клише, Збиг никогда не выступал за политику достижения внешнеполитических целей США методами продвижения напролом и сломя голову. Напротив, внешняя политика для него была территорией мудрости, здравого смысла, трезвой оценки всех возможных сценариев и их последствий. По словам Чарльза Гати, Бжезинский был либералом во внутренней политике и реалистом-консерватором в международных отношениях. Его громкая критика вторжения президента Буша-младшего в Ирак в 2003 году была связана именно с этим: Збиг рассматривал принятое президентом-республиканцем решение о военной операции против Багдада как фактически необоснованное и чреватое огромными издержками — человеческими, экономическими, репутационными. И оказался в этом совершенно прав.

Джакомо Балла. Коварство войны. 1915

В России за Збиггом закрепились репутация отчаянного ястреба-антикоммуниста. Многие даже прямо обвиняют его, поляка, во врожденной русофобии. Книга опровергает и это клише. Бжезинский действительно был непримиримым противником СССР, коммунизма и советской глобальной экспансии. Но именно он предложил новую, куда более тонкую, стратегию противостояния Западу с красным гигантом. Это была стратегия «сдерживания плюс» путем воплощения его знаменитой идеи «мирного вовлечения». Он рекомендовал, избегая любых прямых столкновений США с СССР, развернуть наступление в первую очередь идеологическое — подвергая критике нарушения прав человека. А также активно действовать в странах Восточной Европы, вовлекая их в различные формы взаимодействия с Западом, умело используя существующие противоречия между ними и СССР, как и внутренние противоречия в этих обществах. СССР наступает на Запад, что ж — Запад должен вступить своими тонкими действиями внутрь самого коммунистического блока, расшатывая его единство. Эта стратегия была принята администрациями Кеннеди, Джонсона и Картера, она оказалась успешной для США и фатальной для СССР. Методы «вовлечения» — создание и поддержка сильной оппозиции коммунистическим режимам, щедрые экономические обещания и обмены в области образования с целью взрастить интеллектуалов, жаждущих возобновления контактов с Западом. Поощрение либерализации, роста политического разнообразия, частичного несогласия с Советским Союзом, поддержка националистических настроений. А еще Бжезинский дал свое определение советскому вторжению в Афганистан, охарактеризовав его Картеру как «русский Вьетнам». И все это в конечном итоге сработало.

Триумфом такой многоуровневой стратегии стал отказ от коммунизма родной для Збига коммунистической Польши. Збиг подготовил исторический визит Картера в 1977 году в Варшаву и дружил с первым польским папой Ионанном Павлом II (Каролом Войтылой). Он считал чрезвычайно важной работу на соцлагерь радиостанции «Свободная Европа». По его инициативе между Белым домом и Ватиканом была создана прямая горячая линия, которая не простаивала без дела. В июне 1979-го состоялось триумфальное возвращение папы в Польшу. Его знаменитая речь с призывом «Не бойтесь!» кардинально изменила атмосферу в польском обществе, дала толчок небывалому подъему национальных чувств и сопротивлению советскому господству. Лех Валенса и его профсоюз «Солидарность» захватили власть над умами миллионов поляков. Введение военного положения генералом Ярузельским в декабре 1981 года вовсе не обескуражило Збига. Напротив, он увидел в этом предвестие скорого краха советской империи, которая рухнет под ударами национализма на востоке Европы и в самом СССР. В 1985 году Бжезинский встретился в Нью-Йорке с генералом Ярузельским и предостерег его от провоцирования вмешательства СССР в польские дела, так как это могло разгромить не только польское государство, но и поставить крест на многообещающей перестройке Горбачева в самом Советском Союзе. Он считал именно эволюционное развитие событий наилучшей стратегией разрушения коммунизма изнутри, и вновь не ошибся.

Итогом драматических изменений в Польше в 1980-е годы стал круглый стол власти и оппозиции в Варшаве весной 1989 года, закончившийся мирным переходом от коммунистической диктатуры к демократии — первым в истории. И Бжезинский сыграл в этом важную стратегическую и практическую роль.

С самого начала главным предметом человеческого и научного интереса Збига был Советский Союз. Его докторская диссертация в Гарварде была посвящена сталинским репрессиям (работа «Большая чистка», 1953 год). Вторая книга, совместно с Карлом Фридрихом — «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956) давала классический анализ природы тоталитаризма и его отличий от авторитарного строя. В 1961 году Бжезинский опубликовал свою статью «Природа советской системы», в которой дал стратегический прогноз судьбы СССР. Он отверг возможность *качественной трансформации* тоталитарной советской системы (как демократической, так и технократической) и утвердил тезис о ее *постепенной эрозии* (без качественных изменений самой природы режима). Эта оценка также оказалось верной. В конце 1960-х Збиг видел будущее советской системы как бюрократический застой и разложение, прогрессирующую потерю эффективности. А после краха коммунизма самым вероятным сценарием видел *«достаточно уверенную идеологически-националистическую реакцию, основанную на коалиции тайной полиции, военных и идеологически настроенного комплекса тяжелой промышленности»* (1969).

Настаивая на том, что советский режим обречен на разложение (а не на позитивную трансформацию), Бжезинский был одним из немногих, кто

указывал на *национальный вопрос* в СССР как на один из ключевых факторов, порождающих системные проблемы для существования СССР. Он писал, например: «честно говоря, я не представляю, как центральные власти СССР смогут избежать длительного периода действительно сложных отношений с нерусскими национальностями». Вторым слабым местом СССР была экономика. В нашумевшей книге 1970 года «Между двух эпох: роль Америки в технотронную эру» Бжезинский обратил внимание на то, что омертвевшая советская политическая система обусловила стратегическое отставание Советского Союза в экономике и технологиях, особенно в сельском хозяйстве и отраслях технотронной эры (компьютеры, транзисторы, лазеры, импульсная техника, пластики, методы управления, трудовые отношения, психология, социология, экономическая теория и системный анализ). В целом он описывал советскую систему как удушающую инновации и неспособную конкурировать с более гибким и продуктивным Западом. Бжезинский предложил пять сценариев развития СССР, в том числе продуктивный плюралистический — когда в руководстве КПСС допускались бы разные точки зрения и критические взгляды (этим путем пойдет позже Китай при Дэн Сяопине). Но в итоге реализовался другой вариант — постепенное разложение и политический распад власти партии и самого СССР.

Вершиной карьеры Бжезинского как политика и стратега стала работа главой Совета по национальной безопасности в администрации Джими Картера. Парадоксально, что в массовом сознании Картер остался как слабый президент (по сути дела, из-за одной-единственной неудачи — провала операции по освобождению американских заложников в Тегеране после прихода к власти исламистов аятоллы Хомейни). На самом же деле во внешней политике администрация Картера стала одной из самых продуктивных и успешных в XX веке, и Збиг внес большой личный вклад в этот успех. Как пишет в предисловии к книге сам президент Картер, каждое рабочее утро начиналось для него с доклада Бжезинского о положении дел в мире. Еще до инаугурации президента Збиг составил для него внешнеполитическую повестку президентства из 10 главных пунктов. И практически вся она была успешно выполнена. Всего лишь за четырехлетний срок удалось подписать договор о передаче Панамского канала, договор ОСВ-2 с СССР, восстановить полноценные дипломатические отношения с Пекином, подписать исторические Кэмп-Дэвидские соглашения 1978 года между Израилем и Египтом, сформировать новую военную и ядерную доктрину США. В конце своего срока Картер успел еще и жестко отреагировать на вторжение Советского Союза в Афганистан, заложив основу для стратегии поддержки моджахедов и Пакистана для последующих администраций.

Бжезинского не раз обвиняли в том, что именно он стоял у истоков радикального вооруженного исламизма, выросшего со временем в «Талибан», «Аль-Каиду» и ИГИЛ (запрещенные в России), что он неизменно отвергал. По его мнению, история американской помощи врагам СССР в Афганистане и все, что последовало после, — совершенно разные процес-

сы, которые ни в коем случае нельзя смешивать в одну кучу. Такого же мнения придерживался и крупнейший российский специалист по региону Георгий Мирский.

При этом Бжезинский определенно разделяет и признает ответственность за расширение НАТО и ЕС на восток после окончания холодной войны. В его картине мира это был естественный процесс возвращения в Европу европейских народов, помимо своей воли втянутых в орбиту советского доминирования в 1945 году, результат их свободного демократического выбора. Особенную важность Збиг придавал независимости Украины — по его мнению, потеряв контроль над Украиной, Россия никогда уже не сможет возродиться как империя. При этом Бжезинский прилагал усилия, чтобы остановить катастрофическую эскалацию конфликта Москвы и Киева в начале 2014 года — в частности, он предлагал гарантировать территориальную целостность и суверенитет Украины путем закрепления нейтрального статуса этого государства.

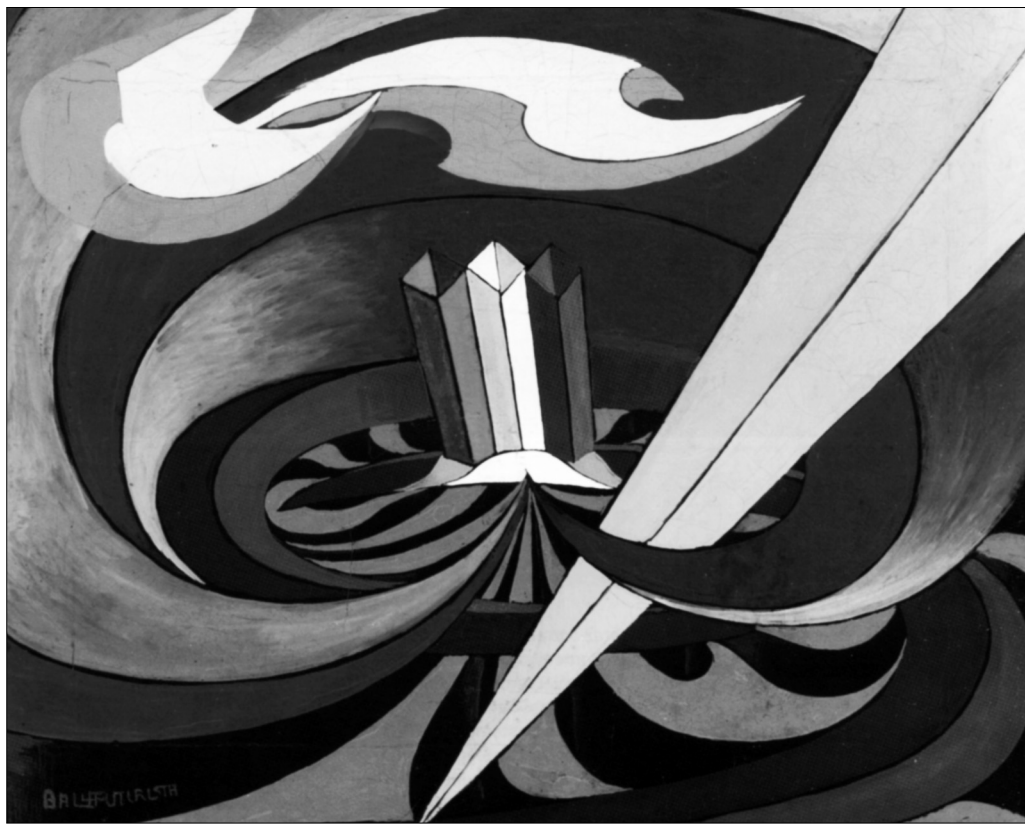
В одной из последних своих статей Бжезинский выделил три главные военно-политические силы в мире — США, Китай и Россию. И призвал их выстроить стратегические «тройственные отношения» с целью поиска эффективных путей решения кризисов на Ближнем Востоке, поддержке стабильности в Тихом океане, кризиса вокруг Северной Кореи и в перспективе — по большинству глобальных проблем. В этом он видел свой долг стратега — человека, знающего, что не только действия, но и бездействие влечет за собой самые серьезные последствия.

Как хорошо показывает книга, Америка многим обязана Бжезинскому в формулировании и достижении своих стратегических внешнеполитических целей. Также его судьба — важный пример равенства возможностей — когда польский эмигрант достигает вершин властной пирамиды и участвует в повседневном формировании политики ядерной сверхдержавы (другим таким выдающимся эмигрантом является немец и баварец Генри Киссинджер). Наконец, огромные достижения и влияние Збига могут быть вдохновляющим примером не только верности убеждениям и интеллектуальной смелости, но и продуктивности привлечения крупных ученых-интеллектуалов к формированию и осуществлению государственной политики, ее идейному и медийному продвижению во всем мире. Этот успешный опыт мог бы быть далеко не бесполезным и для России.

Россия и Украина — возможна ли общая историческая правда?

Реализма — либерального как у Бжезинского, антилиберального, любого — вот чего абсолютно не хватает современным отношениям России и Украины. 12 апреля 2014 года, после присоединения Крыма к России и на фоне начала эскалации на востоке Украины, Бжезинский написал в

Джакомо Балла. Патриотический гимн на площади Сьены. 1915

своем Twitter: «Поздравляю Путина. Никому еще прежде не удалось превратить 40 миллионов украинцев в антирусских». Трагический разрыв двух православных народов, случившийся весной того года и превративший два прежде самых близких исторически, культурно, религиозно общества в злейших врагов, с тех пор не только не пошел на спад, но, напротив, только усугубляется.

Сразу после распада СССР в 1991 году (ставшего, как и предполагал Збиг, результатом деградации косной советской системы и всплеска национализма в бывших советских республиках) Россия и Украина принялись строить свою новую национальную идентичность. Важнейшим компонентом этого национально-государственного строительства стало создание нового исторического нарратива, формирование свежего символического пантеона национальных героев.

Россия за минувшие четверть века пришла в целом к незначительной модификации советского исторического нарратива — с теми же главными сюжетами и героями (великая Революция, великая Победа, великая индустриализация, прорыв в космос, великая глобальная держава, альтернатива Западу). Дополнительно была возвращена в активный оборот история московской и петровской императорской России — с акцентом на православие и святых, на монархический идеал, традиционализм (правосла-

вие, самодержавие, народность), мессианство (Москва — Третий Рим), авторитаризм и «особую российскую цивилизацию». В результате такого во многом искусственного синтеза антагонистические в истории и в принципах идеалы православной и сословной империи Романовых оказались объединены с идеалами безбожного и социалистического СССР. И теперь легко можно увидеть портреты Сталина, Ленина, Дзержинского — рядом с русской православной иконой, портретом последнего императора, цитатой из Александра Третьего (про армию и флот — единственных союзников России). А новый московский памятник святому князю Владимиру освещают сталинские красные кремлевские звезды. Главное, что лежит в основе такого нарочито соединенного российского нарратива — несущие идеи великодержавности, традиционализма, авторитарности и особых, незападных, негражданских ценностей. Восстанавливаются имперские формы управления страной и одновременно — имперская традиция восприятия прошлого, пусть и на гораздо меньшей после распада СССР территории.

Куда сложнее было придумать заново свою историю Украине, которая с середины XVII века входила в состав российского государства. Процесс создания новой национальной истории активно начался там еще в начале 1990-х, продолжается по сей день и в нем с самого начала был заложен значительный потенциал не только противоречий, но и тяжелого конфликта с традиционным (и традиционалистским) российским историческим повествованием. После распада СССР и советского блока по всей Восточной Европе и постсоветскому пространству, как и предвидел Збигнев Бжезинский, произошел подъем национализма, новые независимые государства принялись строить новую национальную идентичность, между ними развязались самые настоящие ожесточенные «войны памяти». «Война памяти» между Россией и Украиной — одна из самых ожесточенных, так как оба государства берут начало в одном источнике (Киевская Русь) и почти 350 лет входили в одно имперское тело Российской империи.

Два аналогичных телепроекта нулевых («Имя России» и «Великие украинцы») показали, что пантеоны национальных героев в целом уже сложились и отличаются для двух соседних народов. Первая пятерка национальных героев России: Александр Невский, Петр Первый, Иосиф Сталин, Александр Пушкин, Петр Столыпин (Ленин — шестой). Пять лидеров украинской истории: Ярослав Мудрый, Николай Амосов, Степан Бандера, Тарас Шевченко, Богдан Хмельницкий. При этом многие из этих ключевых исторических фигур являются конфликтными для исторической памяти россиян и украинцев и трактуются в двух нарративах, порой с диаметрально противоположных позиций. Например, у многих россиян Петр Первый, Сталин, Ленин вызывают положительные ассоциации, для украинцев же все они — почти исключительно отрицательные персонажи. И наоборот — национальные герои Украины Бандера, Петлюра и другие описываются в России исключительно как отрицательные фигуры. А про Богдана Хмельницкого в двух странах пишется совершенно разная история этого деятеля — для России он гет-

ман, который воссоединил Украину с родной для нее Россией, для Украины — «в ходе войны за независимость Хмельницкий заключил временное коалиционное соглашение с царем Алексеем (Романовым), которое долгое время считалось актом присоединения Украины к Московскому государству».

Новая независимая Украина нуждается в составлении своей славной истории и своего пантеона героев и активно занимается этим конструированием истории. Список украинских героев способен немало удивить россиян. Так, в сотне *великих украинцев* по версии издания «Новое время»* нашлось место княгине Ольге, Владимиру Святому, летописцу Нестору, первопечатнику Ивану Федорову, Феофану Прокоповичу, Николаю Гоголю, Илье Мечникову, Владимиру Вернадскому, Ивану Поддубному, Казимиру Малевичу, Игорю Сикорскому, Михаилу Булгакову, конструктору Сергею Королеву — которых россияне считают неотъемлемой частью русской и российской истории, культуры и науки. Маловероятно, чтобы сами Гоголь и Королев мыслили себя как украинский писатель и украинский конструктор космических аппаратов, но воины исторической памяти истово сражаются за то, чтобы приписать каждого из них только к одной, определенной, нации.

После событий 2014 года (драматическая смена власти в Киеве, присоединение Россией Крыма, война на востоке Украины) история политизировалась до самых крайних форм, став орудием военной пропаганды с обеих сторон. Российская власть оправдывает решение по Крыму именем Владимира Святого, который крестился в Херсонесе Таврическом и тем самым сделал для России Крым «сакральным местом». Новая власть в Киеве демонизируется как «нацистская хунта», «бандеровцы», «фашисты». Отложение от Киева востока Украины санкционируется отсылками к веку Екатерины Великой и истории освоения русскими Новороссии. Киев же интерпретирует политику Москвы как неоимперскую, захватническую, агрессивную, поминая деяния все тех же фигур — Петра, Екатерины, Ленина, Сталина и даже Гитлера.

Происходит постоянная возгонка вражды, разногласий, конфронтации: политика ведет к столкновениям государств, история используется для обоснования и углубления политической вражды и разногласий. Украина рисуется в российском историческом дискурсе как своя, родная (Путин все время повторяет, что русские и украинцы — «один народ»), но вставшая на путь предательства, коварства, продажности (Западу), забывшая о своих корнях, ценностях и истинных интересах (разумеется, пророссийских). В Киеве же Россия трактуется как агрессивная реваншистская держава, метрополия, стремящаяся вновь подчинить и захватить Украину — бывшую колонию, навязать демократическому народу Украины царистскую московскую модель власти, отторгнуть природноевропейскую и цивилизованную Украину от Европы, «затащить» ее назад, в дикую азиатчину. Так история становится исключительно инструментом политики

* <http://nv.ua/project/istoria-100-vydayushchikhsya-l.html>

вражды и войны. Россия и Украина демонизируют, расчеловечивают друг друга, закрывают тем самым любые перспективы нормализации отношений, примирения, сотрудничества.

Можно ли в этих трагических обстоятельствах надеяться на историческое примирение, согласие? На создание непротиворечивой общей истории (или хотя бы двух неконфликтных взаимосвязанных и взаимодополняющих историй), на общую (или хотя бы неконфликтную) трактовку одних и тех же исторических событий и персонажей? На примирение и соединение двух исторических нарративов и с помощью этого соединения — на примирение двух исторических памятей и двух братских народов?

При всей сложности и различии политических интенций двух народов (российского — на возрождение великодержавности, украинского — на обретение подлинной независимости) такая задача не кажется неразрешимой. Для ее решения необходимы добрая воля политиков, а также большая и непредвзятая работа профессиональных историков, способных строить исторические повествования на научной основе — то есть без фальсификаций, мифов и антинаучной политизации исторических сюжетов и фактов.

Одной из первых попыток, и очень удачной, является только что вышедшая в Москве книга **«Русско-украинский разговорник: Опыт общей истории»**. — М.: Новое издательство, 2017. 182 с. Автором идеи и вдохновителем проекта стала писатель Людмила Улицкая, составителями — члены совета российского Вольного исторического общества (ВОИ) Анатолий Голубовский и Никита Соколов. Тираж книги невелик, но ее подход и качество материала могут стать прорывом и примером в направлении создания неконфликтного совместного исторического нарратива россиян и украинцев.

Составители выбрали для рассказа об истории девять ключевых фигур российско-украинской истории: князей Владимира Святославовича и Андрея Боголюбского, гетманов Богдана Хмельницкого и Ивана Мазепу, императрицу Екатерину Вторую, коммунистов Владимира Ленина и Иосифа Сталина, двух знаковых украинских националистов XX века Симона Петлюру и Степана Бандеру. Каждому из них посвящена глава в книге. Каждая глава-портрет написана двумя профессиональными историками — украинским и российским. В результате каждая фигура исследована и описана цельным, непротиворечивым с научной точки зрения образом (притом что все выбранные персоны сами по себе были крайне противоречивыми с политической и человеческой точки зрения субъектами). Задача, сформулированная авторами и в полной мере выполненная ими: «представить публике ключевые моменты истории, общие для российского и украинского образов прошлого, ровно в том виде, в каком они предстают с точки зрения строго научного знания, избавленного от домыслов, фантазий и фантомов политической целесообразности».

Атанасио Солдати. Композиция. 1933

По каждому из героев книги авторы-историки последовательно указывают и разоблачают сложившиеся устойчивые фальсификации и мифы (по обе стороны российско-украинской границы), рассказывая читателям о том, как все было на самом деле. Например, о том, что святой князь Владимир не был ни украинцем ни русским (эти концепты появились много веков позже). И крестил он не Русь, а прежде всего себя самого и элиту того времени (свое близкое окружение). И что Киев конца X века был не украинским или русским городом, а одной из самых космополитических столиц Восточной Европы. И что новая религия была поначалу элитарной, а дальше христианство по землям, подконтрольным ослабянтившемуся скандинавскому роду Рюриковичей, постепенно распространяла христианская церковная организация. «Нынешняя Украина и Россия младше церковной организации, основанной при Владимире» — заключают авторы (Игорь Данилевский и Вадим Аристов). Князь не христианизировал Украину или Россию — напротив, это Украина и Россия возникли много позже на уже давно христианизированном восточноевропейском пространстве. Не был Владимир и великим реформатором, так как ему нечего было «реформировать». Он был создателем — как церковной организации, так и государственно-пространственной организации Киевской Руси.

Подобная демифологизация, отбрасывание совершенно некорректных антиисторических привязок и допущений производится и по прочим героям книги. Например, Ленин, рисуемый в современном украинском дискурсе абсолютным злодеем (чьи памятники подвергаются массовому «ленинопаду»), был тем политиком, который не только разгромил первую украинскую республику, но и тем, кто признавал право Украины на независимость, а после признал и утвердил границы «большой» Советской Украины в составе СССР, с включением в ее состав Новороссии и Слободжанщины (то есть в том числе Донецка и Луганска). И стал тем самым, как ни парадоксально, одним из отцов-основателей нынешней «большой» независимой Украины. Более того, наделив союзным статусом Украину и предоставив ей широкие федеративные полномочия, поддержав становление и развитие украинской национальной культуры в рамках СССР, Ленин тем самым заложил предпосылки будущего национального подъема и национального самоопределения украинской нации, которая вызревала и вызрела именно в советский период. «Ленинская модель союзного государства обеспечила сохранение Украинской республики как равноправного с Россией преемника Российской империи. Вопреки собственному желанию этим он обеспечил возможность в будущем провозгласить независимость Украины».

«Войны памяти» можно и нужно возможно скорее прекращать как крайне опасные для государственной и международной стабильности новых независимых восточноевропейских государств (включая и Россию). К счастью, накоплен некоторый положительный опыт по обсуждению сложных исторических вопросов и написанию «общих историй». Например, с 2002 года работает российско-польская группа по сложным вопросам во главе с Анатолием Торкуновым (ректором МГИМО) и Адамом Ротфельдом (бывшим министром иностранных дел Польши). С трудом, но работает российско-латвийская комиссия историков. Собирается российско-литовская комиссия. Была создана и подобная российско-украинская комиссия, но она прекратила свою деятельность с декабря 2013 года — в дни событий на киевском Майдане.

Между тем Россия и Украина для восстановления и нормализации отношений нуждаются в реконструкции общей истории, в том числе и в совместной работе над учебниками истории для школ и вузов. В совместном, основанном на научных знаниях, а не на политизированных исторических мифах рассказе о Киевской Руси, о христианизации восточнославянских земель, о расширении Московского государства, об истории императорской и Советской России, о Первой и Второй мировых войнах, о голодоморе 1930-х, о зарождении украинской идеи в XIX веке и ее развитии в веке XX — и о еще десятках и сотнях сюжетов общей истории. Политический и научный реализм — вот лучшая почва для примирения и близкого сотрудничества двух неразрывно связанных общей историей народов.

Русская революция 1917 года для нашей страны и мира: взгляд сто лет спустя*

Авторы доклада:

Василий Жарков, кандидат исторических наук

Андрей Захаров, кандидат философских наук

Андрей Рябов, кандидат исторических наук

Марк Симон, кандидат политических наук

Введение

В мировой истории не так много событий, подобных Русской революции, роль и значение которых не только вызывают противоречивые и зачастую противоположные оценки, но до сих пор используются в борьбе разных политических сил и идеологий. Для этого есть веские основания. Революция 1917 года провозгласила своей целью освобождение людей от гнета самодержавной власти и отношений неравенства, однако в результате возникло советское тоталитарное государство, подавлявшее личность и ее права, враждебное самой идее свободы. Советские люди получили массовый доступ к образованию, современным знаниям, но при этом запрещалась любая не санкционированная сверху гражданская инициатива и жестоко преследовалось инакомыслие.

Не менее противоречивым было международное влияние революции и советского проекта. Перед лицом этого вызова капиталистический мир начал меняться, был вынужден более широко учитывать интересы и запросы массовых слоев

населения. Пример и поддержка со стороны Советского Союза стали мощным стимулом для народов колониальных и полуколониальных стран в их борьбе за национальное и социальное освобождение. Но советская социально-экономическая система в конечном счете оказалась неконкурентоспособной: она не смогла обеспечить поступательный социальный и научно-технический прогресс и потерпела поражение в историческом соревновании с мировым капитализмом.

Хотя констатация этих очевидных противоречий многих заставляет усомниться в том, можно ли рассматривать Русскую революцию 1917 года как целостный феномен мировой истории, задача постижения смысла, последствий и уроков революции не теряет своего значения и актуальности.

Чем же она была — неудачной, тупиковой попыткой улучшить человеческое общество или перспективным проектом, цели и способы реализации которого не были до конца ясны самим его инициаторам и лидерам? Какие исторические результаты и следствия Русской революции продолжают и сегодня оказывать

* Под редакцией Андрея Захарова, Ольги Здравомысловой, Андрея Рябова. — М.: Горбачев-фонд, 2017.

влияние на Россию и мир, а что навсегда осталось в ушедшем XX столетии?

Сложность этих вопросов для наших современников не в последнюю очередь связана с тем, что восприятие Русской революции 1917 года, как среди политиков, так и в массовом сознании, до сих пор находится под сильным влиянием господствовавших в советскую эпоху представлений. В соответствии с ними считалось, что революция открыла России неограниченные возможности развития, обеспечила ей перспективу превращения в ведущую державу мира — кардинальным образом изменила основы человеческой цивилизации и направление ее дальнейшей эволюции.

Неоднозначные итоги и внутренние противоречия революции 1917 года

Россия вступила в капиталистическую эпоху примерно тогда же, когда и другие европейские государства. Однако ее относительная географическая удаленность от ядра развития капитализма и наличие значительных внутренних ресурсов долгое время позволяли сохранять сложившуюся военно-феодальную структуру, которая сдерживала капиталистическую трансформацию экономики и модернизацию государства. Это предопределило простой — «охранительный» — ответ на внешние вызовы. На европейские революции русская монархия отвечала «закручиванием гаек» в стране. Периодически властями инициировались «реформы сверху», но столь же периодически, как только становилось ясно, что реформирование невозможно без изменения наличного внутреннего политико-правового и социального порядка, происходило очередное «подмораживание» сложившейся системы. Так, на протяжении более чем столетия, предшествовавшего революции, рус-

ские охранители всегда брали верх над системными либералами-реформаторами и фактически заблокировали эволюционный путь развития страны в направлении социально-экономической и политической модернизации.

Между тем в недрах империи и на уровне общества, по меньшей мере начиная с Александра Герцена, вызревал другой ответ, сочетавший в себе идею особого пути и идею социализма. Он воплотился в идеологии и практике революционного движения, в становлении и развитии которого важнейшую роль сыграла русская интеллигенция. В условиях жесткого противостояния российского абсолютистского государства любым попыткам системных социально-политических изменений именно революционное движение стало претендовать на роль главного субъекта назревших перемен. Это в значительной мере приблизило перспективу революции.

К 1917 году, прежде всего из-за Первой мировой войны, царская Россия была поставлена в трудную, по сути тупиковую, ситуацию. Продолжение военных действий грозило внутренней катастрофой, а выход из войны означал потерю статуса участника «концерта великих держав». Не справившись с грузом военных поражений и не сумев противостоять нарастающему давлению со стороны оппозиционных либеральных кругов и забастовочного движения рабочих, монархия Романовых рухнула в феврале 1917 года.

Но Русская революция произошла в стране со слабой экономикой и неразвитыми гражданскими институтами, почти не имевшей опыта демократии и сотрудничества классов, в обществе с сильнейшим социальным и культурным расслоением, где даже в среде интеллигенции, как писали еще авторы сборника «Вехи», идеи Просвещения были усвоены поверхностно и неполно. Горячо восприняв

просвещенческие идеи прогрессизма и универсализма, русская интеллигенция увлеклась главным образом вольтеровской линией в этом мощном идейно-философском течении, отводившей первейшее место в деле улучшения социального порядка — формированию Нового Человека. При этом другой традиции Просвещения, сосредоточенной на развитии институтов и концепции естественных прав человека, не уделялось должного внимания.

Если европейские общества шли по пути постепенного совершенствования конкурентных систем капитализма в своих странах, то в преимущественно аграрной и военно-феодальной России представители европеизированных слоев вынашивали идеи разрушения «до основания» архаичного фундамента империи и последующей реализации абстрактных планов построения справедливого общества, отличного как от царизма, так и западных либеральных демократий. Это во многом предопределило характерное для российской политической культуры сочетание утопизма и радикализма, определившее дух Русской революции 1917 года.

Хотя в постсоветской России распространена точка зрения, согласно которой после свержения царской монархии перед страной открылось множество альтернатив, а победа большевиков явилась результатом почти случайного совпадения многих факторов, в реальности коридор возможностей на пути от Февраля к Октябрю 1917 года не был широк. Для реализации либерально-демократической и тем более социал-демократической повестки в стране не существовало ни институциональных условий, ни культурных оснований, ни сформировавшихся политических сил.

Представители правящего класса Российской империи ни в период с фев-

раля по октябрь 1917 года, ни позже, в годы Гражданской войны, не смогли выработать адекватный ответ на проблемы, вызвавшие революцию. Они были тесно связаны с государственной империей Романовых и не имели опыта самостоятельного управления страной. Лишившись опоры на монархию с ее огромным бюрократическим аппаратом, они не сумели выработать новых, привлекательных для большей части общества политических идей и не обладали способностью к социальным компромиссам.

К началу революции в стране не было ни одной социальной группы или класса, включая и промышленный пролетариат, которые были бы заинтересованы в утверждении политического порядка, основанного на уравниловке, административном принуждении и огосударствлении собственности. Среди массовых слоев российского общества доминировал запрос на глубокие социальные реформы — прежде всего в сфере аграрных и трудовых отношений, включая, например, наделение землей крестьян и введение восьмичасового рабочего дня для рабочих. Для образованных слоев населения приоритетное значение имел переход к парламентскому строю и разделению властей. Таким образом, существовал запрос на демократический, социально ориентированный капитализм. В этом смысле Россия ничем не отличалась от других стран Европы, где также вспыхнули революционные события, — таких как Германия, Финляндия, Венгрия, Словакия. Но революция в России оказалась восприимчивой к большевизму. Это стало возможным благодаря комплексу причин, подробно проанализированному в историографии.

Февральская революция 1917 года разрушила прежний государственный аппарат и в течение нескольких месяцев привела к параличу управления страной.

Россия, по существу, не имела никакого опыта демократического развития, в результате чего массы стали воспринимать появившуюся свободу как вседозволенность. И наконец, огромную роль в социальной и политической жизни страны, несравнимую с другими воюющими государствами, стали играть люмпенизированные слои населения, выбитые из привычных социальных ниш и отношений. Они-то и составили массовую базу реализации большевистского проекта, казавшегося многим авантюрой. Именно благодаря этим обстоятельствам большевистская партия пришла к власти. Захват и удержание власти в такой обстановке были уже делом политической техники и технологий. Успешное решение этих задач большевиками было обусловлено в первую очередь тем, что искусством политической тактики в совершенстве обладали их лидеры, существенно превосходившие конкурентов в организации, умении говорить с массами и манипулировать ими.

Большевикам удалось умело использовать приобретенные огромную популярность политические лозунги — требования мира и скорейшего проведения земельной реформы, которая наделила бы землей десятки миллионов крестьян. На короткой дистанции от февраля к октябрю вопрос о немедленном мире «без аннексий и контрибуций» не просто вошел в российскую политическую повестку, но стал едва ли не главным требованием масс. Что касается вопроса о земле, то он был ключевой проблемой внутривнутриполитического развития страны, начиная с крестьянской реформы 1861 года. Монополизация большевиками популярных лозунгов лишила Временное правительство массовой поддержки и облегчила захват власти большевиками в Октябре.

Мощная социальная динамика, которую вызвала революция, вывела на передний

план неграмотную массу аграрного населения. Превращение ее в реального политического и социального актора существенно снижало модернизационный потенциал изменений, вызванных революцией.

Важнейшей целью, которую провозгласили большевики, придя к власти, было построение общества свободы и социального равенства. Однако по мере того, как складывалась мобилизационная модель административно-распределительного социализма, эти идеалы заменялись установками на полное подчинение граждан страны воле правящей партии и тоталитарного государства. Отчасти это и предопределило неудачу в реализации стратегии большевиков, направленной на формирование Нового Человека, строителя коммунистического общества. Хотя следует признать, что эта цель по определению была нереализуемой. В рамках утвердившейся общественной модели вместо прежнего сословного неравенства, возник новый тип социального неравенства — между управляющим меньшинством и управляемым большинством.

Другой целью большевистского проекта было достижение всеобщей грамотности и создание в России, позднее в Советском Союзе, городского индустриального общества.

В ходе строительства социализма «во враждебном окружении» к этому добавилась еще одна цель: превращение СССР в мощную в военном отношении державу, обладающую передовой оборонной промышленностью. Обе эти цели были в основном реализованы. К середине 1950-х годов в Советском Союзе действительно удалось построить урбанистическое индустриальное общество. Благодаря большому вниманию, которое отводилось приращению естественнонаучных знаний и массовому образованию, в СССР был накоплен значитель-

№ 62.

У К А З Ъ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

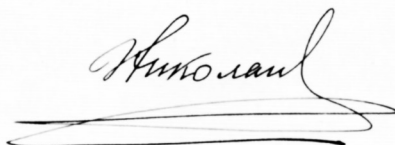
Манифестомъ 17 Октября 1905 года Мы возвѣстили объ осуществленіи Нами законодательной власти въ единеніи съ представителями народа и о дарованіи населенію незыблемыхъ основъ гражданской свободы.

Установивъ новые пути, по которымъ будетъ проявляться Самодержавная власть Всероссійскихъ Монарховъ въ дѣлахъ законодательства, Мы утвердили Манифестомъ 20 Февраля сего года порядокъ участія выборныхъ отъ народа въ сихъ дѣлахъ и опредѣлили временными правилами условія пользованія населеніемъ гражданской свободою.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ укрѣпленія основъ обновляемаго государственнаго строя, Мы повелѣли свести во едино постановленія, имѣющія значеніе Основныхъ Государственныхъ Законовъ, подлежащихъ измѣненію лишь по почину Нашему, и дополнить ихъ положеніями, точнѣе разграничивающими область принадлежащей Намъ нераздѣльно власти верховнаго государственнаго управленія отъ власти законодательной.

Начертанные на сихъ основаніяхъ, по предуказаніямъ Нашимъ, Основные Государственные Законы Мы признали за благо утвердить и препровождаемъ въ Правительствующій Сенатъ для обнародованія ихъ установленнымъ порядкомъ.

Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе.

Въ Царскомъ Селѣ.

23 Апрѣля 1906 года.

АН 68. Служба М. Николая 1906 г. Впервые провозглашены основы гражданских свобод.

Подпись: Указ Николая от 23.04.1906 г. об утверждении новой редакции «Основных государственных законов». Впервые провозглашены основы гражданских свобод.

ный человеческий капитал, необходимый для перехода к следующему, постиндустриальному этапу развития общества. Однако в рамках советской антидемократической политической модели такой переход оказался невозможным.

Таким образом, в силу фундаментальных причин преобразовательные возможности Русской революции 1917 года носили ограниченный характер. Ограниченность была обусловлена периферийным характером Российской империи, дефицитом имеющихся у нее ресурсов для модернизации. Это предопределило как противоречивость дальнейшего политического развития Советской России, так и последствий Русской революции для мира в целом.

Революция как рождение нового политического и социального проекта

Наследуя революциям Нового времени, Русская революция несла в себе пафос радикального разрыва с прошлым в сочетании с идеей публичной свободы. «Свобода» в данном случае подразумевает не просто освобождение от тех или иных форм угнетения, но главным образом формирование принципиально нового качества правления и устройства публичной сферы. Именно это делало «революционными» проекты различных политических сил, принимавших участие как в февральских, так и в октябрьских событиях. История Русской революции, какие бы хронологические рамки ни были заданы этому явлению, в значительной степени представляет собой соперничество таких проектов, каждый из которых очерчивал собственный горизонт социальной утопии. Впрочем, и большевистский проект первоначально не был гомогенным: дискуссии относительно путей переустройства тех или иных сфер жизни

общества не прекращались до начала 1930-х годов, когда они были насильственным образом прекращены Сталиным.

Осознание возможности порвать с устаревшей традицией и обрести чувство новизны — важная черта революций модерна. Учитывая это, представление о революции как об исторически обусловленном «переходе» от «архаики» к «современности» выступает очевидным упрощением. Поэтому целесообразно рассматривать ход Русской революции как комбинацию скорее дискретных, чем непрерывных процессов, событий и курсов, не отрицая при этом их взаимосвязанности, а также имея в виду структурные политико-экономические факторы, способствовавшие усилению одних тенденций и подавлению других.

В политическом плане к началу 1917 года в России не существовало единого революционного проекта. Различные политические силы по-разному представляли путь, который должна была открыть надвигавшаяся революция. С точки зрения либералов, ее задачей было утверждение парламентского строя с ответственным правительством и установление равенства граждан перед законом вне зависимости от их происхождения, социального статуса и имущественного положения. Все это должно было способствовать интеграции в сообщество передовых западных государств, с которыми Россия находилась в одной военной коалиции в годы Первой мировой войны. Социалистические партии — меньшевики и эсеры — рассматривали приближающуюся революцию как точку отсчета для глубоких социальных и демократических реформ, осуществление которых, как им представлялось, создавало почву для движения страны в направлении социализма. Крайне левые — максималисты и анархисты — видели в революции возможность для реализации утопий «трудо-

вой республики», или русского воплощения идеи самоуправляющегося социализма и федерации анархистских коммун. Большеви́стский (ленинский) проект нового общества, как он сложился к 1917 году, выглядел весьма эклектичным. Тем не менее большевики были единственной среди европейских социал-демократов партией, которая в качестве важнейшей практической задачи ставила создание государства диктатуры пролетариата. У европейских социалистов подобные требования существовали в партийных программах, но нигде не рассматривались в качестве ближайших целей практической политики. У народников большевики позаимствовали идею авангардной партии, ведущей рабочих к победе социалистической революции и от имени управляющей новым обществом. Но самое главное заключалось в том, что большевики рассматривали надвигающуюся Русскую революцию лишь как прелюдию к мировой революции.

Владимир Ленин был последователем Карла Маркса в том смысле, что он, как и Маркс, полагал, что социализм можно построить лишь после того, как революция победит в развитых капиталистических странах. Для Ленина Россия была лишь плацдармом, с которого революция должна была начать победоносное шествие и охватить развитые страны.

Большеви́стский проект не оставался неизменным. С момента зарождения до времени превращения его в новый общественный строй в 1930-е годы проект пережил сложную эволюцию. В 1917-м — начале 1918 года он содержал еще много элементов утопии, почерпнутой Лениным у позднего Маркса (отказ от парламентаризма и замена его «республикой Советов», всеобщее вооружение народа, рабочий контроль на производстве). Однако затем в условиях ожесточенной Гражданской войны этот проект трансформировался в мобилизационную мо-

дель государства — военного лагеря с огосударствлением собственности, всеобщим принуждением к труду и сверхцентрализованным распределением. Часть большевиков еще тогда пришла к выводу, что модель, названная «военным коммунизмом», на самом деле, и есть практическое воплощение их проекта. Однако в начале 1920-х годов для окончательного его утверждения на практике у большевиков не было сил. Поэтому в 1920-е годы они были вынуждены пойти на компромисс и создать социальную коалицию с различными общественными слоями, выступавшими за свободу торговли, но «соглашавшимися» на сохранение однопартийного политического режима в стране.

Социальный компромисс 1920-х годов, допуская ограниченный частный инициативу в экономике и определенную свободу творчества в искусстве, был временным, переходным явлением. Принципиально важные изменения, оказавшие, возможно, решающее влияние на судьбу большеви́стского проекта, произошли в начале этого десятилетия. После поражения революции 1919 года в Германии и провального похода Красной армии в Польшу в 1920 году стало понятно, что надежды на мировую революцию не сбылись. Это означало, что строить социализм в России (СССР), стране со средним уровнем промышленного развития и немногочисленным рабочим классом, придется «во враждебном капиталистическом окружении». В таких условиях большеви́стский проект неизбежно утрачивал даже теоретическую перспективу демократического развития: он мог развиваться лишь в рамках мобилизационной модели, в которой причудливым образом переплетались элементы модернизации и контрмодернизации и которая порождала многочисленные противоречия. Не случайно, будучи изначально секулярным и просвещенческим, боль-

шевистский проект в дальнейшем пришел к языческому культу Вождя.

Тем не менее, несмотря на антидемократическую трансформацию, большевистскому проекту удалось в течение долгого времени сохранять эгалитаристскую идеологию первых лет революции. Именно эта идеология помогла ему обрести второе дыхание в период хрущевской оттепели. Ее гуманистическая направленность проявилась в сфере культуры и идеологии, где главной темой стало свободное развитие личности. Однако политический строй и экономическая система остались неизменными — это предопределило поражение оттепели.

Идеи революции 1917 года стали источником вдохновения для политики перестройки, когда во второй половине 1980-х годов руководством СССР во главе с Михаилом Горбачевым была предпринята попытка создания нового общества — «социализма с человеческим лицом». Однако сопротивление закостенелой общественно-политической и социально-экономической советской системы, сложившейся в предшествующие десятилетия, оказалось настолько сильным, что перестройка была насильственно прервана.

В современной России наследие советского проекта по-прежнему является предметом ожесточенных политических дискуссий, особенно когда речь заходит об утраченном статусе сверхдержавы и о социальных гарантиях, которые имели граждане бывшего СССР и которых лишились современные россияне. И хотя сегодня на политической арене страны нет ни одной значимой силы, которая провозглашала бы своей целью возвращение в советское прошлое, на символическом уровне отношение к революции 1917 года по-прежнему остается и, по всей видимости, еще будет оставаться одним из критериев политической идентификации, линией, разделяющей раз-

личные политические силы и приверженцев разных идеологий.

Наследие революции: секуляризация и просвещение

Революция открыла путь к секуляризации общественного сознания и социальной жизни в России. Это было обусловлено тем, что проект социального обновления, который был начат революцией, имел безусловные просвещенческие корни. В данном отношении не столь важно, какому именно направлению российского революционного движения выпало реализовать его на практике. Подобно тому как жирондисты и якобинцы, несмотря на все различия между ними и взаимную неприязнь, были детьми Великой французской революции, все русские социалисты на рубеже XIX–XX веков, независимо от степени их умеренности или радикализма, вдохновлялись идеями и духом Просвещения. Все они считали, что историей движут естественные, а не сверхъестественные силы, что исторический процесс происходит не хаотичным, а закономерным образом, что преуспевание человека выступает целью общественного развития, что общественная жизнь связана с поступательным прогрессом, а не с традиционалистским движением по кругу. Несмотря на свою безудержность и радикализм, большевики тоже разделяли все перечисленные постулаты. Это означает, что, несмотря на несомненные крайности и грандиозные издержки большевистской революции, она развивала в России просвещенческую идеологию. Десятилетия террора и насилия, насаждаемых тоталитарной системой, затушевывают это обстоятельство, но не отменяют его полностью. Благодаря революции в отечественной культуре утвердилась парадигма, согласно которой история — не вдохновляемое

свыше бесконечное воспроизводство одних и тех же реалий, а продукт сознательных человеческих усилий.

Нигде просветительский этос революции 1917 года не проявил себя ярче, чем в секуляризации российской социальной жизни и общественного сознания. Безбожие коммунистов ужасало противников большевизма; но даже среди них многие не могли не признавать, что закоснелый симбиоз официального православия с монархией превратился в один из главных пороков российского политического строя дореволюционной поры. Революция была призвана разрешить ряд застарелых задач, с которыми в течение веков так и не смогло справиться российское общество: одной из них было приведение российской жизни к светским и секулярным нормам, без принятия которых невозможна модернизация. Несмотря на уродливые формы, посредством которых секулярные практики утверждались после захвата власти большевиками, революция заложила основу для превращения России в светское государство. Церковь была решительно отделена от государства, сфера образования освободилась от церковной опеки. Для российского общества это был колоссальный шаг вперед, реализующий потенциал свободной мысли и свободного созидания. В стране в короткий срок произошла настоящая мировоззренческая революция: по-видимому, нигде в мире научное мировоззрение не получало такой поддержки, как в Советской России, поскольку наука считалась универсальным инструментом преодоления любых социальных проблем.

Революция заставила по-новому взглянуть на исторический путь Русской православной церкви. В послереволюционные годы утвердилось считавшееся ранее маргинальным убеждение нескольких поколений русских революционеров, согласно которому главной причиной

распространения неверия и атеизма выступало то, что в царской России церковь превратилась в государственное учреждение, отстаивавшее святость самодержавия и архаичных социальных практик. В отношении к религии Русская революция 1917 года повторила путь Французской революции 1789 года. В этой связи уместно заметить, что в начале XXI века политически поддерживаемая экспансия религии в широкие области социальной жизни выступает одним из проявлений архаизации российского общества.

Рационализация общественного сознания вылилась в масштабные проекты социального планирования: утверждение идеологии Просвещения принесло с собой практику целенаправленного, сознательного, рационального конструирования будущего, то есть появилась новая разновидность утопии. Характерно, что в России утопическое сознание и раньше имело прочные позиции, поскольку традиционная русская крестьянская утопия рисовала картину мира, в котором «сами по себе», воцарятся справедливость и благоденствие. Однако постреволюционный утопизм воздвигался на принципиально ином фундаменте: он генерировал утопию не чувства, а разума, рационально обосновываемую убежденность в том, что мир можно сделать лучше человеческим усилием. Это ощущение давало колоссальный заряд социального творчества. Кроме того, социалистическая утопия была не местнической, а глобальной, и в таком качестве она вписывала Россию в мировую цивилизацию.

В этом смысле роковым для духа революции 1917-го стал отказ от идеи мировой революции и переориентация на строительство социализма в одной отдельно взятой стране. Локализованная утопия превратилась в предмет государственной инженерии и стала воплощением не столько свободы, сколько насилия, а

Советское государство сосредоточилось на «перековке» человека — задаче, решение которой потребовало насаждения мощной тоталитарной системы.

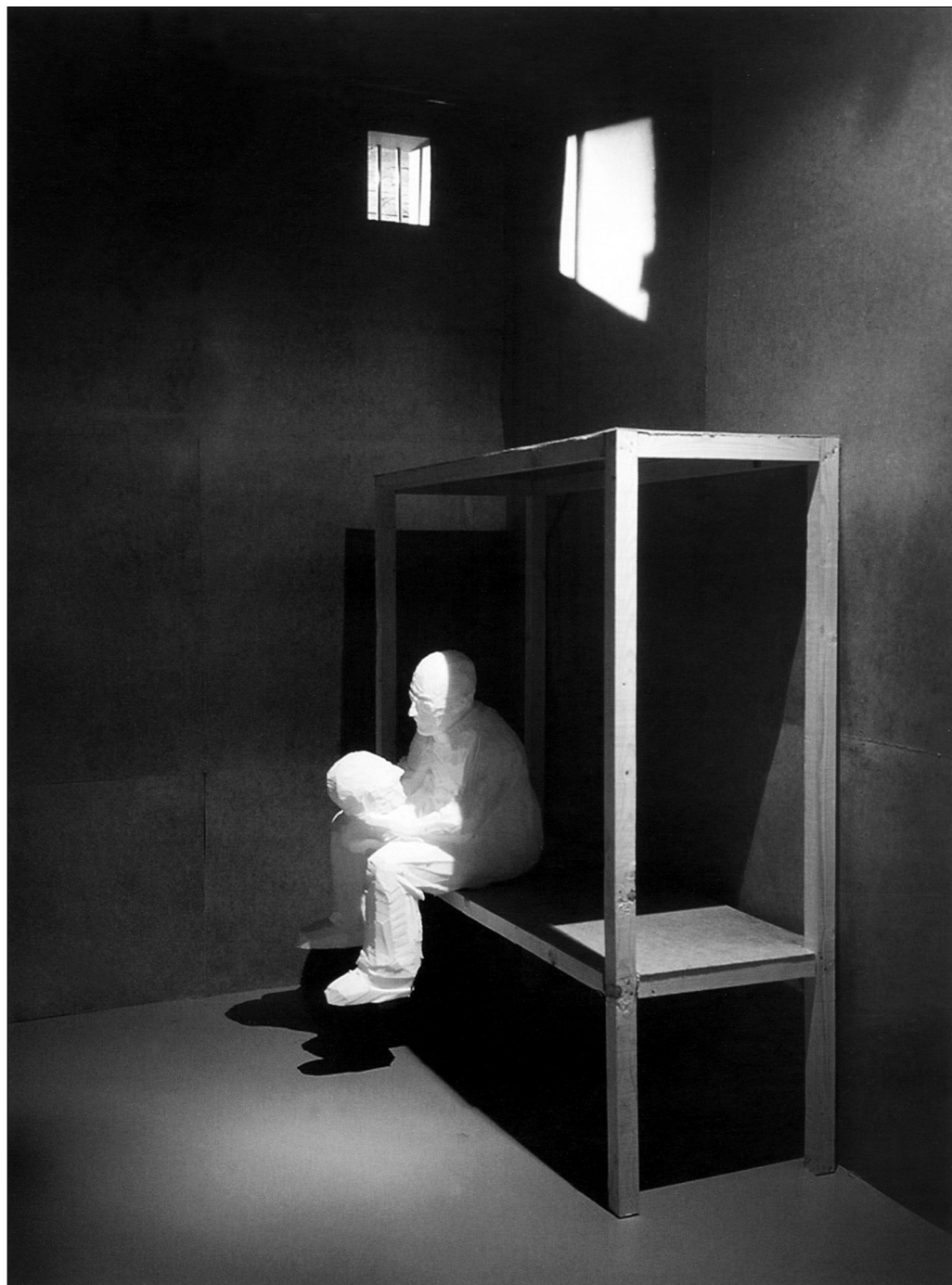
Только на излете советской эпохи был краткий период, когда у просвещенческого наследия появился новый шанс. Перестройка, начавшаяся в середине 1980-х годов, задала новый алгоритм мысли и действия: она вновь напомнила советскому обществу об общечеловеческих ценностях и глобальном мышлении, под эгидой которых, собственно, и начиналось русское революционное обновление начала XX века. Стремление объединить усилия всего человечества ради разрешения принципиально новых проблем, с которыми столкнулся мир, убежденность в том, что разные общества должны руководствоваться одними и теми же, общечеловеческими ценностями, вера в победу разума над стихией иррационального — эти идеи перестроечной поры возрождали конструктивное начало в наследии революции. В конечном счете, мысль о том, что мир должен и будет меняться, ибо перемены, в отличие от застоя, есть нормальное, здоровое явление, в равной мере вдохновляла все революционные эпохи: ни 1789-й, ни 1917-й, ни 1985-й не были здесь исключением. В советской истории революция 1917 года, вдохновлявшаяся Просвещением, сама отступила от просвещенческих идеалов. Но она начала важную духовную работу, позволившую нашему обществу приобщиться к идеям, овладение которыми к тому времени уже стало признаком вхождения в современность. Более того, преодоление большевизма, исторически неизбежное в силу его врожденных пороков, привело российское общество к тому, что вместе с водой было выплеснуто и дитя: сравнивая российское настоящее с «коммунистическим» прошлым, можно обнаружить очевидное отступление от духа Просвещения.

Нынешнее российское общество становится все более архаичным, обскурантистским, косным. Ему все труднее решать встающие перед ним проблемы, оно пытается двигаться в будущее, постоянно апеллируя к прошлому, а это значит, что общество перестает развиваться. Перед современной Россией встают все новые, еще более острые вызовы, и столетний юбилей революции 1917 года — хороший повод задуматься об ответах на эти вызовы.

Наследие революции 1917 года: эмансипация и социальное творчество

Несмотря на то что рожденная в результате победы большевиков Система в политическом плане довольно быстро эволюционировала в антидемократическом, репрессивном направлении, революционный импульс Октября способствовал мощному всплеску проектов социального переустройства многих сфер общественной жизни. Они были тесно связаны с подъемом утопических идей, которым сопровождалась революция Нового времени. В то же время воплощение новых идей зачастую оказывалось тесно переплетенным с традиционными практиками.

С одной стороны, революция инспирировала политическое участие и самоорганизацию, что повлекло за собой появление институтов прямой демократии (комитетов и советов разных уровней). Эти институты, автономия которых, к величайшему сожалению, была крайне недолговременной, тем не менее создали прецедент массового «публичного употребления разума», если говорить в терминах Мишеля Фуко. Революция дала возможность говорить от своего собственного лица тем, чей голос никогда прежде не звучал в публичной сфере.

Сергей Шаховцов. Золотая клетка. 2004

С другой стороны, большевики эффективно использовали мощное «семиотическое оружие» централизованной политики для легитимации своей власти. Это касается не только смены государственной символики (флага, герба и гимна), но и повседневных практик. Старые религиозные ритуалы были трансформированы в новые путем замены знаков. Так, появились октябрины вместо крестин; «красная свадьба», на которой новобрачные садились за стол под портретом Ленина; похоронные гимны были заменены революционными и траурными маршами и гимнами; введение «красного календаря» послужило средством интериоризации революционного духа. Таким образом, утверждение советской системы изначально базировалось не только и не столько на рациональных принципах, сколько на нерелексивных практиках, многие из которых носили квазирелигиозный характер. Формирование ритуальной системы социализации, подчиненной идеологическим догматам, в совокупности с постепенной централизацией власти в руках партийного аппарата, сделало невозможным автономию индивида как в публичной, так и в частной сферах.

Несмотря на большевистский тотальный контроль над процессами эмансипации, с самого начала революции и до конца 1920-х годов во многих сферах имела место стихийная низовая эгалитаризация социальных отношений. Так, вопреки повышенному вниманию большевиков к проблеме «революционной морали», до середины 1920-х годов можно обнаружить множественные примеры манифестации сексуального раскрепощения, гендерного равенства и отказа от «традиционных» форм семейных отношений. Идею гендерного равенства в дизайн одежды приносили такие выдающиеся художники, как Александра Экстер,

Владимир Татлин, Александр Родченко. В 1920-е годы наблюдается существенная демократизация культурных практик. В этом контексте весьма существенным становится антагонизм «богемного» футуризма (с его радикальным отрицанием любых старых форм в искусстве) и Пролеткульта — куда более «консервативного» с точки зрения содержания, но в то же время инновационного по форме явления. Если футуристы будоражили воображение революционной интеллигенции, то Пролеткульт находил больший отклик у пролетариата, в особенности в малых городах.

Идеология Пролеткульта заключалась не только и не столько в изобретении принципиально новых средств выражения, сколько в выстраивании равных отношений между участниками творческих коллективов, а также в преодолении границ между артистом и аудиторией.

Одним из наиболее значительных социальных феноменов 1920-х годов представляется коммунизм, выступавший своего рода «лабораторией» революционной жизни. Коммуны не успели стать массовым явлением, несмотря на стремительный рост их числа после окончания Гражданской войны. Распространение коммун было обусловлено стремлением избавить рабочих (в первую очередь женщин) от гнета бытовых потребностей, высвободив тем самым творческую энергию для самосовершенствования. Несмотря на осторожное отношение правительства к подобным формам самоорганизации, до начала 1930-х годов оно позитивно оценивало роль коммун и материально поддерживало их вплоть до конца первой пятилетки. Вопреки расхожему представлению о безальтернативности траектории развития России после монополизации власти большевиками история 1920-х годов изобилует примерами многообразия проектов будущего. Так, ожесточенные деба-

ты относительно новых форм организации жизненного пространства активно велись архитекторами, планировщиками и экономистами вплоть до 1930 года, когда вышло постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта».

В частности, радикальную альтернативу центростремительному способу организации социальной жизни в 1929 году предложил социолог Михаил Охитович, автор концепции дезурбанизма. Работавший в коллективе архитекторов-конструктивистов под руководством Моисея Гинзбурга, Охитович отрицал идею дома-коммуны, считая, что принудительная близость между людьми препятствует полноценному развитию свободной личности. Вместо модели соцгорода, он помещал в центр своего проекта вытянутые вдоль трасс мобильные жилые ячейки, расположенные среди природы и оснащенные сетью обслуживания. «Горизонтальная» концепция Охитовича, построенная на рассредоточении, ускользании от локусов концентрации капитала и власти, продолжает вдохновлять современных архитекторов.

Период сталинского правления, начиная со второй пятилетки, характеризуется нивелировкой многообразия горизонтов будущего, тотальным доминированием центростремительных процессов над центробежными, «вертикальных» отношений над «горизонтальными». Тем не менее в последующие периоды советской истории обнаруживаются попытки реанимации революционной эстетики 1920-х годов. Советская архитектура, монументальная живопись, скульптура и промышленный дизайн, призванные объективировать утопическое воображение, в конечном счете превращали советские идеалы — труд, научно-технический прогресс, дружбу народов — в часть повседневности. Благодаря присутствию такого рода «повседневности» в жизни

большинства постсоветских городов, пространство бывшего СССР все еще сохраняет признаки общей социетальной культуры.

Так, хрущевский проект массового строительства жилья можно рассматривать не только в виде антипода сталинской «вертикальной» эстетики, но и своего рода исполнением утопического обещания — обеспечить советских граждан отдельными квартирами. Более того, применением советских принципов урбанистического планирования сегодня является отсутствие жесткой социальной сегрегации — разграничения городских кварталов по классовому и/или этническому принципам. В условиях массового иммиграционного притока это обстоятельство выгодно отличает постсоветские мегаполисы от крупнейших городов Западной Европы и Северной Америки. Однако эта часть «советского наследия» выглядит весьма хрупкой и в настоящий период Россия рискует потерять ее из-за превращения бывших общественных благ в частную собственность, а в самое последнее время — из-за политики сноса хрущевок, ведущей к нарушению базовых принципов функционального зонирования городского пространства.

Несмотря на всю противоречивость, опыт революции нельзя свести исключительно к его деструктивной составляющей. Игнорирование низового запроса на социальную справедливость в самых разных сферах, шедшего из толщи массовых слоев, который явился одним из фундаментальных причин революции 1917 года, существенно обедняет анализ ее причин и результатов. Отказ от понимания глубинных социально-политических и культурных факторов, породивших революцию 1917 года, в предельном виде оборачивается многочисленными конспирологическими заблуждениями. Из-за такого игнорирования революция зачастую интерпретируется как заговор экс-

тремистских сил, преследовавших эгоистические цели и к тому же опиравшихся на солидную поддержку извне.

Подлинная трагедия революции заключалась в том, что большинство рожденных ею проектов будущего были в конечном счете исключены из общественной жизни. Присущее большевистскому управленческому мышлению неверие в потенциал самоорганизации общества и порожденное им засилье дисциплинарных техник не только превратили революционные утопии в антиутопию сталинской эпохи, но и продолжают воспроизводиться в нынешних административных практиках.

Наряду с этим революционный утопизм первой четверти XX века является важным наследием русской интеллектуальной жизни века XIX с присущими ей идеалами альтруизма и стремлением к освобождению от любых форм морального унижения. Полностью уничтожить это наследие не удалось даже сталинской репрессивной машине, и именно оно порождало надежды на обновление сначала в период оттепели, а затем — перестройки. Это наследие остается точкой отсчета и для тех, кто в настоящее время ищет альтернативные формы воображения будущего, обращаясь к истории советских 1920-х годов.

Наследие революции 1917 года: влияние на мир

Русская революция 1917 года явилась следствием не только внутренних, но и внешних факторов. Поэтому кризис и крах царской России правомерно рассматривать в ряду аналогичных процессов, одновременно затронувших все континентальные империи европейской периферии. В то же время Русская революция оставила неизгладимый след в истории XX века, оказав огромное влияние на судьбы цивилизации.

Революция в значительной мере предопределила развитие основных тенденций в международной политике, мощно повлияв на эволюцию мирового порядка. Рожденные ею идеи, социальные, политические и культурные практики оказали разноплановое влияние, причем как на развитые государства, составлявшие ядро мирового капитализма, так и на страны мировой периферии. Поэтому правомерно называть Русскую революцию событием всемирно-исторического значения.

К началу XX века Российская империя занимала двойственное положение в системе мирового порядка. С одной стороны, будучи государством, отличавшимся максимальной степенью абсолютизма, сильными феодальными пережитками в аграрном секторе экономики, социальных отношениях и системе права, она в то же время в течение длительного периода демонстрировала удивительную устойчивость как оплот «старого порядка» Европы. С другой стороны, увеличивающийся разрыв с новым европейским мейнстримом, связанный с переходом от абсолютистской модели к либеральным демократиям, недостаточный уровень промышленного и социально-экономического развития по критериям новой, неуклонно развивавшейся системы, демонстрировали все большую отсталость и, как следствие, дефицит могущества Российской империи. Она сама постепенно становилась объектом экспансии капиталов из более развитых стран Европы и США, в результате чего усилилась финансово-экономическая зависимость России от государств ядра мирового капитализма.

Возникло глубокое противоречие между стремлением продолжать территориальную экспансию, которое поддерживали имперские, военно-феодальные структуры, и дефицитом необходимых для этого ресурсов. По сравнению с развитыми

державами Россия не обладала достаточным финансовым капиталом, технологиями, передовыми социальными идеями, необходимыми для обеспечения конкурентных преимуществ в мировой политике и экономике. Поражение России в Русско-японской войне 1904–1905 годов и провал проекта колониального освоения северо-востока Китая (известного под наименованием «Желто-Россия») отчетливо показали пределы имперской политики.

Столкнувшись к началу XX века с нарастанием геополитической напряженности сразу в трех регионах своих стратегических интересов по периметру границ империи — на Балканах, в Средней Азии и на Дальнем Востоке, Россия остро нуждалась в союзниках. Но империя могла предложить им в качестве своего вклада лишь сырье и человеческие ресурсы — миллионы одетых в солдатские шинели крестьян-подданных. Это заранее обрекало Россию на подчиненную роль младшего партнера внутри любой военно-политической коалиции.

Вместе с тем есть основания полагать, что на окончательный выбор России повлияли не только и не столько геополитические факторы. Сама логика системы международных отношений, которая складывалась в условиях развития глобального капитализма, где Россия занимала место европейской периферии, накануне Первой мировой войны подталкивала империю Романовых к выбору в пользу Европы, который в конечном итоге стоил ей существования. Таможенные войны с Германией из-за хлебной торговли, как и потребность в займах и концессиях, предоставляемых в первую очередь Францией и Англией, вели Россию к союзу с «Антантой» жестче, чем мечты о Константинополе, турецких проливах и прочих территориальных притязаниях.

Однако ирония истории состояла в том, что, даже присоединившись к коалиции будущих победителей, Российская империя свою войну проиграла. В этом плане ее постигла участь тех континентальных держав, с которыми она воевала. Австро-Венгрия и Османская Порта распались, не оставив следа на карте мира. Германский «Второй рейх», понеся болезненные и унижительные потери, оказался неспособным реализовать собственную гегемонистскую доктрину «срединной Европы». Крушение петербургской империи Романовых, произошедшее на фоне Первой мировой войны, легко встраивается в этот ряд.

Если сравнить внутренние структуры, то монархия Романовых была значительно ближе к Константинополю, чем к Берлину или Вене. Обеспечив себе роль «пушечного мяса» в сражениях 1915 и 1916 годов, Россия выпала из коалиции из-за слабости и неразвитости государства. Политическая система, далекая от принципов открытости, равенства и состязательности, лишенная сильных гражданских институтов, накрепко связанная с одряхлевшей и неспособной к эволюционным переменам абсолютистской монархией, дала сбой в самый неподходящий для этого момент. Это обернулось не только военной неудачей, но коллапсом всей структуры, сформированной и функционировавшей на протяжении двух предшествующих столетий. Революция 1917 года явилась не только следствием военно-политического и международного фиаско монархии Романовых, но и попыткой ответа на внешнеполитические проблемы, которые та не могла решить. Одной из заслуг революции стало то, что, пожалуй, впервые в мировой истории состояние мира между странами и народами оказалось признанным в качестве общего блага. Это было провозглашено как демократическое требование на национальном

уровне и зафиксировано в конституции нового, рожденного революцией государства. Мир как главная цель и ценность политики — едва ли не важнейший урок 1917 года в России.

Ловушка победившего в Октябре большевизма состояла, однако, в том, что мир как надежда и мольба российских крестьянских масс, равно как и весь большевистский проект строительства коммунизма, не могли осуществиться в свете тех стратегических целей, которые были выдвинуты новой властью. Вожделенный «вечный мир», в ленинском понимании, мог быть установлен

только в результате уничтожения капитализма как мировой системы. Иначе говоря — на руинах той цивилизации, которая к началу XX века уже достигла глобальных масштабов и которой поспешили бросить вызов русские радикальные марксисты. Коммунистическое общество также не могло быть построено в отдельной стране, выпавшей из системы мирового капитализма.

Достижение этих целей неизбежно предполагало большую войну. Не случайно сразу после захвата власти большевистские лидеры стали активно распространять новый политический порядок на всю территорию бывшей Российской империи, видя в этом прообраз будущей всемирной республики Советов. Однако попытка продвинуть большевистский проект в страны Европы потерпела провал уже в 1919–1920 годах. Сторонники Ленина оказались перед неизбежным выбором строительства социализма «в одной отдельно взятой стране», не обладавшей для этого необходимыми экономическими, человеческими, технологическими и культурными ресурсами и испытывавшей дефицит развития. Это

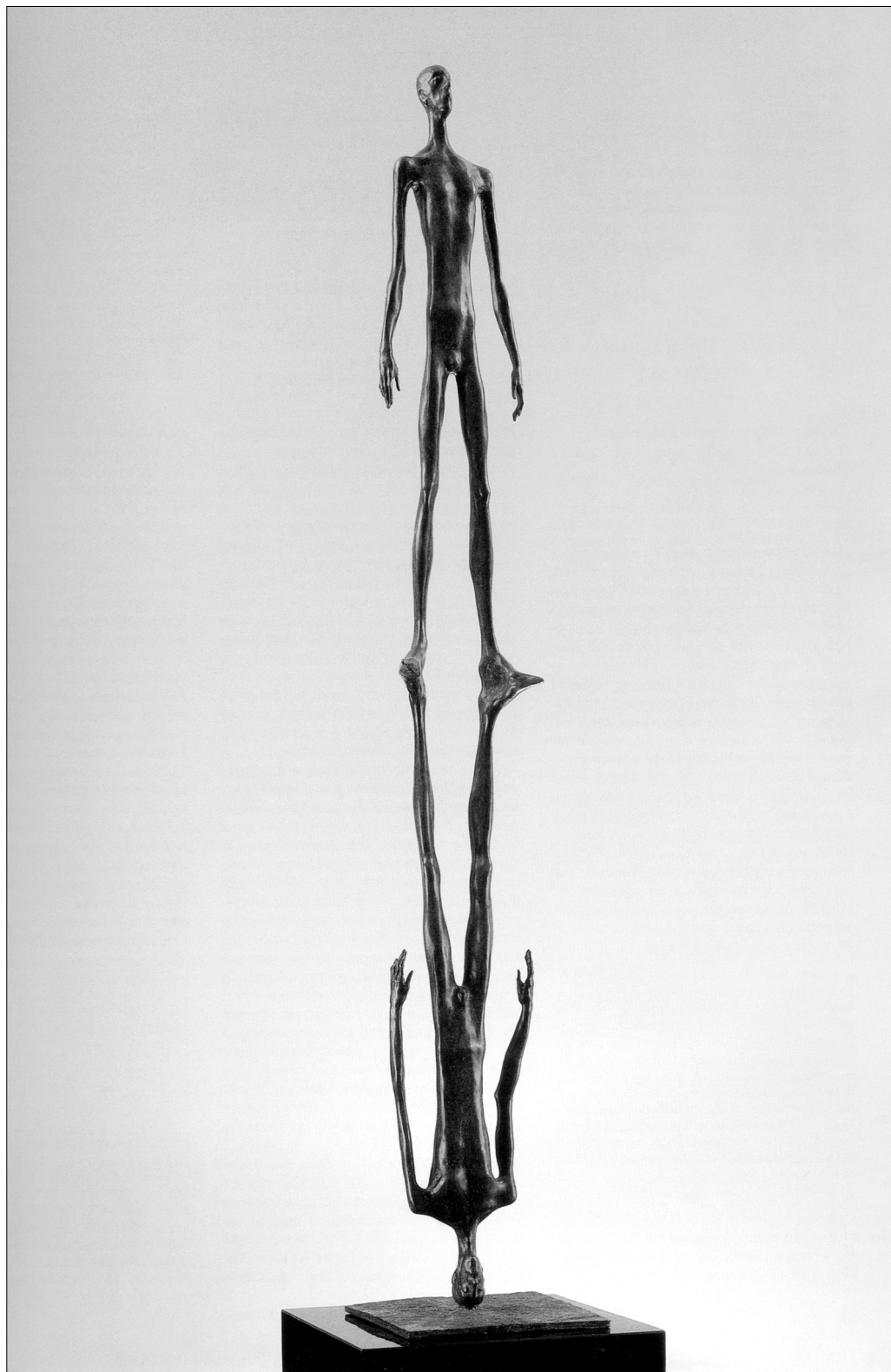
предопределило закрепление в общественно-политической жизни архаичных авторитарных форм власти, засилье бюрократии, широкое распространение насилия в качестве главного инструмента регулирования общественных отношений. В новых условиях эти формы приня-

Революция 1917 года явилась не только следствием военно-политического и международного фиаско монархии Романовых, но и попыткой ответа на внешнеполитические проблемы, которые та не могла решить

ли еще более жесткий и репрессивный характер, чем в царской России.

Тот же выбор обусловил состояние перманентной ожесточенной войны, в которую вступила Россия, а позднее Советский Союз, с остальным миром, воспринимавшимся как «враждебное капиталистическое окружение». Война с внешним миром, на которую фактически обрекла себя Россия, предполагала выстраивание не только нового государства под водительством партии-суверена, но и всех сопутствующих ему особых цивилизационных стандартов и институтов. Государство диктатуры пролетариата, придя на смену царской империи и заняв свое особое место в мире, окончательно превратило русского крестьянина в «человека с ружьем», воина и стража глобальной утопии, наделенного национальной миссией сражаться и сокращать врагов коммунизма во имя будущего интернационального мира.

В международном контексте Русская революция выглядит одной из наиболее успешных и впечатляющих попыток ответа на вызов глобального капитализма для стран мировой периферии.

Дмитрий Герман. Отражение. 1999

Однако этот ответ в конечном итоге привел не к сокрушению господствующей мировой системы, а к периферийному встраиванию в нее на условиях особой стороны, сохраняющей изрядную долю внутренней автономии. Как следствие, это предполагало жесткие внутренние ограничения для проникновения финансового капитала, свободной торговли, а также всех тех стандартов, которые были выработаны цивилизацией капитализма, включая свободы и политические институты западной либеральной демократии.

Уникальное сочетание национальной и универсалистской заряженности тем не менее с самого начала не позволило Русской революции выйти за пределы основной территории бывшей Российской империи. Возможность или, по крайней мере, иллюзия альтернативы глобальному капитализму сохранилась еще на несколько последующих десятилетий после провала в 1920-е годы надежд на мировую революцию. Более того, они даже укрепились после Второй мировой войны и создания мировой социалистической системы, которая, постепенно расширяясь за счет бывших колониальных и полуколониальных стран, как тогда казалось, могла стать реальной альтернативой мировому капитализму.

Возникновение биполярного мирового порядка во главе с СССР и США, который имел четкую идеологическую окраску, укрепляло такие надежды. Этому способствовали начавшиеся в 1950–1960-х годах в восточноевропейских социалистических странах и в СССР поиски модели «социализма с человеческим лицом». Однако к середине 1960-х годов Советский Союз уже превратился в забюрократизированную и индоктринированную систему, отвергавшую любые попытки изменений, давно утратившую качества радикального (большевистско-

го) модернизационного проекта. Советская бюрократия, как ранее бюрократия царская, предпочитала переменам примитивное охранительство. Поэтому попытки реформирования социалистического проекта в Венгрии (1956), в Чехословакии (1968) и Польше (1980) были подавлены.

В то же время нельзя не отметить то позитивное влияние, которое советский проект на протяжении XX века оказывал на судьбы остального мира. Он подталкивал развитые страны к осуществлению масштабных социальных реформ, тем самым внося заметный вклад в формирование модели «социального государства», в котором безработица находится на стабильно низком уровне, обеспечивается высокий уровень жизни для большинства населения и гарантирована защита прав граждан. В течение длительного времени способность развитых стран Запада проводить социальные реформы в интересах большинства населения была для них вопросом выживания в соревновании с советским проектом.

Вплоть до 1970-х годов советский проект был ориентиром для стран третьего мира, стремившихся провести индустриальную модернизацию. В этот период освободившиеся от колониального гнета государства, взявшие курс на строительство социализма, нередко обгоняли в темпах экономического развития страны, выбравшие капиталистическую модель развития.

Однако со второй половины 70-х годов стало очевидно, что потенциал развития советского проекта исчерпан, что он не выдерживает конкуренции с западным капитализмом. В последние два десятилетия XX века происходил стремительный уход от советской модели социализма. Политика перестройки, инициированная Михаилом Горбачевым, вначале базировалась на идеях возврата к идеа-

лам Октябрьской революции. Но уже к 1990 году перестройка была направлена на глубокую трансформацию советского проекта и переход на универсальный путь развития. Исходя из этого, можно говорить о том, что влияние наследия Русской революции на мир все более ослабевало.

Постсоветская Россия играет существенную роль в современном глобальном мире, но эта ее роль сохранится в будущем в том случае, если возникнет новый импульс для собственного, внутреннего развития страны. За последние сто лет, прошедших с 1917 года, неотложные задачи российского развития не утратили своей актуальности: среди них демократизация и модернизация, преодоление имперского наследия и, наконец, возвращение универсального и вневременного наследия Русской революции, заключающегося в признании мира, свободы и равенства стран и народов как высшей ценности и цели международной политики.

Революция как «точка сборки» для политического курса

На протяжении советской эпохи было принято говорить о двух революциях 1917 года — Февральской, которая была по своему содержанию буржуазно-демократической, и Октябрьской, «пролетарской», открывшей путь строительства социализма. Центром официального советского дискурса выступал Октябрь 1917-го, вокруг событий которого был создан миф о рождении новой исторической общности — советского народа — из пламени Великой Октябрьской социалистической революции. В отечественной истории XX века ей пришлось дважды выступить в роли «точки сборки», или легитимации нового политического курса.

Первый раз это произошло в годы хрущевской оттепели, когда новое руководство СССР решилось на первую осторожную попытку либерализации, отталкиваясь от критики Сталина, обвиненного в искажении идеалов Октября. Хотя критика Сталина и особенно сталинизма носила ограниченный, выборочный характер и касалась в основном массовых репрессий, чрезмерной централизации и бюрократизации общественной жизни, обращение к Октябрю 1917 года стало в ней отправным пунктом. Образ «комиссаров в пыльных шлемах» являлся в то время едва ли не главным критерием художественной правды и морального авторитета.

Второй раз революция 1917 года стала источником легитимности в начале политики перестройки, которая ставила целью создание социализма «с человеческим лицом», при котором будут созданы широкие возможности для творческой самореализации индивидов. Политика перестройки исходила из того, что Октябрьская революция обладала гуманистическим потенциалом, искаженным и деформированным в последующие периоды жизни страны. Поначалу смысл этой политики виделся инициаторам перестройки в том, чтобы очистить социальные и политические основы социалистического строя от искажений и деформаций и тем самым освободить созидательную энергию советского народа. В дальнейшем идеология перестройки эволюционировала в направлении планетарных, общечеловеческих ценностей, и значимость в ней революции 1917 года заметно уменьшилась.

В постсоветской России отношение к революции 1917 года заметно изменилось по сравнению с предыдущей эпохой и впоследствии продолжало эволюционировать. В 1990-е годы, когда в политике страны доминировал курс на радикальные рыночные и демократические

реформы и сближение с Западом, в официальном дискурсе произошло еще более жесткое, чем в советский период, разделение Русской революции на Февральскую и Октябрьскую. Если Февральская революция в 90-х рассматривалась как источник рождения новой, демократической России, то Октябрьская революция на официальном уровне и в общественном мейнстриме воспринималась резко отрицательно — как событие, толкнувшее Россию на тупиковый путь развития, стоивший десятков миллионов жертв. В ходе острой политической борьбы 1990-х годов, разделившей общество на сторонников продолжения радикальных реформ и тех, кто хотел бы сохранения прежнего социалистического строя, идейное наследие Октября фактически оказалось монополизировано советскими консерваторами, ядро которых составили сторонники Сталина. Такая конфигурация в немалой степени способствовала закреплению в сознании большей части образованного населения негативного восприятия Октябрьской революции как события, затормозившего развитие России, сбросившего ее с магистрального пути развития человеческой цивилизации.

В начале нового столетия в связи с внутриполитическими изменениями в России, возобладавшим политическим курсом на сохранение status quo, отношение к революционным событиям 1917 года на официальном уровне снова стало меняться. Так, резко изменилась оценка Февральского этапа революции. Из источника рождения демократической России Февральская революция превратилась в точку слома тысячелетней Российской государственности. По отношению к Октябрю сформировалось более сложное восприятие. С одной стороны, признается, что он продолжил слом того, что еще оставалось от прежней России, и в этом плане Октябрь раз-

вивал линию, начатую Февралем. Не случайно именно в нулевые годы в общественно-политическом дискурсе закрепляется представление о революционных событиях 1917 года как о единой Русской революции, которая уничтожила старую Россию и положила начало строительству Советского государства. Положительная оценка этого факта для правящих постсоветских элит была бы равнозначна подрыву собственной легитимности. В то же время именно в советскую эпоху Россия стала одной из двух сверхдержав, обладающей сильным и централизованным государством. Поэтому отношение к Октябрю 1917 года правящих элит, взявших курс на возрождение имперского величия страны, не могло быть однозначно негативным.

Что же касается общественных оценок, то перемены в официальном дискурсе их никак не затронули. Позитивное отношение к Февральской революции по-прежнему распространено в основном в либеральных кругах, к Октябрьской революции — главным образом среди тех, кто в той или иной степени разделяет сталинистские взгляды, но также среди интеллигенции, придерживающейся левых, социал-демократических или марксистских взглядов.

В значительной степени негативное отношение большей части современной российской интеллигенции к идейному наследию Октября обусловлено кризисом традиционной левой идеи в мире. Между тем модель социально-либерального капитализма, которая еще недавно воспринималась как венец социального развития, сегодня тоже находится в глубоком кризисе, у нее отсутствует реальная альтернатива. Левые концепции, бывшие популярными в XX веке, утратили эффективность и привлекательность, а новые социально-политические проекты находятся в стадии формирования.

Вместо резюме

Большевистский проект переустройства страны изначально носил глобальный характер, но с точки зрения исторических итогов оказался ограниченным и неполным. Он так и не вышел за рамки общей колеи попыток обновления России на принципах «просвещенного авторитаризма» с последующими «контрреформами», которые имели место как до, так и после 1917 года.

Главным вызовом Русской революции стала, таким образом, не просто реакция, но угроза архаизации, практически неизбежной на волне разрушительного восстания непросвещенных масс. Исторической победой в этих условиях стало само сохранение страны с последующим выходом на прорывное развитие, обеспечившее переход к индустриальному урбанизованному типу общества.

Историческое поражение Русской революции 1917 года было обусловлено крайней слабостью демократической альтернативы для России. Последующее пере рождение большевизма в сталинизм стало катастрофой для идеологии и практики демократического социализма, идеи которого достаточно громко прозвучали в ходе революции, но оказались растоптаны и потеряны в результате сильнейшего раскола общества и последствий Гражданской войны.

Вместе с тем идеи свободы и равенства, порожденные революцией 1917 года, способствовали появлению различных социальных и художественных утопий, закреплению гуманистических начал в лучших произведениях советской литературы и искусства. Они внесли заметный вклад в культурное развитие человеческой цивилизации на протяжении всего XX века. Их значимость сохраняется по сей день.

Идеи, выдвинутые Русской революцией, оказали заметное влияние на трансформацию глобального капитализма в XX веке, но реальной альтернативой ему и созданной им системе «мировой социализм» так и не стал. К началу нынешнего столетия преобразовательный потенциал Русской революции оказался исчерпанным. Возможно, новые левые, которые, судя по всему, в ближайшие годы снова окажутся востребованными в развитых странах, вновь обратятся к опыту и идеям Русской революции 1917 года. Вместе с тем в социально-политических проектах переустройства общества на базе левых идей упор делается на развитие самоуправления и самоорганизации населения, децентрализацию управления и смещение его на низовые «этажи» политической системы. То есть на все то, что так и не получило развития в советском проекте, истоком которого была революция 1917 года.

Двойственность Русской революции заключалась в несовпадении целей, которые она провозглашала, и ожиданий, которые она породила, с реальными возможностями развития, имевшимися в России начала XX века. Это трагическое несоответствие предопределило последующий характер развития страны вплоть до наших дней.

Для сегодняшних поколений важнейший урок 100-летия Русской революции состоит в необходимости переосмысления и фактически нового открытия идей и ценностей Просвещения, для России и всего мира. На фоне исторических побед и неудач российский интеллектуальный класс обязан помнить о нереализованной исторической задаче — необходимости построения современного общества, основанного на принципах права, гражданского самоуправления, социальной справедливости, общечеловеческих ценностях и политике мира.

CONTENTS

ON THE 25TH ANNIVERSARY OF THE SCHOOL

Statements of Salutation

Hans-Gert Pöttering

Elena Nemirovskaya

Frank-Walter Steinmeier

Rüdiger von Fritsch

Thorbjørn Jagland

Jack Hanning

Catherine Lalumière

Álvaro Gil-Robles

John Lloyd

Chris Patten

René Nyberg

Sonja Licht

Yuriy Senokosov 5

SEMENAR

On the Responsibility of an «Intellectual»

Anatoliy Mikhailov 23

Discussion 34

The Problem of National Identity and Security

Riina Kaljurand 40

Discussion 44

THEME OF THE ISSUE

The Law and Three European Crises: Economy, Security, Politics

Miguel Azpitarte Sánchez

Miguel Beltrán de Felipe 53

On the Paradox of the Nordic Social Contract

Lars Trägårdh 65

CHALLENGES AND THREATS

The World in the Era of Globality

Ludger Kühnhardt 71

CIVIL SOCIETY

Civic Education in the Context of World History

Alexander Sogomonov 78

Human Rights and the Rule of Law

Vadim Klyuvgant 97

Enforcing of Human Rights is Impossible without the Mechanism of Coercion <i>Grigoriy Okhotin</i>	104
Populism and the Future of Civil Society <i>Daniel Dettling</i>	111
A VIEWPOINT	
The Age of Aquarius <i>Alexander Volkov</i>	114
National and Regional Identity of the Republic of Poland in the Times of Globalization <i>Serguey Bolshakov</i>	126
BOOKS	
Europe after Europe? <i>Andrey Zakharov</i>	131
Counterpoint <i>Vladimir Ryzhkov</i>	134
NOTA BENE	
Russian Revolution of 1917 for this Country and the World: A Hundred-Year Perspective <i>Vassiliy Zharkov</i> <i>Andrey Zakharov</i> <i>Andrey Ryabov</i> <i>Mark Simone</i>	146

СОДЕРЖАНИЕ
Журнала «Общая тетрадь» за 2017 год

К 25-ЛЕТИЮ ШКОЛЫ

Шмелева Светлана

Сообщество, в котором ценится личность
(№ 1–2)

25 ЛЕТ ШКОЛЕ

Лалиомьер Катрин

Лихт Соня

Ллойд Джон

Немировская Елена

Нюберг Рене

Паттен Крис

Пёттеринг Ханс-Герм

Сенокосов Юрий

Фрич Рюдигер фон

Ханнинг Джек

Хиль Роблес Альваро

Штайнмайер Франк-Вальтер

Ягланд Торбьёрн

Приветствия (№ 3–4)

СЕМИНАР

Гудков Лев

Парадоксы социальной структуры
в России (№ 1–2)

Михайлов Анатолий

Об ответственности «интеллектуала»
(№ 3–4)

Кальюранд Рина

Проблема национальной идентичности
и безопасность (№ 3–4)

Трудолюбов Максим

Правда в России и мире (№ 1–2)

ТЕМА НОМЕРА

Макаркин Алексей

Россия между традиционализмом
и модернизацией (№ 1–2)

Рыжков Владимир

Демократия: вызовы и цензоры
(наследие А. Салмина) (№ 1–2)

Санчес Мигель Аспитарте

Фелипе Мигель Бельтран де

Право и три европейских кризиса:
экономика, безопасность, политика
(№ 3–4)

Трэггерд Ларс

О парадоксе нордического социального
контракта (№ 3–4)

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Бек Торстен, Андерхилл Джефффри

Европа — камо грядеши? (№ 1–2)

Гуриев Сергей

Политическая экономия реформ: уроки
посткоммунистических стран для ЕС
(№ 1–2)

Кюнхардт Людгер

Мир в эпоху глобальности (№ 3–4)

Сенокосов Юрий

От веры в спасение к доверию (№ 1–2)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Денисова Галина

Конструирование гражданской
идентичности в системе образования
(№ 1–2)

Детлинг Даниэль

Популизм и будущее гражданского
общества (№ 3–4)

Клювгант Вадим

Права человека и верховенство права
(№ 3–4)

Охотин Григорий

Осуществление прав человека
невозможно без механизма принуждения
(№ 3–4)

Согомонов Александр

Гражданское образование в контекстах
мировой истории (№ 3–4)

ТОЧКА ЗРЕНИЯ*Большаков Сергей*

Национальная и региональная
идентичность Республики Польша
в условиях глобализации (№ 3–4)

Волков Александр

Эра Водолея (№ 3–4)

Дюффель Ник

Почему из выпускников закрытых школ
получаются плохие лидеры (№ 1–2)

Слинько Юрий

Хельсинкские соглашения (№ 1–2)

Солдатов Андрей, Бороган Ирина

Свобода и безопасность — российская
дилемма (№ 1–2)

ИСТОРИЯ УЧИТ*Захаров Андрей*

Карл Маркс: человек, который изобрел
«локомотив истории» (№ 1–2)

ГОРИЗОНТЫ ПОНИМАНИЯ*Жарков Василий*

Война и революция. 1917 год в России
и мировая политика (№ 1–2)

Папа Франциск:

«Опасно в кризисные времена искать
спасителя...» (№ 1–2)

КНИГИ*Захаров Андрей*

«В полымя»: Российская империя
накануне крушения (№ 1–4)

Рыжков Владимир

Контрапункт (№ 1–4)

NOTA BENE*Жарков Василий**Захаров Андрей**Рябов Андрей**Симон Марк*

Русская революция 1917 года
для нашей страны и мира:
взгляд сто лет спустя
(№ 3–4)

Настоящая журналистика
(№ 1–2)

Петров Сергей

Я не хотел, чтобы мою компанию
япостигла участь СССР (№ 1–2)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Наши авторы:

Торнбьерн Беккер

Йона Викстрём

Дмитрий Горин

Андрей Захаров

Кадри Лийк

Михаэль Мертес

Доминик Моизи

Натали Нугайред

Стивен Пинкер

Владимир Рыжков

Мигель С. Санчес

Александр Согомонов

Роберт Скидельски

Эдвард Скидельски

Николай Эппле

Мигель Б. де Филипе

Подписано в печать 8.05.2018.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 10,75.

Тираж 500 экз.

Заказ №

Школа гражданского просвещения

107031 Москва,

ул. Петровка, д. 17, стр. 1

<http://www.civiceducation.ru>

ISBN 978-5-93895-116-7